

54
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

SĒJUMS 54 TOM

RĪGA 1964 RĪGA

PETERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

SĒJUMS 54 TOM

RĪGA 1964 РИГА

5760

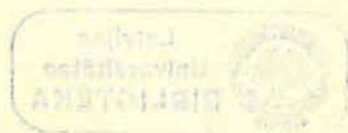
1AA

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

Filoloģijas zinātņu kandidāte, docente M. Semjonova,
Filoloģijas zinātņu kandidāts, docents A. Grinblats,
Filoloģijas zinātņu kandidāte L. Taubenbergā,
Filoloģijas zinātņu kandidāte N. Razdorova,
Pasniedzēja J. Paršuta,
Pasniedzējs J. Kušķis.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

кандидат филологических наук, доцент М. Ф. Семенова,
кандидат филологических наук, доцент А. Ф. Гринблат,
кандидат филологических наук Л. И. Таубенберг,
кандидат филологических наук Н. П. Раздорова,
преподаватель Ю. М. Паршута,
преподаватель Я. Я. Кушкис.

FILOLOĢIJAS ZINĀTNES
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*

KRIEVU VALODAS KATEDRAS RAKSTU KRAJUMS
СБОРНИК КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

LAIIDIENS 9A ВЫПУСК

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий выпуск Ученых записок Латвийского государственного университета является сборником статей, подготовленных преподавателями кафедры русского языка историко-филологического факультета за 1962/63 г.

Сборник состоит из работ, освещающих некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и латышского языков (Юрик В. А., Боголюбова Н. Д., Семенова М. Ф.), современного русского литературного языка (Донец Н. А., Румянцева Г. И., Толмачева З. А.), языка писателя (Пабауская Т. И., Раздорова Н. П.) и методики (Рудзит Д. К.). Кроме того, в сборнике помещена информация о работе лингвистических кафедр русского отделения факультета за послевоенный период (Семенова М. Ф.) и рецензия на 36 том Ученых записок кафедры (вып. 6А) Капорулиной Л. В. (Ленинград) и рецензия на новый учебник русского языка для латышских школ (Румянцева Г. И.).

Все отзывы, замечания и предложения просим направлять в редколлегию по адресу: Рига 1, ул. Горького 48. Все издания кафедры можно выписать по адресу: Рига, б. Коммунаров 4. Научная библиотека Латвийского государственного университета им. П. Стучки.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The present issue of Scientific Transactions of the Latvian State University comprises the following papers by members of the Russian shair of the Faculty of History and Philology:

On questions concerning the comparative grammar structures of Russian and Latvian:

V. A. Yurik, Grammar phenomena and their expressive functions in Latvian and Russian; N. D. Bogolyubova, Verbal aspects in Russian and Latvian; M. F. Semenova, Comparative grammar of the Russian and Latvian languages.

On questions concerning the contemporary Russian language:

N. A. Donets, Phraseological units as part of the nominal predicate; Archaisms and historisms as parts of phraseological units in the Russian language; G. I. Rumyantseva, The meaning and usage of the comparative degree of adjectives with the prefix "no-"; Z. A. Tolmacheva. On the evolution of the adverbial structure in the author's language; T. I. Pabauska, Comparisons in A. P. Chekhov's stories; N. P. Razdorova, Figurative usage of words in K. G. Paustovsky's language; Usage of Dialectism in K. G. Paustovsky's Writings;

On questions concerning Methods:

D. K. Rudzit, Teaching of Russian to Latvian Students.

A review of the work of the linguistic chair of the Russian department of the Faculty during the post-war period by M. F. Semenova, and a review of the Scientific Transactions vol. 36 (ed. 6 A) by L. V. Kaporulina, Leningrad. G. I. Rumyantseva, Reviews of the new Russian Reader for the hinth and Eleventh Forms of Latvian Schools.

Readers are requested to send their references and critical remarks to The Editorial Board, 48, Gorky Street, Riga 1.

В. А. ЮРИК

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ЛАТЫШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как русский, так и латышский языки относятся в целом к языкам флективным и, несмотря на некоторые элементы анализа отдельных грамматических форм, с точки зрения формообразования являются синтетическими.

Живыми и продуктивными аналитическими формами в сопоставляемых языках следует признать некоторые образования в парадигме форм степеней сравнения прилагательных типа «самый красивый», в латышском соответственно *pats skaistākais*, в парадигме форм времени глаголов типа *буду пусать* и в латышском типа *būšu rakstījis*, в парадигме форм наклонений глаголов типа *писал бы*, *пусть иду*, в латышском соответственно *būtu rakstījis*, *lai iet*. Кроме того, в латышском языке очень продуктивными являются аналитические формы времен типа *esmu rakstījis* и *biju rakstījis*, а также аналитическая форма страдательного залога глаголов типа *tieku mazgāts*. Подобные формы русскому языку не свойственны.

Из аналитических форм русского языка, не имеющих соответствия в латышском, можно отметить лишь форму сравнительной степени прилагательных типа *более красивый*.

Подобное беглое сопоставление аналитических форм русского и латышского языков позволяет сделать лишь самый общий вывод о некотором превосходстве латышского языка в области аналитических образований, однако подавляющее большинство устоявшихся языковых форм является синтетическими в обоих сопоставляемых языках, т. е. внешние материальные средства, служащие для выражения тех или иных грамматических значений, находятся в пределах одной словоформы.

Из способов выражения грамматических значений для данного рода образований можно отметить широко распространенные в обоих языках три разновидности аффиксации — флексию, суффиксацию и префиксацию (нулевую флексию), чередование звуков, супплетивацию, ударение и порядок слов.

А. АФФИКСАЦИЯ

1. Флексия

Флексия является доминирующим способом выражения грамматических значений в обоих языках и имеет место в парадигмах различных грамматических категорий для многих частей речи. Флексия в обоих языках, как правило, многозначна. Например, флексия *-a* в формах падежа, рода и числа для существительных русского и латышского языков является носительницей определенных значений всех этих категорий, и слова типа *жена, школа, sieva, skola* будут восприниматься как словоформы именительного падежа, единственного числа женского рода.

Для обоих языков характерны флексии-омонимы, например: в русском языке флексия *-a* именительного падежа, единственного числа женского рода имеет омоним *-a* в форме родительного падежа, единственного числа мужского рода *стола*, то же в латышском языке *sieva* и *galda*.

Следует отметить, что в русском языке гораздо шире, нежели в латышском, распространено обратное явление — флексии-синонимы в парадигмах склонения существительных и прилагательных.

Это наблюдается, во-первых, у существительных мужского рода, где некоторые падежные формы имеют два окончания при одном и том же общем падежном значении. Так, существительные, обозначающие вещества или отвлеченные понятия, а также приближающиеся в сочетании с определенными предлогами по своей семантике к наречиям, могут иметь в родительном падеже окончания *-a* и *-y*, например: *гороха — гороху, сахара — сахару, без шума — без шуму* и под. Выбор того или иного окончания регламентируется различными семантическими тонкостями высказывания, а иногда допускаются и колебания. Точно такая же картина наблюдается и в форме предложного падежа существительных того же рода, где определенные группы имен с предлогами *в* и *на* могут иметь окончания *-e* и *-y*, ср: *в отпуске — в отпуску, на дубе — на дубу* и под.

Общеизвестным фактом вариантности падежных окончаний

является также наличие у существительных и прилагательных в единственном числе женского рода двух возможных окончаний формы творительного падежа: *красной коровой* и *красною коро-вою* и под. В русском языке встречаются и другие случаи вариантности падежных окончаний существительных, однако вполне достаточно и приведенных, чтобы сделать вывод о значительной флексийной гибкости существительных и отчасти прилагательных русского языка.

В латышском языке система флексий гораздо стабильнее, за исключением единичных случаев в спряжении глаголов и склонении числительных, ср.: *darīsit* и *darīsiet*, *trim* и *trijām (-jēm)*, *divi dienas* и *divas dienas*. Необходимо отметить, что наличие определенных и неопределенных окончаний у прилагательных в латышском языке не может считаться фактом вариантности, так как связано с особой грамматической категорией определенности и неопределенности.

2. Суффиксация

Более узким по сравнению с предыдущим является способ выражения грамматических значений, именуемый суффиксацией. В обоих языках в чистом виде этот способ встречается редко. Так, в русском языке в парадигме спряжения глаголов по видам встречаются формы, различающиеся лишь суффиксами, вернее наличием и отсутствием последних: *подделатъ*—*поддѣлывать* и под., в латышском языке — в парадигме изменения формы прилагательных по степеням сравнения: *rāms* — *rāmāks*.

В большинстве своем суффиксы, несущие то или иное грамматическое значение, выступают в качестве средства дополняющего флексии или другие способы выражения данного грамматического значения, ср.: в русском языке *толкать* — *толкнуть* (чередование суффиксов), в латышском языке — *vedu* — *vedīšu* (чередование узкого и широкого *e*).

В русском языке грамматическая суффиксация наблюдается как при образовании различных именных, так и глагольных форм. В латышском же языке суффиксация в именных формах почти не имеет места, а в глагольных широко распространена там, где ее нет в соответствующих формах русского языка.

Так, например, в числовой парадигме русских имен существительных типа *англичанин* — *англичане*, *боярин* — *бояре*, *господин* — *господа*, *болгарин* — *болгары*; типа *брат* — *братья*, *звено* — *звенья*; типа *судно* — *суда*; типа *племя* — *племена* в

качестве весьма ощутимого средства выражения числовых значений выступает суффиксация.

В именах прилагательных суффиксов с грамматическими значениями гораздо меньше. По сути они встречаются лишь в формах превосходной степени — *краткий* — *кратчайший* и в формах сравнительной степени — *длинный* — *длиннее, тихий* — *тише, далекий* — *дальше*.

В латышском языке в именах существительных грамматической суффиксации нет (если не принимать во внимание суффиксов субъективной оценки, которые представляются словообразующими, и некоторые числовые и падежные формы имен существительных м. р. на *-is*, которые в род. падеже ед. ч. и всех падежах мн. ч. после губных согласных в конце основы имеют вставное *-j-*, что можно считать не суффиксацией, а закономерным чередованием звуков, губной: губной +j). В латышских прилагательных суффиксация наблюдается, как и в русском, в форме сравнительной степени прилагательных: *skaists* — *skaištāks*.

Гораздо распространеннее грамматическая суффиксация в глагольных формах обоих языков, причем в русском языке этот способ широко представлен в видовой и временной парадигмах, напр., *отделать* — *отделять*, *спросить* — *спрашивать*, *раздуть* — *раздувать*; *сею* — *сеял*, *пишу* — *писал*, а в латышском только во временной, *mirstu* — *miru*.

3. Префиксация

Этот способ выражения грамматических значений в латышском языке распространен несколько шире, чем в русском. Префиксация в латышском языке имеет место, прежде всего, в парадигме степеней сравнения прилагательных при образовании форм превосходной степени, например: *dārgāks* — *visdārgāks*, кроме того, в парадигме глагольных наклонений у форм должностовательного наклонения, например: *jādara*, и в видовой парадигме, например: *darīt* — *padarīt*, в то время как в русском языке грамматическая префиксация наблюдается в видовой парадигме, например: *делать* — *сделать*.

В обоих сопоставляемых языках грамматическая префиксация всегда служит единственным средством выражения того или иного грамматического значения, префиксы в этих случаях всегда имеют лишь одно какое-либо грамматическое значение, и поэтому весьма напоминают префиксы в агглютинирующих языках.

4. Некоторые другие способы выражения грамматического значения, связанные с аффиксацией

Кроме описанных выше способов выражения грамматического значения в обоих языках имеет место способ так называемой нулевой флексии. Сущность его состоит в том, что некоторые словоформы в определенной парадигме лишены морфологических показателей данного грамматического значения, тогда как другие словоформы этой же парадигмы содержат такие показатели в виде различных аффиксов. В этом случае, принимая во внимание характер всей парадигмы в целом, можно говорить о нулевой флексии словоформ, лишенных аффиксов, т. е. само отсутствие последних в данной системе словоформ воспринимается как материально выраженный показатель того или иного грамматического значения.

В русском языке нулевая флексия больше распространена в именных парадигмах: а) в формах родительного падежа мн. ч. существительных женского и среднего рода типа *село — села — сел, школа — школы — школ* и некоторых существительных мужского рода типа *сапоги — сапог, гусары — гусар, татары — татар*; б) в форме именительного падежа единственного числа мужского рода существительных типа *стол — стола, звезда — звезда*; в) в форме именительного падежа мужского рода прилагательных типа *дядин — дядина, отцов — отцова, лисий — лисьего*; г) в форме мужского рода, ед. числа прилагательных типа *высок — высока, горяч — горяча*.

В глагольных парадигмах нулевая флексия в русском языке встречается реже, например, в родовой парадигме глагольных форм прошедшего времени: *ходил — ходила, писал — писала*; в залоговых формах: *резать — резаться, мыть — мыться*.

Напротив, в латышском языке почти все случаи нулевой флексии относятся к глагольным парадигмам: а) в форме 3 лица настоящего времени глаголов типа *metu — met, lieku — liek, skrienu — skrien, runāju — runā*; б) в формах 3 лица глаголов будущего времени типа *skriesim — skries, metīsim — metīs*; в парадигмах залоговых форм глаголов типа *mazgāt — mazgāties, sargāt — sargāties*; а также в парадигмах степеней сравнения некоторых наречий типа *sen — senāk*.

Явление нулевой флексии по сути является лишь особой разновидностью другого, более общего способа выражения грамматического значения, который можно назвать меной аффиксов.

Этот способ сводится к мене суффиксов при выражении того или иного грамматического значения. Так, в русском языке при

образовании форм множественного числа существительных типа *теленок* — *телята*, одиночное *хозяин* — *хозяева* грамматическое значение множественности (единичности) выражается, кроме флексии, и меной суффиксов. То же наблюдается и в видовых парадигмах некоторых глаголов типа *заземлить* — *заземлять*, *зевать* — *зевнуть*, *выкрикивать* — *выкрикнуть*, *выздоревать* — *выздораивать*, *расколоть* — *раскалывать*.

В латышском языке в именных парадигмах мены суффиксов не наблюдается, зато таковая имеет место в парадигмах времени глагольных форм типа *brienu* — *brīdu*, *sienu* — *sēju*, *klīstu* — *klīdu* и под.

Грамматической мены префиксов нет ни в русском, ни в латышском языках.

Б. ЧЕРЕДОВАНИЕ ЗВУКОВ

1. Чередование гласных

Чередование гласных звуков в корневых морфемах словоформ той или иной парадигмы представляется довольно распространенным явлением в обоих языках и почти целиком относится к глагольным формам.

В латышском языке весьма часты случаи, когда чередование гласных в корневой морфеме является единственным средством выражения грамматического значения, в русском языке подобных случаев вообще нет.

Классификацию сопоставительного чередования гласных в обоих языках целесообразнее проводить по сходным признакам в чередованиях, ибо это позволит яснее увидеть сходства и различия чередований.

а) Чередования звуков переднего ряда

Прежде всего, следует указать на такие случаи в латышском языке, где чередование гласных переднего ряда является единственным средством выражения грамматического значения и приближается по своему характеру к явлению, называемому внутренней флексией. Этот способ встречается исключительно в глагольных парадигмах настоящего и прошедшего времени. Например: *šķiru* — *šķīru* (*i* : *ī*), *kritu* — *kritu* (*ī* : *ī*), *cērpi* — *cirpi* (*ē* : *ī*), *sveru* — *svēru* (*e* : *ē*), *vedu* — *vedu* (*e* : *e*), *ēdu* — *ēdu* (*ē* : *ē*), *lecu* — *lēcu* (*e* : *ē*); то же наблюдается и в чередовании монофтонга переднего ряда с дифтонгом, например: *lieku* — *liku* (*ie* : *i*).

Широко распространены чередования гласных переднего ряда также и в тех случаях, где они являются лишь сопровождающим средством выражения грамматического значения (наряду с другими средствами). Это наблюдается как в парадигмах настоящего и прошедшего времени, например: *šķīlu — šķīlu* (*i : ī*), *pazīstu — pazīnu* (*ī : ī*), *strebju — strēbu* (*e : ē*), так и во всех словоформах будущего времени, соотносительных с указанными словоформами настоящего и прошедшего времени, например: *šķīru — šķīru — šķīršu* (*i : ī : ī*), *kritu — kritu — kritīšu* (*ī : ī : ī*), *cērpju — cērpju — cērpšu* (*ē : ī : ī*), *sveru — svēru — svēršu* (*e : ē : ē*), *vedu — vedu — vedīšu* (*e : e : e*), *ēdu — ēdu — ēdīšu* (*ē : ē : ē*), *lēcu — lēcu — lēkšu* (*e : ē : ē*), *pazīstu — pazīnu — pazīšu* (*ī : ī : ī*), *šķīlu — šķīlu — šķīlšu* (*i : ī : ī*), *strebju — strēbu — strēbšu* (*e : ē : ē*). То же и в чередованиях дифтонгов с монофтонгами, например: *sienu — sēju — siešu* (*ie : ē : ie*), *lienu — līdu — līdīšu* (*ie : ī : ī*).

В русском языке чередования гласных в корневых морфемах встречаются лишь в качестве средства, сопровождающего, как правило, аффиксацию. Из чередований гласных переднего ряда в глагольных парадигмах можно отметить чередование *e - u* во временной парадигме *брею — брил*, в парадигме видов *сжечь — сжигать, умереть — умирать*.

Несколько шире представлен в русском языке особый вид чередования гласных переднего ряда — с нулем звука. Этот вид встречается как в глагольных парадигмах времени, например: *шью — шил, беру — брал, вытру — вытер*, так и в видовой парадигме, например: *собирать — собрать, застилать — застлать*. Этот вид чередования в русском языке распространен также и в именных парадигмах склонения существительных типа *день — дня, лев — льва, воробей — воробья*. Если же учитывать выпадение гласного *e* в суффиксальных морфемах, то сюда нужно будет отнести многочисленную группу имен существительных с суффиксами субъективной оценки *-ек, -ёчек, -шек, -ец*, например: *овражек — овражка, кулёчек — кулёчка, барашек — барашка, братец — братца* и под. Это чередование характерно также и для падежной парадигмы притяжательных прилагательных с суффиксом *-j-*, например: *лисий — лисьего* и под.

Для латышского языка чередования гласных с нулем звука не характерны.

б) Чередование звуков непереднего ряда

В латышском языке в области чередования звуков непереднего ряда можно отметить уже рассмотренное выше явление внутренней флексии в глагольных парадигмах времени,

например: *skarū — skāru* (*a : ā*), *kuru — kūru* (*u : ū*), *jūtu — jutū* (*ū : u*); то же и для чередования дифтонга с монофтонгом: *roku — raku*, *protu — pratu* (*o : a*). В качестве сопровождающего средства этот вид чередования представлен несколько шире во временных парадигмах, например: *stumju — stūmu* (*u : ū*), *skarū — skaršu* (*a : ā : a*), *kuru — kūru — kuršu* (*u : ū : u*), *jūtu — jutū — jutīšu* (*ū : u : u*), *roku — raku — rakšu* (*o : a : a*), *protu — pratu — pratišu* (*o : a : a*).

В русском языке в глагольных парадигмах широко распространено чередование *a : o*, например, в парадигме вида: *спросить — спрашивать, устроить — устраивать* и под. Однако есть и исключения: *обеспокоить — беспокоивать, обусловить — обуславливать, узаконить — узаконивать, подытожить — подытоживать* и нек. др. В парадигме времени небольшая группа глаголов имеет чередование *o : y*, например: *мою — мыл, крою — крыл* и др.

Широко распространено чередование *o* с нулем звука в парадигме склонения существительных, например: *лёд — льда, ров — рва, лоб — лба, козел — козла, стрелок — стрелка, рожь — ржи, любовь — любви* и под. В родовых формах кратких прилагательных, например: *хитёр — хитра, крепок — крепка* и под.

В латышском языке подобных чередований не встречается.

в) Чередование гласных переднего и непереднего ряда

В латышском языке подобных чередований нет, если иметь в виду выражение грамматических значений. В русском языке такие чередования имеют место, хотя и не распространены столь широко, как другие виды чередований гласных. Так, например, в глагольных парадигмах вида можно отметить формы *садиться — сесть, ложиться — лечь*, в парадигме времени: *мелю — молот, лягу — лег*, в парадигме склонения существительных типа *село — сёла, звезда — звёзды*.

г) Чередования гласных с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями

В латышском языке в качестве сопровождающего средства выражения грамматических значений этот вид чередований распространён в глагольных парадигмах времени, например: *šauju — šāva* (*au : āv*), *grūstu — gruva* (*ū : uv*).

В русском языке этот вид чередования также имеет место во временной парадигме, например: *рисую — рисовал, плыву — плыл, живу — жил, клюю — клевал*. Первый и последний типы весьма продуктивны.

д) Чередования гласных с сочетаниями гласный + согласный

В предыдущем разделе гласный чередовался с дифтонгическими сочетаниями, состоявшими из гласного и легко вокализирующегося согласного *в* или *и* (*v* или *j*). Однако в языках встречаются случаи чередования гласного с целым звукосочетанием гласный + согласный, причем согласный не относится к числу легко вокализирующихся. Этот своеобразный вид чередования можно назвать инфиксацией, но следует отметить, что нередко здесь трудно провести границу между меной суффиксов и инфиксацией.

В буквально единичных случаях глагольных словоформ можно наблюдать как бы вставку согласных, например, в латышском языке: *аили — а̀ви, лиени — лѝди*. Вопрос о том, являются ли здесь звуки *n* и *d* инфиксами или суффиксами, остается открытым. За первое говорит их непродуктивность, за второе — местоположение и функция.

В русском языке подобные вставки носовых и зубных также наблюдаются в некоторых временных глагольных парадигмах, например: *едят — ели, метут — мели, едут — ехали* (со своеобразным чередованием *ед : ех*), в парадигмах вида: *нажимать — нажать, пожинать — пожать*.

Подводя итоги обзору чередований гласных, можно отметить, что характер этого чередования в сопоставляемых языках значительно отличается.

Латышский язык в глагольных парадигмах в целом ряде случаев обладает таким средством выражения грамматического значения, как внутренняя флексия, что совершенно чуждо русскому языку.

Чередования гласных в латышском языке несколько богаче и разнообразнее, чем в русском, так как первый имеет хорошо развитую систему противопоставлений кратких и долгих гласных.

В русском языке широко распространено чередование гласных с нулем звука, чего не знает латышский язык.

2. Чередование согласных

а) Чередование заднеязычных согласных

В этом типе чередования сопоставляемые языки имеют много общих черт. В латышском языке согласные *g* и *k* чередуются с аффрикатами *dz* и *c* как выразители грамматического значения только в глагольных парадигмах лица глаголов типа *bēgt, sākt*, где второе лицо настоящего времени отличается от остальных форм конечной аффрикатой, например: *bēgu — bēdz, sāku — sāc*.

В русском языке чередование заднеязычных согласных представлено несколько шире: во-первых, здесь чередуются не два, а три заднеязычных согласных — *г, к, х*, во-вторых, в русском языке это чередование имеет место не только в глагольных парадигмах, но и в некоторых именных. Кроме того, в русском языке заднеязычные согласные имеют два варианта чередований: 1) заднеязычный — шипящий, 2) заднеязычный — свистящий, причем эти варианты распределяются следующим образом: согласный *г* чередуется с *ж* и *з*, например, в глагольной парадигме лица — *могу — можешь* или числа *может — могут*; в парадигме степеней сравнения прилагательных — *строгий — строже* и под. согласный *г* чередуется с *ж*. В парадигме числа существительного *друг — друзья* этот согласный чередуется с *з*. Для согласного *к* чередование со свистящим для выражения грамматического значения не используется, а чередование с шипящим *ч* (аффрикатой) представлено в тех же парадигмах, что и для *г*, например: *пеку — печешь, печет — пекут, зоркий — зорче*. Согласный *х* чередуется только с шипящим *ш* во временной парадигме глаголов типа *пахали — пашут, махали — машут* и в парадигме степеней сравнения прилагательных: *сухой — суше*.

Таким образом, члены чередования по языкам полностью не совпадают. В латышском языке заднеязычные согласные чередуются только с аффрикатами и только в глагольных парадигмах, в русском же языке, кроме аффрикаты *ч*, вторыми членами чередования могут быть и двуфокусные щелевые *ш* и *ж* и однофокусный щелевой переднеязычный *з*.

б) Чередование переднеязычных согласных

В латышском языке этот вид чередования представлен весьма широко. Так, согласные *d* и *t* чередуются с *ž* и *š* в парадигмах склонения имен существительных по падежам и числам, например: *briedis — brieža* (род. п. ед. ч.), *briedis — brieži* (им. п. мн. ч.),

latvietis — *latvieša* (род. п. ед. ч.), *latvietis* — *latvieši* (им. п. мн. ч.), *izrāde* — *izrāžu* (род. п. мн. ч.), *māte* — *māšu* (род. п. мн. ч.) и под. В глагольных парадигмах времени глаголов типа *audu* — *aužu*, *pūtu* — *pūšu*, причем нередко это чередование является единственным средством выражения грамматического значения.

В русском языке это чередование используется только в непродуктивном способе образования сравнительной степени прилагательных, например: *молодой* — *моложе*, и в парадигмах лица глаголов типа *городит* — *горожу* и во временных парадигмах глаголов того же типа: *городил* — *горожу*, причем и в именных, и в глагольных парадигмах используется только чередование *д* с *ж*, другой согласный — *т* чередуется, в отличие от латышского языка, с аффрикатой *ч* в тех же парадигмах, что и *д*, например: *крутой* — *круче*, *крутит* — *кручу*, *крутил* — *кручу*.

Согласные *z* и *s* в латышском языке чередуются так же, как *d* и *t*, в парадигмах склонения существительных по падежам и числам, например: *vēzis* — *vēža* (род. п. ед. ч.), *vēzis* — *vēži* (им. п. мн. ч.), *lasis* — *laša* (род. п. ед. ч.), *lasis* — *laši* (им. п. мн. ч.) *vāze* — *vāžu* (род. п. мн. ч.), *klase* — *klašu* (род. п. мн. ч.) и под., *gāzu* — *gāžu*, *plēsu* — *plēšu*.

В русском языке согласные *з* и *с* чередуются так же, как и в латышском, с *ж* и *ш*, однако лишь во временных парадигмах глаголов типа *возил* — *вожу*, *носил* — *ношу*, в парадигмах лица и числа глаголов этого же типа: *носит* — *ношу*, *возит* — *вожу*, *носим* — *ношу*, *возим* — *вожу* и в парадигмах степеней сравнения некоторых прилагательных: *низкий* — *ниже*, *высокий* — *выше*.

В латышском языке, в отличие от русского, имеет место и чередование переднеязычных аффрикат *s* и *dz* с двуфокусными аффрикатами *š* и *dž*. Оно встречается только в парадигмах склонения существительных по падежам и числам, например: *lācis* — *lāča* (род. п. ед. ч.), *lācis* — *lāči* (им. п. мн. ч.), *pusaudzis* — *pusaudža* (род. п. ед. ч.), *pusaudzis* — *pusaudži* (им. п. мн. ч.), *krāce* — *krāču* (род. п. мн. ч.), *odze* — *odžu* (р. п. мн. ч.).

в) Чередование губных согласных

В латышском языке согласные *b*, *p* и *m*, а также *v* и *f* чередуются с сочетанием: тот же согласный + *j*. Это чередование в качестве единственного средства выражения грамматического значения встречается в парадигмах времени глаголов типа *glābju* — *glābu*, *kārju* — *kāru*, *lēmju* — *lēmu*; в парадигмах склонения су-

ществительных типа *gulbis — gulbja* (род. п. ед. ч.), *gulbis — gulbj* (им. п. мн. ч.), *skapis — skapju* (род. п. мн. ч.) и под.

В русском языке нечто подобное наблюдается в парадигмах лица глаголов типа *гублю — губишь, куплю — купишь, давяю — давишь, графлю — графишь*, где губные чередуются с сочетанием — губной + л.

г) Чередования согласных, специфические для сопоставляемых языков

В латышском языке встречается непозиционное чередование палатальных *ļ* и *ņ* с непалатальными *l* и *n*. Это чередование используется в глагольных парадигмах времени, например: *malu — maļu, kalu — kaļu*; и в парадигмах склонения существительных типа *ronis — roņa* (род. п. ед. ч.), *spole — spoļu* (род. п. мн. ч.).

В русском языке встречается чередование смягченного двуфокусного согласного *щ* с сочетанием *ст* и *ск*, например, в парадигмах лица глаголов типа *прощу — простишь*, в парадигмах времени *рыщет — рыскал* и в парадигме степеней сравнения прилагательных типа *простой — проще*. В латышском языке нечто подобное наблюдается в словах типа *rikste — rikšķu*.

Из чередования согласных в русском и латышском языках можно сделать вывод, что чередующиеся согласные в основном общие для обоих языков. Это заднеязычные согласные, переднеязычные щелевые и смычные согласные в качестве одного члена чередования и двуфокусные щелевые и аффрикаты в качестве другого.

Кроме чередования отдельных звуков, в обоих языках наблюдаются и чередования звуков с звукосочетаниями. Это губные смычные согласные и губно-зубные щелевые согласные в качестве одного члена чередования и сочетания этих согласных с *j* в латышском и с *л* в русском языках в качестве другого члена.

Различия по языкам в этой области можно свести к следующим.

1. В латышском языке в глагольных парадигмах чередование нередко является единственным средством выражения грамматического значения. В русском языке оно всегда является сопровождающим.

2. Большинство чередований различается по языкам одним членом пары.

3. В каждом языке имеют место чередования, специфические для этого языка.

В. СУППЛЕТИВАЦИЯ

Супплетивация как средство выражения грамматического значения в сопоставляемых языках занимает весьма небольшое место, причем в русском языке она распространена несколько шире, чем в латышском.

1. Супплетивация в глагольных парадигмах

В латышском языке во временной парадигме глагола *iet* как изолированный факт имеет место супплетивация *eju* — *gāju*.

В русском языке супплетивация встречается во временной парадигме глагола *идти*: *иду* — *шел*, а также в парадигме вида некоторых глаголов, например: *ловить* — *поймать*, *говорить* — *сказать*, *класть* — *положить*.

2. Супплетивация в именах и наречиях

Латышский язык располагает лишь одной супплетивной формой сравнительной степени наречия: *daudz* — *vairāk*.

Русский язык имеет супплетивные формы в парадигме числа существительного *человек* — *люди* и в парадигме степеней сравнения прилагательных и наречий: *плохой* — *плохо* — *хуже*, *хороший* — *хорошо* — *лучше*, *много* — *больше*, *малый* — *мало* — *меньше*.

3. Супплетивация в местоимениях

В обоих языках этот вид супплетивации преобладает над другими средствами выражения грамматических значений, особенно в личных и лично-указательных местоимениях.

В латышском языке в парадигме склонения местоимений первого и второго лица можно говорить о супплетивации, выражающейся в противопоставлении именительного падежа и косвенных падежей, например: *es* — *manis*, *tu* — *tevis*, *mēs* — *tums* (дат. п. мн. ч.) и под.

В русском языке супплетивные образования имеют место и для третьего лица, например, в первом лице *я* — *меня*, втором *ты* — *тебя*, третьем — *он* — *его*, *они* — *их* и под.

Г. УДАРЕНИЕ

В латышском языке ударение неподвижное и в качестве средства выражения грамматического значения выступать не может.

В русском языке благодаря подвижности ударения последнее

может служить даже единственным средством выражения грамматических значений, не говоря уже о его сопровождающей роли.

Так, например, в парадигмах вида глаголов типа *вырезать* — *вырезать* и др. и в парадигмах числа существительных типа *руки* — *руки, ноги* — *ноги* и под. подвижность ударения служит единственным средством выражения грамматического значения.

Д. ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

В некоторых случаях грамматическое значение падежа может быть выражено порядком слов в обоих языках. Это имеет место в тех случаях, когда формы именительного и винительного падежей совпадают. Первое место в таких фразах при обычном порядке слов отводится подлежащему, и существительное, выражающее его, будет иметь значение именительного падежа. Второе же существительное после переходных глаголов при этом будет выражать прямое дополнение и иметь значение винительного падежа, например, в русском языке: *Весло* (им. п.) *задело* *платье* (вин. п.), в латышском языке: *mātes* (им. п.) *gaida meitas* (вин. п.).

Таковы основные средства выражения грамматических значений в латышском и русском языках.

Н. Д. БОГОЛЮБОВА

ВИДЫ ГЛАГОЛА В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ)

Близость славянских и балтийских языков в среде индоевропейских языков, помимо многих других общих черт, подчеркивается и наличием категории глагольного вида. В славянских языках эта категория настолько сильно развита, что обуславливает образование форм другой глагольной категории (категории времени). В балтийских же языках категория вида развита значительно слабее и не имеет такого тесного соприкосновения с категорией времени, как это наблюдается в славянских языках.

Понятие глагольного вида (по отношению к русскому языку) в лингвистической литературе претерпело большие колебания и изменения. На протяжении XIX века существовали различные взгляды на соотношение глагольного вида и времени, качественных и количественных оттенков действия, выражаемого глаголами. Выдвигая учение о видах, некоторые ученые смешивали понятия вида и времени, переоценивали количественный момент (кратность действия) при классификации глаголов по видам, даже вплоть до его выделения (у А. А. Потемни). Но постепенно в трудах исследователей русского языка качественные видовые значения подчиняют себе количественные оттенки действия и глаголы однократные и многократные подводятся под понятие совершенности и несовершенности или во всяком случае составляют их разновидности¹.

Ученые о подразделении глаголов на два вида по качественному признаку (совершенный и несовершенный вид) создают такие ученые, как Г. К. Ульянов, Ф. Ф. Фсртунатов, А. А. Шах-

¹ См. о различных взглядах на вид глагола у В. В. Виноградова. Русский язык (грамматическое учение о слове). Учпедгиз. 1947 г., стр. 477—498.

матов, В. А. Богородицкий, А. М. Пешковский. Подобное разделение признается и всеми учеными нашего времени, хотя, по мнению акад. В. В. Виноградова, «отнесение форм многократного вида к категории несовершенного вида для современного языка является явной натяжкой.»²

Критерием выделения двух видов служат их грамматические значения, которые в современной лингвистике связываются с представлением о том, как протекает действие во времени. Уже Фортунатов говорил о связи совершенного вида с ограниченным временем в его развитии, в то время как действие несовершенного вида протекает «без отношения к какому-либо определению времени в его развитии». В. В. Виноградов пишет, что «в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия», между тем как «обозначение действия в его течении, не стесненным мыслью о пределе процесса в целом — основное, общее значение несовершенного вида».³ Подобного определения грамматического значения видов (с некоторыми вариантами) придерживаются авторы всех нормативных грамматик современного русского языка. В это определение включены и такие оттенки значения видов, как однократность и повторяемость (многократность) действия⁴.

Что касается вопроса о видах глагола в латышском языке, то некоторыми учеными первоначально вообще ставилось под сомнение существование данной категории. Так, А. А. Потебня в статье «До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков» вообще не находит в латышском и литовском языках понятия совершенности и несовершенности и вместе с тем отрицает существование глаголов совершенного вида, но признает наличие так называемых результативных глаголов, которые всегда сложены с приставками. В остальных же глаголах длительность действия может находить иное формальное выражение, например: *nest* — *nēsāt*, *brist* — *bradāt*, *vilk* — *valkāt* и др. Акад. Я. Эндзелин признает деление глаголов на глаголы перфективные и имперфективные, считая это деление

² В. В. Виноградов, там же, стр. 503.

³ Там же, стр. 498.

⁴ Ср. Современный русский язык (морфология), изд. МГУ, 1952, стр. 309—310; Грамматика русского языка, изд. АН СССР, 1960, т. 1, § 687; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Учпедгиз, 1957, стр. 326—327; А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык. Учпедгиз, 1958, т. 1, § 505—506.

подобным делению на совершенный и несовершенный вид в русском языке, но не тождественным, так как в латышском языке формальная разница между глаголами разного вида не так четко выражена, как в некоторых славянских языках (*nebūt tik skaidri izteikta, kā dažās slāvu valodās*)⁵. Академическая грамматика современного латышского литературного языка впервые подробно рассматривает категорию вида (аспект) в латышском языке, принимая за основу выделения глагольного вида ограниченность и неограниченность действия в его протекании⁶.

Совершенный и несовершенный вид глагола, каждый в своем объеме имеют частные разновидности, часто совпадающие в русском и латышском языках. Но если в русском языке эти разновидности довольно тесно связаны с формальными средствами видового образования, то в латышском языке некоторые оттенки нельзя выделить, так как многие из них оформляются грамматически одинаково. Так, например, здесь не находят своего специфического оформления количественные оттенки (связанные с кратностью действия), и поэтому они не выделяются, сливаясь с качественными.

Несовершенный вид глаголов в русском и латышском языках объединяет в большинстве своем глаголы, обозначающие нейтральный процесс действия без каких-либо дополнительных оттенков, например, *делать* — *darīt*, *работать* — *strādāt*, *читать* — *lasīt*, *играть* — *spēlēt*. В пределах несовершенного вида выступают глаголы определенного и неопределенного движения с оттенком кратности. Их существование и оформление (путем чередования гласных) восходит к индоевропейской эпохе: *нести* — *nesti*, *весть* — *vest*, *бежать* — *skriet*: *носить* — *nēsāt*, *водить* — *vadāt*, *бегать* — *skraidīt*. При этом в латышском языке глаголы движения с определенным направлением могут приобретать значение замедленного действия, если они, сочетаясь с наречием, образуют видовую пару с соответствующим приставочным глаголом совершенного вида, например: *vilkt ārā* (: *izvilkt*) — вытаскивать, *griezt pušu* (: *pārgriezt*) — разрезать, *spraust kopā* (: *saspraust*) — скалывать. В русском языке таким глаголам по значению в основном соответствуют производные приставочные глаголы несовершенного вида. Значение многократности (типа русских *лаживать*, *побаливать* и под.) грамматически в латышском языке не находит своего выражения, хотя

⁵ J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*. 1951, Rīga, § 739.

⁶ *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*. I. Latv. PSR ZA izdevn., Rīga, 1959, стр. 564, § 688.

повторяемость действия свойственна таким (итеративным) глаголам, как *skraidīt, klaigāt, dauzīties, klabināt* и некоторым другим.

В понятие совершенного вида включается прежде всего значение результативности. Глаголы со значением достижения результата имеются и в русском и в латышском языке, например: *написать — uzrakstīt, купить — nopirkt, отнять — atņemt*. К результативным глаголам относятся и глаголы со значением начала действия: *закричать — iekliegties, зажечь — uzdedzināt*. Кроме того, глаголы совершенного вида могут иметь оттенок ограничения действия во времени (иногда с обязательным указанием срока) и полноты действия: *пролежать — nogulēt, просидеть — nosēdēt, наестся — pieēsties, насмеяться — pārsmieties*. Что касается значения однократности и мгновенности действия, то в латышском языке оно четко не выступает, сливаясь с другими оттенками, например, глагол *iekliegties* соответствует и русскому *закричать* и *крикнуть*, глагол *iemirdzēties* — *заблестеть* и *блеснуть* и др.

* *
*

Теперь обратимся к вопросу о морфологических средствах оформления видовых различий (совершенного и несовершенного вида) в русском и латышском языке. Основным и продуктивным способом образования глаголов совершенного вида является присоединение приставок к исходным формам бесприставочных глаголов. При этом как в русском, так и в латышском языке приставки, с одной стороны, могут иметь реально-лексическое значение и служить таким образом средством словообразования; в этом случае видовая пара не образуется, например: *писать и подписать: rakstīt и parakstīt, бежать и выбежать: skriet и izskriet*. С другой стороны, приставки могут служить формальным грамматическим средством образования совершенного вида без изменения лексического значения глагола. В этом случае и в русской и латышской лингвистической литературе принято говорить о видовых парах, например: *делать — сделать, писать — написать, краснеть — покраснеть: darīt — padarīt, rakstīt — uzrakstīt, sarkt — nosarkt* и др.

В качестве таких формально значимых приставок в русском языке чаще всего выступают приставки *о-* (крепнуть — укрепнуть), *по-* (строить — построить), *с-* (варить — сварить); реже встречаются в этой функции приставки *на-* (рисовать — нарисовать), *за-* (мутить — замутить), *из-* (печь — испечь), *вы-* (красить —

выкрасить), *ва-* (потеть — вспотеть), *при-* (годиться — пригодиться), *раз-* (будить — разбудить), *у-* (топить — утопить). В латышском языке такими приставками являются в основном приставки *pa-* (соответствует этимологически русской *по-*): *ņemt* — *paņemt*, *no-*(на-): *lemt* — *nolemt*, *sa-* (с): *kert* — *saķert*, *iz-* (из): *sept* — *izsept*, *ap-* (об-, о-) *precēt* — *apprecēt*. Гораздо реже выступают приставки *pie-* (при-): *dzimt* — *piedzimt*; *at-* (от-): *mosties* — *atmosties*; *uz-* (вз-): *rakstīt* — *uzrakstīt*, *aiz-* (за-): *jūgt* — *aizjūgt*, *ie-*: *mācīt* — *iemācīt*.⁷

В. В. Виноградов, рассмотрев приставочные глаголы совершенного вида, приходит к выводу, что несомненное большинство приставок является реально значимыми. Поэтому ошибкой языковедов Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, по его мнению, является увеличение количества формальных приставок за счет реальных. Критерием для определения роли приставок (формообразующей или словообразующей) часто выдвигается соотносительность глаголов совершенного вида, содержащих реально значимые приставки, с производными глаголами несовершенного вида, и отсутствие такой корреляции у глаголов с формальными приставками, например: *переработать* — *перерабатывать*, но только: *сделать*; *подписать* — *подписывать*, но только: *написать* и т. д.⁸ И тем не менее не все глаголы, имеющие соотносительный глагол несовершенного вида, будут составлять с ним пару — решающий фактор здесь разница в семантических оттенках, например: *посидеть* и *посиживать*, *заиграть* и *заигрывать*, *поболеть* и *побаливать* и др. В грамматиках современного русского языка подобные глаголы рассматриваются или как одновидовые, или как занимающие промежуточное положение⁹. Подобного критерия нет для латышского языка, так как средства образования видовых пар здесь очень ограничены. Поэтому тут учитывается семантика самой глагольной основы: в основном это значение действия, в котором потенциально заложена возможность достижения естественной границы или результата, например: *beigt* — *izbeigt*, *sākt* — *iesākt*, *mirt* — *nomirt*, *slīkt* — *noslīkt*¹⁰.

В некоторых случаях и в русском и в латышском языке приставки совершенно изменяют значение глагольной основы, напри-

⁷ См. примеры в *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*, 1959, § 694.

⁸ См. критические замечания по этому поводу у В. В. Виноградова, там же.

⁹ Ср. Грамматика русского языка, -изд. АН СССР, стр. 453 * 717 и примечание к нему.

¹⁰ *Mūsdienu latv. literārās valodas gramatika I*, R. 1959, § 695.

мер, в русских глаголах *забыть, угостить, заметить*, в латышских — *aizmirst, aizstāvēt, pārmest*. Это глаголы, возникающие на первой ступени видового образования, но в латышском языке в отличие от русского они могут объединять в себе значение совершенного и несовершенного вида¹¹, хотя академическая грамматика латышского языка и считает их одновидовыми имперфективными глаголами¹².

Кроме приставок, в русском языке, как известно, средством образования глагольного вида служат и суффиксы. Ярким, типичным суффиксом *бесприставочных* глаголов совершенного вида является суффикс *-ну-* (соотносимый с суффиксом *-а-* у глаголов несовершенного вида): *кидать — кинуть, толкать — толкнуть*. К некоторым из этих глаголов, имеющих значение однократности или мгновенности действия могут присоединяться реально значимые приставки, не меняя при этом вида глагола: *выкинуть, оттолкнуть*; глаголы этого типа имеют свою пару на второй ступени видового образования: *выкинуть — выкидывать, оттолкнуть — отталкивать*.

Помимо этого, *бесприставочные* глаголы могут образовывать видовые пары с суффиксом *-и-* совершенного вида, соотносительным с суффиксом *-а-* в формах несовершенного вида: *бросить — бросать*.

В латышском языке отсутствует способ образования разных видов (у *бесприставочных* глаголов) путем изменения соотношения разных суффиксов.

Редким способом образования видовой пары для *бесприставочных* глаголов несовершенного вида является соотнесенность с ними глаголов совершенного вида, образованных от другого корня, например: *брать — взять, говорить — сказать, ловить — поймать, искать — найти, класть — положить*. В латышском языке эти пары напоминают соотношение глаголов *teikt* и *sacīt*, но только по отношению к настоящему времени, для которого в употреблении обычна форма *es saku* (я говорю).

Основой второй ступени видового образования служат производные приставочные глаголы совершенного вида со словообразующими приставками. Глаголы несовершенного вида от них образуются при помощи суффиксов *-а-, -ыва-, -ива-, -ва-*. Приставки в таких глаголах восстанавливаются иногда лишь этимологически.

¹¹ О двоякой природе этих глаголов говорит и Я. Эндзелин в «*Latviešu valodas gramatika*» § 742.

¹² *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*, §§ 701, 702.

Глаголы с суффиксом *-а-*: (верить) *доверить* — *доверять*; (селить) *заселить* — *заселять*; (ответить) *ответить* — *отвечать*, *получить* — *получать* (в этих примерах, как видим, суффикс *-а-* соотносителен с суффиксом *-и-* совершенного вида глаголов II спряжения); (лезть) *вылезть* — *вылезать*; (стричь) *подстричь* — *подстригать*; (плести) *переплести* — *переплетать*.

При наличии суффикса *-а-*, общего для совершенного и несовершенного вида, форморазличительным моментом служит разница в ударении: (сыпать) *насыпать* — *насыпáть*. Суффикс *-а-* характеризует и глаголы несовершенного вида, основа которых фонетически резко отличается от основы парного глагола совершенного вида. Это различие связано с чередованием, выражающим древнее видовое различие: (жечь) *поджечь* — *поджигать*; (начать) *начинать*; (обнять) *обнимать*; (тереть) *растереть* — *растирать*.

Глаголы с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* (иногда с чередованием гласных в корне): (играть) *выиграть* — *выигрывать*; (пугать) *запугать* — *запугивать*; (заказать) *заказать* — *заказывать*; (копать) *раскопать* — *раскапывать*. Суффиксы *-ыва-*, *-ива-*, являясь обычно лишь формообразующими суффиксами, изредка могут дополнительно быть словообразующими — в таком случае видовой пары не получается: ср. *играть*; *заиграть*: *заигрывать* (с кем или перед кем), *лежать*: *полежать*: *полеживать* и некот. др.

Глаголы с суффиксом *-ва-*: (греть) *нагреть* — *нагревать*; (лить) *вылить* — *выливать*, *достать* — *доставать*; *создать* — *создавать* и др. Сюда же относятся в виде исключения и бесприставочные глаголы: *дать* — *давать*, *деть* — *девать*.

В русском языке существует еще и третья, ограниченная семантически, ступень видового образования при помощи приставок *по-* и *на-* от приставочных глаголов несовершенного вида: (крыть) *закрыть* — *закрывать* — *позакрывать*; (править) *исправить* — *исправлять* — *наисправлять* и др.

Если в русском языке средства образования глагольного вида¹³ весьма разнообразны, то латышский язык в этом отношении значительно уступает русскому. Здесь тоже можно говорить о первой и второй ступени видового образования, но на первой ступени средством образования перфективных глаголов являются только префиксы. При этом видовые пары могут образовываться и не образовываться в зависимости от значения приставок (о чем говорилось выше). Возникающие таким образом приставочные глаголы соответствуют русским глаголам, образованным и дру-

¹³ Различные подробности см. в упомянутых в начале статьи грамматиках.

другими способами, например: *lemt* — *nolemt*, *izlemt*: решать — решить; *stumt* — *pastumt*: толкать — толкнуть; *ņemt* — *paņemt*: брать — взять. В таком случае приставки большей частью выполняют лишь формообразующую функцию.

Что касается дальнейших ступеней видовой образования, то в латышском языке имеется, пожалуй, своеобразная видовая корреляция второй ступени. Состоит она в том, что приставочные глаголы совершенного вида с приставками, сохраняющими первоначальное местное значение, входят в пару с бесприставочным глаголом, который обязательно сопровождается наречием. Наречие это — своеобразный заменитель приставки с тем же значением (а иногда и общего происхождения), и все сочетание представляет собою видовую форму имперфективного глагола. Академическая грамматика латышского языка приводит подобные видовые пары: *iet*: *aiziet* — *iet projām*; ср. русск. идти: *ūīti* — *уходить*, букв. идти прочь; *sviest*: *nosviest* — *sviest zemē, nost*; ср. русск. бросать: *ибросить* — *сбрасывать*, букв. бросать на землю (прочь); *kāpt*: *pārkāpt* — *kāpt pāri*; ср. русск. лезть: *перелезть* — *перелезать*, букв. лезть через и др. Роль наречий может выполнять и локатив (местный падеж) при глаголах со значением процесса одевания или обувания, например: *uzvilkt (mēteli)* — *vilkt (mēteli) mugurā*, ср. русск. *надеть* (пальто) — *надевать* (пальто) букв. на спину; *uzaut (zābakus)* — *aut (zābakus) kājā*, ср. русск. *обуть* (сапоги) — *обувать* (сапоги) букв. на ноги. Остальные же глаголы с реально значимыми приставками, которыми привносится или новый оттенок в значение бесприставочного глагола, или совершенно изменяется его смысл 1) сохраняют значение совершенного вида; они не соотносятся с соответствующим глаголом несовершенного вида, т. е. не образуют видовой пары, и, следовательно, являются одновидовыми глаголами¹⁴; 2) объединяют в себе значение и совершенного и несовершенного вида (свойственного русским производным приставочным глаголам), являясь таким образом двувидовыми глаголами¹⁵. Авторы академической грамматики латышского языка многие из этих глаголов считают одновидовыми имперфективными из-за отсутствия коррелятивного глагола в бесприставочной форме. Здесь смешиваются лексико-семантический и грамматический признаки образования глагольных видов. Нельзя согласиться с тем, что такие глаголы, как *aizmirst*, *aplaimot*, *apkampt*, *izmantot*, *notikt*, *pavēlēt*, *atkārtot*, *ietekmēt*, *palīdzēt*, *pārrakstīt* и др., являются

¹⁴ Ср. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika I, § 699, где определяется и семантика этих глаголов.

¹⁵ Там же, § 711.

только глаголами несовершенного вида и только в некоторых случаях мнимо (*šķietami*) приравниваются к перфективным глаголам (это касается форм прошедшего времени). Конкретное употребление этих глаголов определяет их значение то совершенного, то несовершенного вида в формах и прошедшего и будущего времени (ср. в русском языке формы двувидового глагола *исследовать*). Все эти глаголы могут иметь и значение длительного или повторяющегося действия, и значение предела действия (понятно, это не касается форм настоящего времени). Таким образом, как нам кажется, круг двувидовых глаголов в академической грамматике латышского языка слишком ограничен.¹⁶

Итак, в латышском языке значительно меньше способов выражения видовых различий на первой и второй ступенях видо-вого образования, и совершенно отсутствует третья ступень видо-вого образования. За счет этого увеличивается количество одновидовых и особенно двувидовых глаголов.

* *
*

В русском языке категория вида настолько тесно связана с категорией времени, что обуславливает возможности образования и употребления временных форм. Поэтому принято говорить о временных формах глаголов совершенного и несовершенного вида. В латышском же языке такая органическая связь между этими двумя категориями почти отсутствует. Отсутствие связи проявляется в следующем: во-первых, формы настоящего времени формально возможны как от глаголов имперфективных, так и перфективных. Это касается и глаголов, входящих в видовые пары, и глаголов непарных. В видовых образованиях, возникающих на второй ступени (*aiziet — iet prom*), настоящее время может образовываться от глаголов совершенного и несовершенного вида (*aizeju — eju prom*), хотя употребляется обычно последнее. Грамматики латышского языка (грамматика Я. Эндзелина, академическая грамматика) указывают, что настоящее время от перфективных глаголов не употребляется для обозначения действия, совпадающего с моментом речи; но это, как известно, лишь одно из значений настоящего времени, хотя, возможно, и наиболее

¹⁶ Там же, § 703. Одновидовые глаголы совершенного и несовершенного вида и двувидовые глаголы в русском языке подробно рассматриваются во всех упомянутых грамматиках; определяется их лексическое значение, связанное со способом образования.

типичное. Поэтому подобная основа грамматического разграничения глагольных видов явно недостаточна, так как настоящее время — это формы настоящего времени с различными значениями. Возможность образования этих форм от глаголов совершенного и несовершенного вида, отсутствие взаимозависимости форм настоящего времени и несовершенного вида в латышском языке говорит лишь о слабой развитости видовой категории. Во-вторых, остальные временные формы (прошедшего и будущего времени — простые и аналитические) образуются в равной степени и одинаково от глаголов имперфективных и перфективных. Сравним временные формы от глаголов видовой пары *lemt* — *nolemt*:

настоящее время: *lemju* — *nolemju*,
сложное настоящее (перфект): *esmu lēmis* — *esmu nolēmis*,
простое прошедшее (имперфект): *lēmu* — *nolēmu*,
сложное прошедшее (плюсквамперфект): *biju lēmis* — *biju nolēmis*,
простое будущее: *lemšu* — *nolemšu*,
сложное будущее: *būšu lēmis* — *būšu nolēmis*.

Нам кажется несколько ограниченным употребление форм несовершенного вида для обозначения предварительного действия в прошлом и будущем (которое выражается сложными формами соответствующего времени), но это уже вопрос не формообразования, к тому же он требует дополнительных исследований.

М. Ф. СЕМЕНОВА

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ¹

IV. МОРФОЛОГИЯ

Морфология — это костяк языка, самая устойчивая его часть, меньше всего подвергающаяся воздействию других языков. Морфологическая система русского и латышского языков вполне оригинальна, хотя и имеет много общего как по своему происхождению, так и по историческому развитию. Так, части речи, знаменательные и служебные, в основном одинаковы. Это лексико-грамматические категории, поэтому и различия здесь не только формальные, но и лексические. В русской грамматике некоторые языковеды выделяют как отдельную часть речи категорию состояния, но этот вопрос до сих пор бесспорно и окончательно не решен. В латышском языкознании имеющиеся слова категории состояния относятся по традиции к наречиям, хотя их вполне можно выделить в отдельную часть речи на тех же основаниях, что и в русском языке.

В целом подход с точки зрения другого языка дает ту же классификацию по частям речи, а различия наблюдаются в формообразовании и лексическом составе, значении и употреблении слов.

Некоторые отличия имеют место в грамматической терминологии. Так, например, имена прилагательные в русской грамматике делятся на полные и краткие по своей форме, а в латышской соответствующие прилагательные обозначаются как определенные и неопределенные, то есть не учитывается форма, а только ее

¹ См. Ученые записки ЛГУ, т. 43, 1961, стр. 153—195.

значение. Иногда объем значений латышского термина шире, чем в русском языке, где ему соответствует несколько терминов с более узким объемом значений, например, русскому причастию и деепричастию соответствует латышское *divdabis*. А в некоторых случаях, несмотря на то что термины совпадают, содержание понятий не вполне идентично, например, категория видов глагола в русском и латышском языках.²

1. Имя существительное

а) Категория рода

Категория рода — древнейшая грамматическая категория, характерная для русского и латышского языков. Разница заключается только в том, что в современном русском языке три грамматических рода: мужской, женский и средний, а в латышском — два: мужской и женский. Правда, в латышской академической грамматике³ отмечается, что в латышском языке полностью утратился некогда существовавший средний род, незначительные остатки которого отмечаются в употреблении современных латышских числительных, прилагательных и местоимений. Такими же остатками старых форм среднего рода являются наречия, производные от прилагательных, например: *Здесь холодно* — *Te ir auksts*. Наречие здесь имеет форму прилагательного в мужском роде, хотя эти формы, как известно, образуются в данном случае при помощи своего особого аффикса — *i*. Ср. русские наречия, которые соответствуют кратким формам прилагательных в среднем роде. Поэтому надо полагать, что формы среднего рода некогда совпали в латышском языке с мужским родом. На то что категория среднего рода неустойчива и в русском языке указывает его судьба в южновеликорусских говорах, где средний род все более и более утрачивается, совпадая в силу специфических фонетических условий (аканье) с женским родом, например, *моя масла*. Но и исторически можно отметить некоторые изменения в категории рода. Ср., например, древнерусское *теля* (ср. р.) и современное *теленки* (м. р.), *утя* — *утички*, *поросы* — *поросенки* и др.

Род, как известно, определяется прежде всего формально, по окончаниям, но в русском языке родовые окончания имеются только в единственном числе, а во множественном употребляются

² См. статью Н. Д. Боголюбовой «Виды глагола в русском и латышском языках» в данном выпуске, стр. 21—30.

³ *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*. I. 1952, стр. 378.

одинаковые окончания для слов всех трех родов, например: *кони, уши, степи, земли; столы, комнаты; окна, дома* (а диалектно и *лошадь*), что указывает на процесс унификации, упрощения. В латышском же языке сохранилась старая, стройная система родовых окончаний как в единственном, так и во множественном числе, например: в мужском роде — *galdi, ceļi, brāļi, tirgi* (столы, дороги, братья, рынки); в женском роде — *egles, istabas, sirdis* (ели, комнаты, сердца).

В русском языке, как указано, родовые окончания имеются в единственном числе, но они только отчасти указывают на грамматический род. Так, слова с нулевым окончанием являются в основном словами мужского рода, но такую же форму имеет и целая группа существительных женского рода, ср. например, *дом, день и степь*. Только в русском языке встречаются имена существительные общего рода с нулевой флексией, например: *товарищ, врач, директор, педагог, комсорг, диктор* и др. (ср. *врач вошел и врач вошла*). Нечто сходное наблюдается и в латышском языке. Здесь окончание *-s* является признаком не только слов мужского рода, но и группы слов женского рода, например: *galds, nakts* (стол, ночь). Старые окончания на согласный *-s, -is, -us* утратились в общеславянском языке в связи с действием закона открытого слога, в результате чего после падения редуцированных образовались существительные с нулевым окончанием. Следовательно, эти группы аналогичны по своему происхождению в русском и латышском языках.

Вторая группа родовых окончаний — это старое окончание слов женского рода на *-a*, которое характерно как для русского, так и для латышского языка, например: *комната, песня* — *istaba, dziesma*, но сюда же относятся и некоторые отдельные слова мужского рода по своему значению, например, *мужчина, мальчишка* — *ruika*, а также слова общего рода, например, *сирота, плакса* — *raziņa, aiša* (знакомый, повеса). Несколько русских слов среднего рода, например, *имя, время* и др., также относятся к этой группе с точки зрения современного русского литературного языка, хотя исторически это чистая основа на согласный, где я $\langle A \rangle \langle * \rangle$ -en, чему в латышском языке соответствуют слова на *-men-*, например, *tøsmens, akmens* (вымя, камень) и др.

Третья группа окончаний характерна в русском языке только для слов среднего рода. Это окончания *-o, -e*, например: *окно, поле*. Но последнее окончание известно и в латышском языке для слов женского рода, например, *egle* (ель). Следовательно, только одно русское окончание *-o* не имеет соответствия в латышском языке.

Во-вторых, на род имен существительных может указывать в некоторых случаях словообразование, а именно, суффиксация. Так, в латышском языке, как правильно отмечает В. А. Юрик⁴, женским суффиксом является -šan- и -īb- (например, mazgāšana, jaunība — мытье, молодость), а мужским -um- (например, gandarījums — удовлетворение). Сюда же можно отнести и женский суффикс -nīc-, например, darbnīca (мастерская). Но это вторичный признак, так как указанные суффиксы связаны во всех случаях с соответствующими родовыми окончаниями и только, возможно, при отдельных, совпадающих падежных формах (например, в винительном падеже единственного числа — jaunību, gandarījumu) могут иметь решающее значение при установлении рода. В русском языке аналогичны суффиксы женского рода -от-, -изн- (например, простота, белизна) и среднего рода -ств-, -ни/- (например, большинство, решение) и др., которые также тесно связаны с соответствующими родовыми окончаниями.

Важным представляется лишь выделение тех суффиксов, которые употребляются при нулевой флексии, например, -ость для женского рода и -тель для мужского рода (например, гордость, выключатель).

Следовательно, суффикс как родовой показатель не имеет существенного значения для латышского языка, а для русского языка этот критерий может учитываться весьма ограниченно. Говорить же о точном и постоянном соответствии какого-либо одного латышского суффикса русскому и русского латышскому трудно.

В-третьих, род имен существительных различается в русском и латышском языках по значению. Слова, обозначающие лиц мужского пола, — мужского рода, а лиц женского пола — женского рода, например: брат, мальчишка — brālis, puīka; сестра, мисс, — māsa, mīš. Род некоторых собственных имен определяется по грамматическому роду нарицательного слова и приобретает соответствующее окончание, например, в латышском языке названия рек, городов, государств, островов (upe, pilsēta, valsts, sala) женского рода, например: Reina, Ļeņingrada, Vjetnama, Krīma и др. В русском языке это связано обычно с несклоняемыми именами собственными, о чем см. ниже.

Критерий определения рода по значению довольно точен, но он применим только к ограниченному кругу слов, хотя более подходит для русского и латышского языков, чем окончание.

⁴ Юрик В. Категория рода имен существительных в русском и латышском языках. Вопросы методики практического курса русского языка в высших учебных заведениях Прибалтийских ССР. Даугавпилс. 1961.

Слова среднего рода обычно по значению не определяются.

В обоих языках для обозначения самца и самки животного часто употребляются различные слова, например: *свинья* — *боров*, *корова* — *бык*, *кура* — *петух* (сūka — vepris, govš — bullis, vista — gailis). Для обозначения животных вообще обычно употребляются формы множественного числа от названий самок, например: *свиньи*, *коровы*, *куры* — сūkas, govš, vistas. Но в некоторых случаях наблюдаются отклонения, например: *кобыла* — *жеребец*, а общее *лошадь*, или стилистически окрашенное *конь*, *гусыня* — *гусак*, общее *гусь*, *сука* — *кобель*, общее *собака*, или стилистически окрашенное *пес*, ср. ķēve—ērzelis, общее zirgs, но zoss — zoss tēviņš, kuce — suņa tēviņš не имеют особого названия для самца и слово самец прибавляется к женскому или общему названию.

Что касается грамматического рода иноязычных и интернациональных слов, то здесь не всегда наблюдается полное единообразие в русском и латышском языках. Это связано с тем, через посредство какого языка входит то или иное слово в язык. Так, в русский язык непосредственно из французского вошли слова *адрес*, *метод*, *суп*, *банк* и др. как слова мужского рода, а в латышский те же слова проникли через немецкий язык, сохраняя грамматический род немецкого образца, в данном случае женский — *adrese*, *metode*, *zupa*, *banka*. Или наблюдается фонетический переход в мужской род в русском языке, например: *гипноз*, *склероз*, *майонез*, *багаж*, *инструктаж* и др., а в латышском сохраняется грамматический род оригинала как следствие развития флексии женского рода — *hipnoze*, *skleroze*, *bagāža*, *instruktaža* и др. В некоторых случаях в русском языке выступает род языка-посредника, а в латышском языка-источника. Это касается главным образом классических языков, латинского и греческого, и связано с теми тенденциями, которые были характерны для латышского языкознания в 30-ые гг. нашего столетия. Ср. например: *факультет*, *университет*, *суверенитет*, *нейтралитет*, *иммунитет* и *fakultāte*, *universitāte*, *suverinitāte*, *neitralitāte*, *imunitāte* и др., что соответствует также грамматическому роду немецких слов.

Отдельно следует сказать и о грамматическом роде иноязычных несклоняемых слов. Поскольку здесь нет морфологических признаков рода, а значение лишь иногда позволяет установить род, например, *пани*, *леди*, *мисс*, *месье* и др., то в русском языке условно большинство слов, обозначающих одушевленные предметы, — мужского рода, например: *шимпанзе*, *какаду*, *колибри*, а неодушевленные (предметы, отвлеченные понятия) — среднего

рода, например: *депо, кино, фойе, радио* (исключение составляет слово *кофе*, которое еще недавно выступало как слово среднего рода). В латышском же языке, поскольку категория среднего рода отсутствует, почти все несклоняемые слова мужского рода, например: *dero, kino, foajē, radio*.

Кроме того, род собственных имен может определяться по нарицательному слову, обозначающему родовое понятие, например: *Баку, Брно, Дели* — город (м. р.). Некоторые из несклоняемых слов относятся к общему роду в зависимости от того, обозначают ли они существа женского или мужского пола.⁵ Что касается аббревиатур, буквенных словосложений, то род в данном случае определяется по главному слову расшифрованного словосочетания как в русском, так и в латышском языке, хотя современные латышские языковеды часто вообще отрицают за данными образованиями право называться словами, например, СССР — м. р., PSRS — ж. р. (Союз — Savienība).

б) Категория числа

Категория числа имеется и в русском и в латышском языке. Здесь налицо единственное и множественное число, а также остатки старого двойственного числа, которое некогда было живым в древнерусском языке и утратилось к XIV в., сохраняясь в таких случаях, которые теперь уже воспринимаются как другие формы, например, родительный падеж единственного числа (*два рукава*), именительный множественного (*берега, плечи, уши*), что является результатом смешения двойственного числа с множественным. Остатками двойственного числа также надо считать различия в ударении, например: *два шага́, часá*, но *ни одного ша́га, ча́са*. В латышском языке такие остатки являются либо архаизмами, либо диалектизмами, например: *ar abi roki, pa labi roki* (обеими руками, по правой стороне).

В русском языке число различается по различным формальным признакам: по флексии, ударению, суффиксации, чередованию согласных основы. Из всех этих признаков в латышском языке распространен только один — флексия. Правда, и в русском и в латышском современном языке почти все окончания являются грамматическими омонимами, так как выступают для обозначения нескольких падежных форм в зависимости от контекста и принадлежности слова к тому или иному склонению.

⁵ Подробнее об этом см. нашу статью «Несклоняемые имена существительные в русском и латышском языках». Известия АН Латв. ССР. 1962, № 1.

Так, русские окончания *-и, -ы, -а* могут выступать в именительном падеже множественного числа и родительном единственного, например: *книги, комнаты, рукава*, а окончание *-е* в именительном множественного числа и в дательном или предложном единственного числа, например: *крестьяне, книге, о книге*. Окончание *-у* употребляется в дательном падеже единственного числа мужского рода и винительном единственного числа женского рода, например: *брата, книгу*. То же самое наблюдается и в латышском языке. Окончания *-as, -es* выступают в именительном падеже множественного числа \bar{n} в родительном единственного, например: *istabas, egles* (комнаты, ели); окончание *-i* в именительном падеже множественного числа мужского рода и в винительном единственного мужского и женского рода, например: *brāļi, brāli, egļi* (братья, брата, ель); окончание *-is* в именительном падеже единственного числа мужского рода и в именительном множественного женского рода, например: *brālis, naktis* (брат, ночи); окончание *-u* в винительном единственного числа и в родительном множественного (*istabu, galdu* — комнату, стол и комнат, столов). Такая грамматическая омонимия объясняется различными процессами изменения и упрощения, которые, как видно, происходили в обоих языках еще в доисторический период. Это свидетельствует о том, что, хотя латышская грамматическая система во многом правильно считается более устойчивой, чем русская, и претерпела меньше изменений, все же ряд исторических и доисторических изменений характерен и для латышского языка. Причем пути этих изменений сходны в русском и латышском языках, хотя и на различном языковом материале и с различными результатами.

Можно отметить еще один, малораспространенный показатель числа, частично совпадающий в русском и латышском языках, это супплетивизм, например, *человек — люди* и *cilvēks — cilvēki*, но и *ļaudis* (в собирательном значении), хотя в русском языке при счете употребляется только первая форма, например: *1 человек, 2 человека, 5 человек*. Кроме того, только в русском языке и во всех случаях выступает еще одна пара: *ребенок — дети* (*дитя* устар. и поэт.), и с двумя возможными вариантами: *год — годы и лета*, что строго разграничивается при счете: *1 год, 2 года, 5 лет*.

Все остальные показатели категории числа: ударение, суффиксация, чередование согласных, характерны только для русского языка, поскольку в латышском языке ударение постоянное, обычно на первом слоге, а другие указанные явления менее распространены в латышском языке, чем в русском.

Приведем примеры на изменение в ударении: *гла́за, тра́вы, ме́ста, ру́жья, се́ла, вблны́, дбма́* и др.

Примеры на суффиксацию: различные суффиксы в единственном и множественном числе *-анин* и *-ан-* (крестьянин—крестьяне); суффиксы *-ок, -н-, -иц-* в единственном числе и нулевой суффикс во множественном числе (*цвeток — цветы, судно — суда, курица — куры*); нулевой суффикс в единственном числе и суффиксы *-ес-, -ов-, -ен-, -ер-* во множественном числе (*чудо — чудеса, сын—сыновья, имя — имена, мать — матери*). Но суффиксация тесно связана с изменением флексии и поэтому является лишь вторичным моментом. Примеры на чередовании согласных: *сук — сучья, друг — друзья, крюк — крючья*. Правда, этот последний случай связан также с суффиксацией в историческом плане, поэтому он непосредственно примыкает к предыдущему и даже может рассматриваться вместе с ним.

Но в русском языке, кроме того, многозначные слова или омонимы могут иметь различные окончания в зависимости от значения или стилистического использования слова в единственном числе. Например: *образ — образы и образа, хлеб — хлебы и хлеба, лист — листья и листьа, крюк — крюки и крючья, зуб — зубы и зубья, пропуск — пропуски и пропуска, тон — тоны и тона, муж — мужи и мужья, сын — сыны и сыновья, орден — ордены и ордена, колено — колени, колена, коленья* и др. Подобных явлений в латышском языке не отмечается. Это указывает на большие лексико-семантические изменения в русском языке в ходе исторического развития.

Отметим еще одну особенность, характерную для русского языка. Единственное число может иметь значение видового понятия, а не только единичности, чего нет в латышском языке, например: *ловить рыбу, водится медведь, на воре шапка горит, наш брат* и др. Такое обобщенное значение связано с развитием большей абстрактности в русском языке, чем в латышском.

В обоих рассматриваемых языках имеются слова, не имеющие соотнесенности в числе. Это так называемые *pluralia et singularia tantum*. Семантические группы этих слов в основном совпадают в русском и латышском языках, и различия здесь весьма немногочисленны. Так, слова, употребляемые только в единственном числе, могут иметь собирательное значение, например: *молодежь, листва, крестьянство, народ* — *jaunatne, lapotne, zētniecība, tauta* и др.; отвлеченное значение, например: *мир, правда, зло* — *miers, taisnība, ļaunums* и др.; вещественное значение, например: *масло, железо* — *sviests, dzelzs* и др. Но некоторые слова с вещественным значением употребляются в русском

языке только во множественном числе, например: *дрожжи*, *сливки*, *черника* и др., в то время как соответствующие латышские эквиваленты, наоборот, употребляются только в единственном числе (*raugs*, *krējums*, *tinte*), а латышские слова *milti*, *salmi*, *sodrēji*, употребляемые только во множественном числе, имеют в русском языке соответствия в единственном числе (мука, солома, сажа). То же самое можно сказать и о некоторых отвлеченных латышских существительных, например: *ilgas*, *skumjas*, *bailes*, *bēdas*, *draudī*, *meli*, *briesmas*, *dusmas* — мечта, грусть, страх, горе, угроза, ложь, ужас, зло; названий растений (злаков, ягод), например: *lini*, *rudzi* (лен, рожь); стран света, например: *ziemeļi*, *rietumi*, *austrumi* (север, запад, восток);⁶ болезней, например: *bakas*, *masalas*, *iesnas* (оспа, корь, насморк). В единственном числе употребляется русское слово картофель, которому в латышском языке соответствует *kartupeļi* (*kartupelis*), имеющее единственное и множественное число. Все это указывает на некоторые лексические несоответствия, на известное преобладание в латышском языке слов, употребляемых только во множественном числе, а не на принципиальные различия в рассматриваемой группе слов. Но встречаются и другие слова *pluralia tantum*, которые имеют небольшие различия по языкам. Это названия парных предметов, состоящих из нескольких частей, например: *ножницы*, *сани*, *бусы*, *грабли*, *часы* — *grieznes* (*šķēres*), *ragavas*, *krelles*, но *grābeklis* (*grābekļi*) и *pulkstenis* (*pulksteņi*) имеют формы обоих чисел. Здесь следует отметить некоторые особенности в употреблении указанных существительных в сочетании с собирательными числительными *двое*, *трое*, *четверо* и др., а также с количественным числительным и словом *пара* в некоторых случаях, например: *двое часов*, или *две пары часов*, но только *двое суток*. В латышском же языке, хотя и имеются собирательные числительные *divēji*, *treji* и т. д., но они или малоупотребительны, или вообще не встречаются в указанных сочетаниях.

Иногда отдельные семантические группы слов употребляются только во множественном числе и в одном из сравниваемых языков. Например, в русском языке названия периодов времени, игр, событий: *каникулы*, *похороны*, *жмурки*, *прятки*, *сутки*, *будни*, *сумерки*, *шахматы*, *шашки*, *именины*. Хотя такие группы в латышской грамматике не выделяются, все-таки некоторые соответствия имеют место и в латышском языке, например: *brīvdienas*, *bēres*, *aklas vistīpas*, *svētki*, *kāzas*, *iesvētības*.

⁶ Хотя и в древнерусском языке, как указывает Селищев, они употреблялись во множественном числе.

Кроме того, по вопросу о категории числа в русском и латышском языке имеется статья В. А. Юрика,⁷ которая представляет известный интерес.

в) Категория падежа

Категория падежа известна русской и латышской грамматике и по сути ничем не отличается. Количество падежей в основном совпадает, если не считать вокатива, звательной формы, которая еще отмечается в современном латышском литературном языке, но является уже мелопродуктивной и не общераспространенной. В русском же языке теперь такой формы нет, она утратилась еще в XVI веке. Нельзя относить сюда и усеченную диалектную форму типа Вань, Тань, Мань, которая встречается на соседней с латышской, псковской территории как более позднее образование. Остальные шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный) встречаются в обоих языках, но различаются в некоторых случаях отчасти по своему значению, в связи с чем стоит и отличие в названиях самих падежей, например: предложный падеж и локатив (местный падеж). Последний существовал еще в древнерусском языке, но впоследствии расширил круг своих значений (место — *на столе*, объект — *о столе*), а употребление ограничил только предложными конструкциями, почему и стал называться в русской грамматике предложным падежом. Инструменталис же одним из своих значений имеет орудийное значение в латышском языке, откуда и его название. В русском языке творительный падеж, кроме орудийного значения, включает еще целый ряд других, среди которых имеются и неизвестные латышскому языку, о чем будет сказано в разделе синтаксиса. Таким образом и русский и латышский термины условны, так как этот падеж не ограничивается одним значением, оба они могут употребляться для обоих языков.

Рассматривая падежи, необходимо отметить некоторые особенности в их образовании. Так, в именительном падеже единственного числа для русского языка характерно нулевое окончание для слов мужского и женского рода (например, *дом, день, ночь*). Таких форм нет в латышском языке, так как здесь сохранился древнейший конечный согласный, который в славянских языках отпал еще в доисторический период по закону открытого слога, например, *pams, brālis, medus, nakts* (дом, брат, мед, ночь).

⁷ В. А. Юрик. Категория числа имен существительных в русском и латышском языках. Ученые записки Латв. Гос. университета, т. 43, 1961.

Во множественном числе имеется одно общее окончание для обоих языков -и (-i), например: *sosedi, kamni, koni, dveri, zemli, uši* — *kaimiņi, akmeņi, zirgi*, более новое и, возможно, различного происхождения, так что здесь можно предполагать только случайное звуковое совпадение. Остальные окончания именительного падежа множественного числа -ы, -а, -я, -е не встречаются в латышском языке так же, как в русском нет окончаний -as, -es, -is.

В родительном падеже единственного числа имеется одно общее окончание -а для слов мужского рода, например, *вида, коня* — *veida, zirga* и для среднего рода, например, окна, поля, как общий новый рефлекс старого общиндоевропейского окончания. Во множественном числе в русском языке наблюдается разнообразие окончаний: -ов, -ев, -ей и нулевая флексия с беглым гласным в некоторых случаях, например, *сестер, деревень, ружей, лодок*, что объясняется историческим процессом смешения склонений, в то время как в латышском языке одно общее окончание -и является, очевидно, результатом еще не исследованного процесса унификации формы по всем типам склонения, например: *galdu, māju, egļu, pakšu* (столов, домов, елей, ночей). Для латышского родительного падежа множественного числа характерно, кроме того, еще в некоторых случаях йотация, или чередование согласных, например: *zemju, māšu, sīržu* (земель, сестер, сердец), что иногда встречается и в родительном единственного (например, *kurmjā, laša* — крота, лосося) и даже во всем множественном числе (например, *kurmjī, laši* — кроты, лососи).

Для дательного падежа интерес представляет окончание множественного числа -ам и -ām, например: липам — *līpām*. Но такое созвучное окончание является исторически новым, хотя и восходит к одному источнику и развилось в историческую эпоху в каждом из языков в отдельности. Исторически общим является и окончание дательного падежа в единственном числе для существительных женского рода на -а, где русское -е < ѣ < * ai, а в латышском языке -ai, например: липе — *līpai*.

Винительный падеж в русском языке связан с категорией одушевленности в единственном числе для слов мужского рода, а во множественном числе для слов мужского и женского рода, которая возникла на основах общеславянской категории лица и нелица сравнительно поздно. Причем в этих формах нет своей особой флексии, и для одушевленных предметов используются окончания родительного падежа, а для неодушевленных — именительного, на что указывают и соответствующие вопросы: *кого я вижу? что я вижу?* — *я вижу брата, братьев, сестер, мышей;*

стол, столы, книги. Но и здесь можно отметить некоторые отклонения от нормы, например: *я вижу народ, народы* и др. В латышском языке нет категории одушевленности, так как в винительном падеже единственного и множественного числа обычно имеется свое особое окончание, отличное от именительного падежа, например: *brāli, māsu, peli, brāļus; galdu, galdus*, за исключением слов женского рода во множественном числе, где окончания именительного и винительного падежей совпадают как для одушевленных, так и для неодушевленных предметов, например: *māsas, mājas, egles, mātes, sirdis, blaktis*, и все определяет лишь контекст, как и в русском языке, но категория одушевленности и неодушевленности все же не развивается. Следует еще заметить, что винительный падеж в латышском языке имеет свой особый вопрос, выраженный формой вопросительного местоимения, не совпадающей ни с именительным, ни с родительным падежом и не различающей одушевленные и неодушевленные предметы: им. п. *kas?*, род. п. *kā?*, вин. п. *ko?*, как это наблюдается и в некоторых современных русских говорах (например, *кого ты делаешь?*), что может указывать как на диалектный грамматический неологизм, так и на пережиток большой древности, когда в славянских языках также не различалась категория одушевленности и неодушевленности, тем более что и в русском языке она окончательно сложилась для имен существительных сравнительно поздно, к XVI в.

Только слова женского рода на *-a* имеют свое особое окончание для винительного падежа единственного числа *-u*, которое соответствует латышскому *-u* для слов женского рода на *-a* и мужского на *-s*, например: *lupu — lēpu, galdu*. Такое окончание является общим новообразованием, рефлексом общендоевропейского окончания *-*am, -*om*. Надо отметить также для латышского языка некоторое смешение склонений, приведшее к унификации окончаний в винительном падеже единственного числа, где сохранилось только два окончания, *-u* и *-i*, например: *dēlu, medu, galvu; brāli, egli, sirdi* (сына, мед, голову, брата, ель, сердце).

Русский творительный падеж может выступать как с предлогом, так и без предлога, в то время как латышский инструменталис в современном латышском литературном языке употребляется обычно только с предлогом *ar* (с), за исключением некоторых особых словосочетаний, например: *iet kājām, moitene kupliem matiēm* (идти пешком, девушка с пышными волосами), и не имеет своего особого окончания, а по форме уже совпал в единственном числе с винительным падежом и во множественном числе с дательным.

И наконец предложный падеж в современном русском литературном языке употребляется только с предлогом, в то время как в древнерусском при обозначении места выступал и беспредложный местный падеж, например: *правити кыевъ*, что полностью соответствует современному латышскому локативу, не имеющему предложного употребления, например: *istabā, galdā, eglē, sirdī, brālī* (в комнате, в столе, в ели, в сердце, в брате). Правда, в XIX в. и начале XX в. еще употреблялся в латышском языке известный германизм — предлог *iēkš* (внутри) для обозначения места в сочетании с формой родительного падежа, но он уже давно вышел из употребления. Флексии этого падежа указывают на известное смешение склонений и упрощение форм. Так, в русском языке широко распространено окончание *-е*, в а латышском *-ā* и *-ī*.

Следует отметить еще одну позднюю особенность русского языка, которая неизвестна латышскому языку. Это совпадение падежных окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* по всем склонениям в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа. Такая унификация в склонении объясняется историческим процессом смешения склонений. В латышском языке как будто ничего подобного нет, но при внимательном сопоставлении падежных окончаний в латышских склонениях можно отметить, что и здесь имеются известные случаи унификации, например, как уже указывалось выше, в родительном падеже множественного числа окончание *-и* и др. Но имеется и своя специфика — совпадение падежных окончаний в пределах каждого отдельного склонения, например, в дательном и творительном падеже множественного числа и в винительном и творительном единственного числа. Но процесс смешения и унификации в отношении падежных форм и склонений в русском языке, значительно интенсивнее и ранее проходивший, привел к тому, что в современном русском литературном языке имеется только три типа склонения имен существительных, в то время как в древнерусском их насчитывалось шесть. В современном латышском литературном языке также шесть склонений, что в значительной степени соответствует древнерусскому состоянию в этом отношении, но имеются и некоторые отличия. Так, только в латышском языке встречаются существительные женского рода на *-е*, в то время как в русском языке никогда таких образований не было. Но и среди указанных типов латышского склонения происходит известный разрушительный процесс. Так, основы на согласный типа *akmens*, уже отнесены в латышской академической грамматике к основам на *-ja*, хотя они сохраняют еще некоторые свои специфические особен-

ности в склонении. Пока еще выделяются в отдельное, третье склонение слова с основой на -и, несмотря на то что во множественном числе все они уже не имеют особых окончаний и склоняются по первому склонению, да и в единственном числе иногда встречаются параллельные формы в именительном падеже, например: *krogus* — *krogs*, *tirgus* — *tirgs*, *cirkus* — *cirks*. Круг слов, относимых к этому склонению, весьма ограничен и неустойчив точно так же, как это некогда наблюдалось в древнерусских основах на -и.

Следовательно, в латышском языке намечаются и отчасти уже осуществляются те же процессы, что отмечены в истории русского языка в свое время. Это указывает на стремительное развитие латышского языка за последнее время и на процесс упрощения и унификации форм. Все это сходные исторические процессы в русском и латышском языках, которые могли протекать в сходных исторических условиях жизни носителей этих языков, на соседних территориях и при тесных взаимных контактах.

Но в латышском языке имеется и своя специфическая особенность, развившаяся в сравнительно позднее время, хотя уже стирающаяся и малопродуктивная. Это склонение возвратных имен существительных, т. е. особых образований от возвратных глаголов, неизвестных русскому языку, с суффиксами -*šan-* и -*um-*, которые сохраняют только два падежных окончания для прямого и косвенных падежей, например: *mazgāšanās* — *mazgāšanos*, *vēlējumies* — *vēlējumos* (мытьё, желание), в то время как само образование таких имен существительных очень продуктивно.

Спецификой русского языка является наличие так называемого смешанного склонения (твёрдого и мягкого) с основами на заднеязычные и шипящие (например, *рука*, *соха*, *книга*, *свеча*, *лыжа*, *каша*), что связано с различными историческими процессами в области русской фонетики. Кроме того, в русском языке с склонением имен существительных тесно связан вопрос об ударении, поскольку здесь оно не только свободное, но и переменное, что не может быть сопоставлено с латышским языком, в котором ударение постоянное, связанное обычно с первым слогом.

Мы не рассматривали систему падежных форм в целом, а только то, что представляет интерес в сопоставительном плане.

г) Словообразование существительных

Словообразование существительных в русском и латышском языках весьма разнообразно и составляет специфику каждого из рассматриваемых языков. Но некоторые случаи словообразо-

вания имеют много общего или же сходного. Так, и в русском и в латышском языке изменение окончаний⁸, система падежных форм служит словообразовательным средством, например: *кум — кума, супруг — супруга, раб — раба*, и устарелое *лис — лиса*, диалектное *внук — внука*. Больше подобных случаев нет в современном русском языке, и все они представляют женские соответствия к названиям лиц мужского пола. В латышском языке таких слов очень много, например: *ārsts — ārste, gans — gane, melis — mele, biedrs — biedre* (врач, пастух — пастушка, врун — врунья, товариш). Они могут быть как производными так и производными, например, *skolotājs — skolotāja* (учитель — учительница). В русском языке им соответствуют образования с различными словообразовательными суффиксами или слова общего рода. Сюда же можно отнести в латышском языке и названия предметов и понятий, например: *vidus — vide, dzimta — dzimte* (середина — среда, семья — пол, род) и др. При помощи флексии могут образовываться в латышском языке новые слова, относящиеся к различным частям речи, например: *vecs — vecis, skābs — skābe, dzirdēt — dzirde* (старый — старик, кислый — кислота, слушать — слух) и русские, *ворон — вороной, золото — золотой, бежать — бег* и др. При чем для русского языка характерным является наличие нулевой флексии.

В русском языке имеется еще другой способ, когда окончание множественного числа имеет словообразовательное значение в отличие от однокоренных слов, употребляемых в единственном и во множественном числе, например: *час — часы, дух — духи, бег — бега, провод — проводы, счет — счета, цвет — цветы, долг — долги, нюня — нюни, толк — толки* и др. Но это явление вторичное, результат распада грамматических связей. В некоторых случаях дифференциация окончаний во множественном числе также связана с изменением значения или стилистического использования слов, например: *годы — года, зубы — зубья, пропуски — пропуски, тоны — тона, мужи — мужья, сыны — сыновья, ордена — ордены, цветы — цвета, колена — колени* — *коленья* и др.

В латышском языке, как кажется, нет подобных образований за исключением одного новообразования *smarža — smaržas* (запах — духи), что указывает на историческую устойчивость латышской грамматической системы и изменяемость русской.

Вторым способом словообразования является суффиксация.

⁸ В. Кюспе. К вопросу о конверсии в латышском языке. Научные студенческие работы Латвийского гос. университета. Сб. 2. Рига, 1957.

В обоих языках имеется значительное количество словообразовательных суффиксов, причем только в некоторых отдельных случаях имеются частичные соответствия. Так, исторически общий и сложный суффикс *-ник* со значением лица соответствует латышскому *-niek-*, например, *ученик, работник, колхозник* — *skolnieks, strādnieks, kolhoznieks*, и является продуктивным для обоих данных языков. Этот же суффикс имеет и другое значение, он обозначает вместилище чего-либо, например: *чайник, коровник*. В латышском же языке такое употребление этого суффикса малопродуктивно, встречается по отдельным говорам, например: *sālnieks, pelavnieks* (солонка, пелушник).

Соответствующий суффикс для обозначения лица женского пола *-ниц-* также полностью соответствует латышскому *-niec-*, например: *ученица, работница, колхозница* — *skolniece, strādniece, kolhozniece*, с тем же чередованием заднеязычного согласного к-ц (к-с). Этот суффикс продуктивен в обоих языках.

Надо отметить еще и общий продуктивный суффикс *-ниц-* (*-nīc-*) со значением места, например: *больница, теплица* — *slimnīca, siltumnīca*.

Другой суффикс для обозначения лиц мужского пола — это суффикс *-тай*, непродуктивный для современного русского литературного языка, например: *ходатай, глашатай, соглядатай, завсегдатай*. В латышском же языке соответствующий суффикс весьма продуктивен со значением лица и орудия действия, например: *skolotājs, rādītājs, sildītājs, raidītājs* (учитель, показатель, нагреватель, передатчик), которому в русском языке соответствует такие продуктивные суффиксы, как *-чик, -щик* и *-тель*.

И наконец суффикс *-б-* (исторически *-ьб-*) со значением действия, например: *дружба, служба, борьба, стрельба, свадьба, судьба*, соответствует латышскому *-īb-*, например: *draudzība, jaunība, cerība* (дружба, молодость, надежда). Причем в латышском языке эта группа слов обозначает не только действие, но и качество.

Еще можно отметить в качестве общего явления широкое образование отглагольных имен существительных путем суффиксации. В русском языке в данном случае используется много разнообразных суффиксов, например, *-к-, -ти-, ни-, -б-* и др. (*варка, мытье, чтение, просьба*), в то время как в латышском языке круг словообразовательных средств этого рода весьма ограничен, имеется всего лишь два суффикса: *-šap-* со значением процесса действия и *-um-* со значением результата действия (*lasīšana, lasījums*). Некоторые глагольные свойства при образовании этих существительных утрачиваются. Так, в русском языке утрачи-

вается залоговое возвратное значение, которое в латышском языке строго сохраняется, например, от глаголов *мыть* и *мыться* — *мытье*, но *mazgāšana* от *mazgāt* и *mazgāšanās* от *mazgāties*, хотя страдательный оттенок значения сохраняется в русском языке гораздо шире, чем в латышском, например: *сравнение* — *сравнимость*, *прохождение* — *проходимость*, *обитание* — *обитаемость* (*salīdzināšana* — *salīdzināmība*, *pāriešana* — *pārejamība*, *apdzīvošana* — *apdzīvotība*). Утрачивается и видовое значение, хотя образования от несовершенного вида иногда и сохраняют значение повторяемости, неоднократности действия, ср. опоздание — опаздывание и *pokavēšana* — *kavēšana*. Значение результативности в латышском языке часто ведет к развитию не только обозначения явления, но и предмета (ср. *seršana* и *serums*). В русском языке иногда возникают фонетические варианты, которые ведут к дифференциации стиля речи и значения, например: *печенье* и *печенье*, *варенье* и *варенье*, *вышивание* и *вышиванье*, *воскресенье* и *воскресенье*, *кушанье* и *кушанье*, *соленье* и *соленье*, где слова на *-ние* не только носят книжный характер, но и обозначают процесс, а слова на *-нье* не только имеют разговорный оттенок, но и обозначают предмет.

Продуктивным является и образование имен существительных от прилагательных в обоих языках, причем так же, как и в предыдущем случае в русском языке наблюдается большое разнообразие суффиксов (*-ость*, *-от-*, *-изн-*, *-ин-* и др.), а в латышском языке обычно выступает только один суффикс *-ums*, совпадающий с отглагольными образованиями, например: *скудость*, *теплота*, *кривизна*, *ширина* — *skopums*, *siltums*, *greizums*, *platums*.

Правда, кроме словообразовательных суффиксов, в обоих рассматриваемых языках имеются также суффиксы эмоциональной окраски, которые используются в определенных стилистических целях. Но иногда эти же суффиксы приобретают и словообразовательное значение, например, русский суффикс *-к-* (*ножка* стола, *ручка* для письма и др.) и латышский суффикс *-īt-* (*kāju potīte*, *acu zīlīte* — лодыжка, щиколотка, зрачок). Иногда частое употребление суффиксов эмоциональной окраски, имен уменьшительных и ласкательных, не вызывается необходимостью, содержанием, значением. Это очень часто наблюдается в латышском фольклоре, а также в нелитературной разговорной речи и по некоторым русским говорам, например, псковским, воронежским. Такое обилие ласкательных и уменьшительных суффиксов создает определенную стилистическую окраску речи.

Третьим общим способом словообразования имен существи-

тельных является основосложение, но отдельные виды мало сходны в русском и латышском языках. Единственным общим способом образования сложных слов является соединение двух основ без соединительного гласного с какой-либо падежной формой в первой части, например: *пятилетка*, *Ленинград* и др. В латышском языке такие образования новые, они возникли совсем недавно из соответствующих словосочетаний, например: *darbaļaudis*, *galvaspilsēta* (трудящиеся, столица). Разница здесь только в том, что в латышском и второй элемент вполне самостоятельное слово, в то время как в русском часто имеется еще и словообразовательный суффикс, так что вторая часть не может выступать в качестве самостоятельного слова, что указывает на большую слитность частей сложного слова.

Только для латышского языка характерен другой сходный случай словообразования, когда в первой части выступает чистая основа, без падежного окончания, в отличие от первого случая, а во второй — полное слово, например: *lielceļš*, *mežsargs* (большак, лесник). Но может во второй части выступать и особое окончание как словообразовательный элемент, например: *mežzinis*, *darbvedis* (лесничий, делопроизводитель).

Только для русского языка характерно образование сложных слов с соединительным гласным e/o, например: *пароход*, *землемер*, и сложные слова с соединительным гласным или без него с написанием через черточку, дефис, например: *северо-восток*, *социал-демократ*, *киловатт-час*, *мать-и-мачеха*, которым в латышском языке соответствуют сложные слова своего специфического образования (*ziemeļaustrumi*, *socialdemokrāts*, *kilovatstunda*, *māllēpenes*).

Следует заметить, что для латышского написания дефис вообще не характерен, и латышские языковеды всячески борются с введением такого написания, передавая соответствующие термины путем сочетаний наречия с соответствующим именем или двух имен с сочинительным союзом *un* (и) или слитным написанием сложного слова, например: *mašīnu un traktoru stacija* (машинно-тракторная станция).

Словообразовательным средством русского языка является и ударение, например: *лёдник*, *рѣзѧ*.

Мы рассмотрели имена существительные в русском и латышском языках и видим в этой части речи много общего, но имеются и отличия, отражающие специфику каждого из сравниваемых языков, которая указывает на самостоятельный исторический путь развития того или иного языка. В основном отличия эти более поздние, возникшие в каждом языке в отдельности. Причем

часто в латышском языке наблюдаются такие явления, которые некогда были и в русском языке, но со временем утратились. Это указывает на большую устойчивость латышского языка в сравнении с русским. С другой стороны надо отметить, что и в латышском языке происходят некоторые изменения и упрощения, хотя не всегда они отмечаются в латышских грамматиках.

Н. А. ДОНЕЦ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В РОЛИ СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО

(Статья вторая)

Фразеологические сочетания могут выполнять функцию не только простого глагольного сказуемого, но и являться частью составного сказуемого: глагольного или именного.

Наиболее употребительными в современном русском языке являются глагольно-именные фразеологизмы в роли простого глагольного сказуемого¹, однако и именные фразеологические сочетания в качестве составной части сказуемого имеют довольно широкое распространение в языке.

В данной статье пойдет речь об именных устойчивых сочетаниях в роли составной части предиката, будет рассмотрено их лексическое значение и грамматическая структура.

Наблюдения над фразеологическими сочетаниями в функции составной части именного сказуемого показывают, что оно имеет ряд отличительных особенностей как в своей структуре, так и в семантике по сравнению с простым глагольным сказуемым, выраженным фразеологическим оборотом.

Прежде всего простое глагольное сказуемое-неразложимое сочетание включает в свою структуру в качестве одного из обязательных компонентов глагол, вторым компонентом является имя существительное в определенном падеже с предлогом или без него (двучленный предикативный фразеологизм) или имя существительное плюс имя прилагательное, местоимение или числительное (многочленный предикативный

¹ См. статью Н. А. Донец. Фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого, помещенную в Ученых записках ЛГУ им. П. Стучки т. 43 за 1961 год.

фразеологизм). При этом все устойчивое сочетание по смыслу должно быть синонимично простому глаголу. Сравните:

выбиваться из сил=обессилеть, зарубить на носу=запомнить, отдать распоряжение=распорядиться, держать язык за зубами=помалкивать, вывести на свежую воду=уличить, не находить себе места=беспокоиться, нервничать; ставить на одну доску=приравнивать и т. д.

Синонимичный простой глагол может быть либо однокоренным с именным компонентом, входящим в предикативное глагольно-именное сочетание (хранить молчание=молчать, оказать помощь=помочь, наделать шуму=нашуметь), либо разнокоренным (опустить руки=отчаяться, перемывать косточки=злословить, дать маху=ошибиться, водить за нос=морочить, обманывать).

Фразеологизмы, выступающие в функции именной части составного сказуемого, состоят из сочетания различных имен (имени существительного с именем прилагательным, местоимением или числительным, двух имен существительных или двух местоимений) или других неглагольных компонентов (наречия). Сравните:

пожарная каланча, стреляный воробей, белая ворона, язык богов, ноль без палочки, ума палата, ничего себе, сам по себе, себе на уме, пятое колесо в телеге, хозяйка хоть куда и т. д.

В глагольно-именных фразеологизмах в функции простого глагольного сказуемого стержневой глагол может стоять в форме всех трех времен, хотя преобладающей формой является прошедшее время. Устойчивые именные сочетания в роли именной части составного сказуемого обычно имеют значение настоящего времени (с нулевой связкой), так как большинство этих фразеологизмов выражает устойчивый признак предмета или постоянно присущую предмету качественную характеристику, что нагляднее проявляется в форме настоящего времени. Например:

Она в этих делах *стреляный воробей* (Н. Дементьев). Ну, это уж известно, что ты *задним умом крепок* (Н. Фогель). Ей жизнь — *море по колено* (Н. Фогель). Я, Юлия Сергеевна, *один как перст* (Н. Дементьев). Я *как гриб червивый*: весь в болезнях (М. Бубенов).

Несмотря на то что прошедшее время в именных фразеологизмах-сказуемых используется в русском языке гораздо

реже, чем настоящее время, почти все именные предикативные устойчивые обороты могут сочетаться с отвлеченной связкой *быть* в форме прошедшего времени. Причем такое сказуемое обозначает постоянно присущий признак в плане прошлого. Сравните:

Да я ведь и раньше *ростом был с коломенскую версту* (Л. Зайцев, Г. Скульский). Ее унылые глаза всегда *были на мокром месте* (А. Фадеев). Она *была*, что называется, *кровь с молоком* (В. Кетлинская). То число, в котором он (Обломов) выслушал последнюю лекцию, и *было геркулесовыми столпами* его учености (А. Гончаров). *Был он не из робкого десятка* (Г. Марков).

Именные предикативные фразеологизмы могут также сочетаться (хотя и в меньшей степени) с полузнаменательными связками со значением названия, временного пребывания в состоянии, перехода из одного состояния в другое обычно в форме прошедшего времени, реже в форме настоящего времени. Например:

Вода нам *показалась как парное молоко* (В. Кочетов). А он *крепким орешком оказался* (Н. Дементьев). Костя *сам не свой стал* (В. Кетлинская). С тобой, Таисия, от скуки умрешь: ты *становишься синим чулком* (Н. Дементьев).

Незнаменательные и полузнаменательные связки в форме будущего времени при именных предикативных фразеологизмах составляют единичные случаи.

Делай, как знаешь, но если ты уедешь, я *буду одна как перст* (Н. Грабов). Я *не останусь с ним с глазу на глаз* (И. Муратов). Этак, пожалуй, и я вам *маменькиной дочкой покажусь* (В. Костин).

Ни один из компонентов именного фразеологического сочетания сам по себе не выражает полноты значения сказуемого, только в сочетании с другим компонентом (или компонентами) составит единое, неделимое целое, законченное по смыслу. Так, возьмем, например, сочетание *белая ворона*. Сказать о человеке, что он ворона, будет значить — ротозей, зевака. Белый — значит цвет. Как единое целое это выражение означает «что-то необычное, редкое, из ряда вон выходящее». Или — *коломенская верста*. Слово верста означало меру длины, немного более километра. Коломенский — прилагательное от собственного имени (село Коломенское). Каждое слово, взятое порознь, не дает нам представления о содер-

жании оборота, а все выражение в целом будет означать «человека, высокого ростом, верзилу» (от верстовых столбов, расставленных по дороге во дворец в селе Коломенском, в 18 км. от Москвы) и т. д.

В большинстве своем именные предикативные устойчивые сочетания имеют переносное значение. Например: *пожарная каланча*—высок ростом, *мыльный пузырь*—что-то непрочное, *божья коровка*—безобидный человек, *седьмая спица в колесе*—лишний, ничего не значащий, *курам на смех*—нелепица, *гордиев узел*—что-то запутанное, *нос в табаке*—доволен, *два сапога пара*—одинаковы, сходны, *турусы на колесах*—нелепица, враки, *Гога и Магога*—о ком-то влиятельном и т. д.

Ну и наделила его природа! Не человек, а *пожарная каланча* (С. Воронин). Уволь, не могу поверить: это же *турусы на колесах* (Г. Кунгуров). — Тебе-то кто он? — Он? *Седьмая вода на киселе* (В. Ильенков). Ваши доводы просто *курам на смех* (С. Воронин).

В ряде именных фразеологизмов в роли сказуемого один из компонентов может иметь переносное значение, а другой прямое.² Сравните: медвежья услуга—неумелая услуга, аннибалова клятва—особенно важная клятва, на всю жизнь, красная цена—самая высокая цена, слепая курица—подслеповатый человек, чепуха на постном масле—сплошная ерунда, вооружен до зубов—в высшей степени вооружен, сизифов труд—бесплодный труд, занят по горло—очень занят, сон в руку—сбывшийся сон, любимый конек—излюбленный предмет разговора, крепкий орешек—крепкий, трудно поддающийся чему-нибудь, розовые мечты—наивные, идеализирующие мечты и т. п.

Единичны случаи, когда в устойчивом предикативном сочетании оба компонента сохраняют свое прямое значение: незванный гость, ноль внимания, слаб здоровьем, тверд как камень, холодный как лед, единство противоположностей и другие.

Основная масса именных устойчивых выражений по своей семантике сближается с однословными именами прилагательными, не имеющими общего корня ни с одним из компонентов сочетания. Например: *пожарная каланча*—высокий, *тертый калач*—опытный, *золотой мешок*—богат, *божья коровка*—тихий, безобидный, *мокрая курица*—безвольный, беспомощ-

² Примечание: слова, имеющие переносное значение в обороте, выделены.

ный, *скуп на слова* = молчалив, *паренек с перцем* = вспылчив, *пятое колесо в телеге* = ненужный, лишний, *ни себе ни людям* = жадный, *себе на уме* = хитрый, *как собака на сене* = скупой, *что слон в посудной лавке* = неповоротлив, *кровь с молоком* = цветущий, *сам по себе* = независим, *как гриб червивый* = негодный, *как парное молоко* = теплый, *волк в овечьей шкуре* = лицемерный, *нос в табаке* = доволен и т. п.

Ряд именных фразеологизмов по своей семантике сближается с однословными именами существительными иного корня, чем компоненты словосочетания. Например: *махровый болван* = неуч, тупица, *полная чаша* = достаток, *камень преткновения* = помеха, *турусы на колесах* = врачи, небылицы, *притча во языцех* = сенсация, *не твоего круга* = неровня, *не в своем уме* = сумасшедший, *курам на смех* = нелепица, *как ни в чем не бывало* = без последствий, *родимое пятно капитализма* = пережиток, *со щитом или на щите* = победителем или побежденным и т. д.

Некоторые именные устойчивые сочетания близки семантически к разнокоренным наречиям. Например, *на одну руку* = заодно, вместе, *море по колено* = нипочем, *ни к селу ни к городу* = некстати, *с глазу на глаз* = наедине, *как рыба в воде* = прекрасно, обычно и др.

Часть неразложимых именных предикативных выражений не имеет близких по значению однословных имен или наречий. Они соотносительны с другим описательным оборотом. Это в основном относится к фразеологизмам, где один из компонентов сохраняет свое прямое значение. Сравните: *красная цена* = самая высокая цена, *медвежья услуга* = неумелая услуга, *сон в руку* = сбывшийся сон, *жизнь на колесах* = кочевая жизнь, *глухой угол* = глухое место, *любимый конек* = любимый предмет разговора и т. д.

Однако некоторые именные фразеологизмы, где оба компонента имеют переносный смысл, также могут быть соотнесены с иными описательными выражениями, а не с однословным элементом. Например: *на короткой ноге* = в близких отношениях, *ахиллесова пята* = уязвимое место, *переливание из пустого в порожнее* = бесцельный труд, *правая рука* = главный помощник, *архимедов рычаг* = точка опоры, *соль земли* = творческая сила народа, *яблоко раздора* = предмет спора, *в моих руках* = символ обладания чем-нибудь и др.

Очень редки случаи, когда именные фразеологизмы имеют близкие по смыслу однокоренные слова к одному из компонентов сочетания. Например: *ума палата* = умен, *губа не дура* =

= не дурак, сплошной поток слов = многословен, казаться на одно лицо = одинаковы, остаться один на один = наедине, сам по себе = самостоятелен, вооружен до зубов = вооружен в высшей степени и др.

Структура именных предикативных фразеологизмов довольно разнообразна, хотя и уступает богатству и разнообразию структуры глагольно-именных сочетаний в той же функции.

Шире всего в современном русском языке распространены бессвязочные именные сочетания, состоящие из имени прилагательного и существительного, или из сочетания двух имен существительных с предлогом или без него.

СОЧЕТАНИЯ С НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ.

1. Имя прилагательное (полное) + имя существительное в форме именительного падежа.

Такие именные устойчивые сочетания в роли именной части составного сказуемого занимают господствующее положение по степени своего распространения в современном русском языке. Сравните: *китайские церемонии, тарабарская грамота, канцелярская крыса, ад кромешный, рай земной, бешеные деньги, благовидный предлог, щекотливый вопрос, крошечная тьма, закадычный друг, медовый месяц, первая ласточка, бабье лето, белые ночи, казанская сирота, мертвый капитал, золотые руки, иерихонская труба, Фома неверный, синий чулок, персоне грата, китайская стена, драконовы законы, пожарная каланча, медвежья услуга, темный лес, отрезанный ломоть, мыльный пузырь, правая рука, кисейная барышня, крепкий орешек, опытный воробей, старый воробей, тертый калач, махровый болван, золотой мешок, божья коровка, розовые мечты, красная цена, шут гороховый, маменькина дочка, золотой фонд, белая ворона, мокрая курица, полная чаша, слепая курица, медвежий угол, лебединая песня, аннибаловская клятва, темные люди, отчаянная голова, мертвая буква, садовая голова, стоеросовая свеча, белая горячка, бывшие люди* и др.

Вот, например, полковник Скалозуб, и золотой мешок, и метит в генералы (А. Грибоедов). Ну уж, батюшка, ты совсем мокрая курица (А. Толстой). По восьми гривен за душу это самая красная цена (Н. Гоголь).

Валька, ты *божья коровка*, тюфяк, вот ты кто (О. Баркова). Ирочка в их среде *белая ворона* (Н. Погодин). Его обещания *мыльный пузырь*, и все (В. Розанов).

2. Два имени существительных в различных падежах с предлогом или без него.

Данная группа именных фразеологизмов занимает второе место по широте распространения. Причем чаще в современном русском языке встречаются предложные именные сочетания, чем беспредложные.

а) Предложные именные фразеологизмы: *хлопот по горло*, *турусы на колесах*, *море по колено*, *ноль без палочки*, *на вес золота*, *паренек с перцем*, *в курсе дел*, *без году неделя*, *сон в руку*, *притча во языцах*, *курам на смех*, *человек в футляре*, *калиф на час*, *в костюме Адама*, *антик с звездикой*, *кровь с молоком*, *на волоске от смерти*, *нитка с иголкой*, *нос в табаке*, *с корабля на бал*, *со щитом или на щите* и др.

Вода в степи *на вес золота* (О. Гончар). Ого, да ты *паренек с перцем* (А. Караваева). Это же *курам на смех* (И. Муратов). А затейник наш просто *ноль без палочки* (Рекемчук). Полозов вполне *в курсе дел* (В. Кетлинская).

б) Беспредложные именные фразеологизмы: *соль земли*, *ума палата*, *язык богов*, *ноль внимания*, *дочь Евы*, *яблоко раздора*, *камень преткновения*, *дело случая*, *дело чести*, *ошибка молодости*, *точка зрения*, *секрет Полишинеля*, *козел отпущения*, *единство противоположностей*, *точка опоры*, *фунт изюму* и др.

Трудовой народ — вот кто *соль земли* (Г. Марков). Это моя *точка зрения* (В. Кочетов). Что я вам *козел отпущения*, что ли? (А. Рыбаков). — А кто же эта фея *златокудрая*? — Юлечка, это *ошибка молодости* (В. Кочетов). Поэзия — *язык богов* (И. Тургенев). Саша Волоник! О, у него *ума палата*, он сделает, ручаюсь (В. Кетлинская).

в) Единичны случаи союзного сочетания двух имен существительных, находящихся в сочинительных отношениях:

Гога и Магога, *Содом и Гоморра*, *альфа и омега*, *кожа да кости*, *мир и тишина*, *шипы и розы*, *тишь да гладь*.

Он да еще вице-губернатор — это *Гога и Магога* (Н. Гоголь). Простите... Не могу пригласить к себе: у нас *Содом и Гоморра* — завтра переезжаем в город (Н. Гравов). Ну, дед, и высох же ты, *одни кости да кожа* (Г. Марков). О! у вас сегодня *тишь да гладь* (А. Рыбаков).

3. Краткое имя прилагательное + имя существительное в различных падежах с предлогом и без него.

Данная группа фразеологизмов немногочисленна. Нам встретилось всего около дюжины примеров, где краткие имена прилагательные сочетаются с именами существительными либо в именительном падеже, либо в винительном падеже с предлогами *в* и *на*, а также в творительном без предлога: *геркулесовы столпы, сизифов труд, гордиев узел, аннибалова клятва, ахиллесова пята, руки коротки, кишка тонка, скуп на слова, туг на ухо, нечист на руку, сдержанна на язык, сыт по горло, занят по горло, слаб умом, слаб здоровьем, слаб животом, дамоклов меч, архимедов рычаг.*

Он доказывал, что человек без самолюбия ничтожен, что самолюбие — *архимедов рычаг* (И. Тургенев). Я этими концернами *сыт по горло* (М. Чарный). Я несколько *туг на ухо* (Н. Гоголь). Да это же, батенька ты мой, *сизифов труд!* (Н. Фогель). Сам он *скуп на слова* (О. Баркова). Выступать на людях я не привык. Это, как говорится, *моя ахиллесова пята* (там же).

4. Фразеологизмы с местоименными словами.

Устойчивые сочетания с местоименными словами в роли именной части составного сказуемого составляют также немногочисленный разряд фразеологизмов, вторым компонентом которых являются либо имена существительные в различных падежах как с предлогом, так и без него, либо местоимения, либо частицы, предлоги или те и другие вместе: *в моих руках, не в своем уме, не твоего круга, не в своей тарелке, не от мира сего, себе на уме, сами с усами, на своих двоих, свой человек, сам не свой, сам по себе, ничего себе, вне себя, не по себе, так себе, не в себе, ни при чем, ни к чему.*

Ты-таки себе на уме (И. Тургенев). Леночка у них *свой человек* (Н. Фогель). Я тут *ни при чем* (П. Автомо-

нов). Я не в своей тарелке и говорю не то, что хочу (В. Ажаев). Совсем она не твоего круга (П. Автомонов). А мы и сами с усами (А. Шубин). — Зоенька, ты с кем? — Я? Сама по себе (там же).

5. Два однородных компонента, связанных по способу сочинения повторяющимся союзом *ни-ни*.

Неразложимые предикативные фразеологические единицы, связанные по способу сочинения союзом *ни-ни*, могут включать в свой состав различные морфологические компоненты: однородные имена существительные, имена прилагательные, местоимения, числительные и звукоподражания.

а) ни рыба ни мясо, ни богу свечка ни черту кочерга, ни пава ни ворона, ни кола ни двора, ни кожи ни рожи, ни к селу ни к городу, ни стыда ни совести, ни дна ни покрывки, ни ложки ни плошки, ни слуху ни духу, ни ответа ни привета, ни сват ни брат, ни курица ни птица, ни роду ни племени, ни забот ни хлопот,

б) ни жив ни мертв, ни свой ни чужой, ни мал ни велик,

в) ни то ни се, ни тот ни другой, ни себе ни людям, ни себе ни другим,

г) ни два ни полтора,

д) ни бе ни ме.

Пигалица я, девчонка, ни то ни се (Горелик). Этот Савицкий ни рыба ни мясо (Гуреев). А то вас, оболтусов, десять лет учат, а вы на экзаменах все равно ни бе ни ме (В. Московкин). Ну и человек — ни себе ни людям (А. Чехов). Ни сват ни брат он мне (П. Автомонов). Это у тебя ни стыда ни совести (К. Федин). У него ж ни кола ни двора (И. Лавров). От Алексея ни ответа ни привета (И. Муратов).

6. Два имени существительных + имя прилагательное, местоимение или числительное.

Такие трехкомпонентные фразеологизмы в роли именной части составного сказуемого при нулевой связке в современном русском языке встречаются относительно редко по сравнению с двухкомпонентными фразеологизмами. Сравните: широкое поле деятельности, бред сивой кобылы, чепуха на

постном масле, последний крик моды, не последняя спица в колесе, глас вопиющего в пустыне, глаза на мокром месте, темна вода во облацех, волк в овечьей шкуре, переливание из пустого в порожнее, сказка про белого бычка, нашего поля ягода, нашего дерева сук, мастер на все руки, семь пятниц на неделе, два сапога пара, пятое колесо в телеге, от горшка два вершка, пятая спица в колеснице, седьмая вода на киселе.

Рано обрадовался: еще твоя диссертация *темна вода во облацех* (Н. Дементьев). Ты еще от *горшка два вершка*, а такие пакости болтаешь (Ф. Гладков). Он мне *седьмая вода на киселе* (В. Ильенков). Он же *лентяй первой марки* (В. Фоменко). Все это *ерунда на постном масле* (Фейгин). Эти пластики нерва — *бред сивой кобылы* (Н. Фогель). Да они *два сапога пара* — уже спелись (К. Федин). Я тут *пятая спица в колесе* (И. Муратов).

7. Сравнительные союзы в составе именных предикативных устойчивых сочетаний.

Структура именных фразеологизмов так же, как и глагольно-именных, может осложняться за счет включения в их состав сравнительных союзов *как, что, словно*. Преобладающим из них является союз *как*, который часто используется в качестве синонима двух других сравнительных союзов. Сравните: *гол как сокол, тверд как камень, холодны как лед, как лакмусовая бумажка, как казанская сирота, как гриб червивый, цепкий как клещи, как двуликий Янус, как по щучьему веленью, как белая ворона, как мокрая курица, как верста коломенская, как парное молоко, как дырявый карман, как турецкий святой, как рыба в воде, как у Христа за пазухой, как бельмо на глазу, как собака на сене, как крошка хлеба, один как перст, как на подбор, не как все, как в воду опущенный, что (как) слон в посудной лавке, что (как) нитка за иголкой, что (как) ворона в павлиньих перьях, что (как) отрезанный ломоть, словно (как) гром с ясного неба, словно (как) снег на голову, словно (как) без рук и др.*

В аппарате он *что слон в посудной лавке* (В. Ажаев). Ты что же это *как собака на сене?* (В. Панова). Ты *как белая ворона*, которая сразу всем бросается в глаза (В. Фоменко). А мы *как сельди в бочке*, и ничего (В. Кет-

линская). Она что ворона в павлиньих перьях (В. Немцов). Я без нее словно без рук (В. Фоменко). Фрося за ним что нитка за иголкой (И. Муратов). Память у меня как карман дырявый (Н. Дементьев). Рядовому, как бы ни было трудно, все-таки как у Христа за пазухой (Э. Казакевич).

II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ И ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ СВЯЗКАМИ

1. Нам встретился единственный случай употребления незнаменательной связки *быть* в форме настоящего времени при предикативном именном фразеологизме:

Ничего не упомяну о том соусе, который *есть лебединая песнь* старинного повара (Н. Гоголь).

Рассматривать именные фразеологические сочетания в роли предиката при отвлеченной связке *быть* в форме прошедшего времени мы не будем, так как почти все вышеприведенные фразеологизмы могут вступать в сочетание со связкой *был*, не имеющей своего лексического значения и служащей только для указания того, что постоянный признак сказуемого осознается в плане прошлого. Однако именные предикативные фразеологизмы со связкой *быть* в форме прошедшего времени имеют меньшую сферу употребления в русском языке, чем те же конструкции при нулевой связке со значением настоящего времени.

Со связкой *быть* в форме будущего времени данные конструкции еще менее употребительны. Нам удалось обнаружить всего несколько случаев:

Когда вы *будете в курсе дел* своего цеха, тогда и поговорим (П. Автомонов). Такая постановка вопроса *будет яблоком раздора между* начальниками цехов (там же). Что ж я тут *буду как пятое колесо в телеге* (Н. Дементьев). Близо, близо, а спозднишься выехать, *будет ни два ни полтора* (Н. Лесков).

2. Полузнаменательные связки при именных фразеологизмах обычно стоят в форме прошедшего времени. Случаи употребления их в форме настоящего или будущего времени в современном русском языке единичны.

Из полузнаменательных связок нам встретились такие, которые обозначают название, временное пребывание в состоя-

нии или переход из одного состояния в другое: *называть, стать, становиться, казаться, оказаться, показаться, остаться, делаться, сделаться, облечься, выдаться, считаться.*

а) В форме прошедшего времени:

оказался крепким орешком, оказался так себе, оказался мастер на все руки, оказался стреляный воробей, оказалась мастером жизненных дел, оказалась хозяйка хоть куда; оказалась как парное молоко, показался волком в овечьей шкуре; казался влюбленным до потери сознания, казался гол как сокол, казался не робкого десятка, казался шутлом гороховым; казался родимым пятном капитализма; стала жизнью на колесах, стало не по себе, стал сам не свой, стала как дырявый карман, стала пожарной каланчой; стала притчей во языцех, становилось любимым коньком; остались с глазу на глаз, один на один, остался красной девицей; делалась ни пава ни ворона, сделался мрачнее тучи; выдался как по заказу; облекся в плоть и кровь; считался себе на уме, считался своим человеком.

И сделалась моя Матрена ни пава ни ворона (И. Крылов). Василий считался у санитарок своим человеком (Н. Фогель). Ларисин избранник оказался так себе — ни рыба ни мясо (В. Панова). Жизнь стала жизнью на колесах (В. Кетлинская). Память у меня стала как дырявый карман (М. Шолохов). Кузнец оказался мастером на все руки (Варламов). Т. К. и я остались с глазу на глаз (Тендряков). День выдался как по заказу (Г. Марков). Враг перестал быть отвлеченным понятием, а облекся в плоть и кровь (Э. Казакевич). Слово «барышня» в его устах было то, что он с усмешкой называл родимым пятном капитализма (там же).

б) В форме настоящего и будущего времени:

становишься синим чулком, окажусь незванным гостем, не останется один на один, кажутся все на одно лицо, делается антонов огонь, становится сама не своя, окажусь синим чулком, делаюсь ни жива ни мертва.

Посмотрю я на своего жениха — *ни жива ни мертва делаюсь (И. Муратов). Он был доволен, что не останется с нею сразу один на один (В. Кетлинская). Не окажусь ли я незванным гостем? (Г. Скульский и Л. Зайцев). Больных столько, что кажутся все на одно лицо (Н. Фогель). У вас того и гляди антонов огонь делается (И. Тургенев).*

Именная часть, выраженная фразеологическим сочетанием, при полузнаменательных связках довольно часто имеет форму творительного падежа имени (в тех случаях, где в бессвязочной конструкции стоит форма именительного падежа), который все более вытесняет форму именительного падежа.

Собранный нами материал показывает, что именные фразеологизмы в функции составной части именного сказуемого так же, как и глагольно-именные устойчивые сочетания в роли простого глагольного сказуемого,³ в основной своей массе относятся к общеупотребительному разговорному стилю речи. Некоторые из них имеют просторечный или фамильярный оттенок (напр., пожарная каланча, тертый калач, турусы на колесах, нашего поля ягода, ни при чем, руки короткие и др.), некоторые приобретают иронический оттенок (напр., кисейная барышня, маменькина дочка, без году неделя, что ворона в павлиньих перьях, как казанская сирота и т. д.).

И только незначительная часть данных фразеологизмов носит книжный характер (напр., притча во языцех, темна вода во облацех, альфа и омега, глас вопиющего в пустыне, сизифов труд, аннибалова клятва и др.). Единичны случаи фразеологических вульгаризмов: ни кожи ни рожи, кишка тонка, губа не дура, ни богу свечка ни черту кочерга.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Именные устойчивые сочетания в роли составной части именного сказуемого довольно широко распространены в современном русском языке.

2. Обычно они стоят при нулевой связке и имеют значение настоящего времени, что связано с выражением в них устойчивости признака или постоянства качественной характеристики предмета.

3. Наличие незнаменательной связки *быть* в форме прошедшего времени показывает постоянство присущего признака в прошлом.

4. Именные предикативные фразеологизмы могут сочетаться и с полузнаменательными связками со значением называния, временного пребывания в состоянии или перехода из одного состояния в другое обычно в форме прошедшего времени.

Случаи сочетания с формами настоящего или будущего времени незнаменательных или полузнаменательных связок очень редки.

5. Основная масса именных устойчивых сочетаний в функ-

³ См. указанную выше статью в сноске.

ции сказуемого имеет переносное значение. В части из них один из компонентов имеет переносное значение, другой — прямое. И только в единичных случаях оба компонента сохраняют прямое значение.

6. По своей семантике именные предикативные фразеологизмы сближаются либо с однословными именами прилагательными, не имеющими общего корня ни с одним из компонентов сочетания, либо с именами существительными иного корня, чем компоненты устойчивого сочетания, либо с разнокоренными наречиями. Часть таких фразеологизмов может соотноситься по своему значению с другим описательным оборотом.

7. Структура их разнообразна. Они представляют собой сочетания различных имен: имени существительного с именем прилагательным, местоимением, числительным; двух имен существительных или двух местоимений; или других неглагольных компонентов (наречий, частиц) без связки, реже с незнаменательными или полужнаменательными связками.

Более всего распространены устойчивые предикативные сочетания, состоящие из имени существительного + имя прилагательное или двух имен существительных с предлогом или без него.

8. Данные фразеологизмы распространены в основном в разговорном стиле речи. Некоторые из них обладают просторечным, фамильярным или ироническим оттенками. Незначительное количество их включает в себе книжный характер речи.

Н. А. ДОНЕЦ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ И ИСТОРИЗМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Лексический и фразеологический состав русского языка связан непосредственно с деятельностью человека в обществе. Постоянные изменения в языке свидетельствуют о его непрерывном развитии и совершенствовании.

С одной стороны, мы наблюдаем возникновение новых слов и оборотов речи, а также появление новых значений у ранее существовавших в языке слов, с другой стороны, отдельные слова отмирают и переходят из активного словарного запаса в пассив.

Слова ветшают, как платья, но не все слова-архаизмы исчезают из языка. Устаревшие и вышедшие из употребления сами по себе слова часто сохраняются в ряде устойчивых фразеологических единиц, в пословично-поговорочном материале.

Это объясняется прежде всего лексической и синтаксической нерасчлененностью фразеологизмов. Во-вторых, устойчивые фразеологические выражения являются своеобразным пережитком более ранней исторической ступени развития словарного состава русского языка.

«В строе современного языка неразложимые словосочетания являются археологическим пережитком предшествующих стадий языкового развития».¹

Ряд фразеологизмов, сложившись в древние времена, несет на себе отпечаток той эпохи, в которую они возникли. В составе их мы находим лексические архаизмы, историзмы, семантические архаизмы, а также устаревшие грамматические формы, не являющиеся нормой в современном русском языке.

¹ В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Сб. статей и материалов. Вып. 3, изд. АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 339.

Устойчивые выражения составляют существенный элемент в системе каждого языка, отражая в себе своеобразие его семантических свойств, грамматической структуры. Поэтому, несмотря на наличие архаичных элементов в структуре, большинство устойчивых фразеологических единиц входит в активный запас словаря, постоянно встречается с устной речью и в языке художественной литературы.

В зависимости от того, является ли устаревшим все слово как звуковой комплекс, имеющий определенное значение, или устаревшим оказывается лишь его смысловое значение, в научной литературе выделяют лексические и семантические архаизмы.²

В структуре устойчивых фразеологических выражений встречаются и те и другие архаизмы, хотя первые явно преобладают.

Устаревшие слова внутри фразеологизмов обладают большей или меньшей степенью архаичности, что можно объяснить наличием или отсутствием различных семантических и словообразовательных связей с активным словарным составом современного русского языка.

Нам представляется интересным попытаться проследить не только слова-архаизмы, но и возникшие архаические значения слов, которые в своей основной функции вовсе не являются устаревшими, а также их стилистическое использование в языке.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ.

Среди лексических архаизмов, вытесненных из активного употребления другими словами, в устойчивых выражениях мы находим собственно-лексические, лексико-словообразовательные и лексико-фонетические архаизмы.

1. Собственно-лексические архаизмы.

В количественном отношении первое место занимают *собственно-лексические* архаизмы, т. е. такие, которые в настоящее время вытеснены в пассивный словарный запас синони-

² См. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М. 1957, стр. 72.; Н. М. Шанский. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов (Рус. язык в школе, № 3, 1954).

мичными словами с другой основой. Большая часть собственно-лексических архаизмов в структуре фразеологизмов представляет собой слова, которые сами по себе исчезли из языка и не встречаются в производных словах активного словаря современного русского языка.

Прежде всего сюда входит ряд имен существительных как русских, так и заимствованных из церковнославянского языка, восточных языков, классических, реже западноевропейских. Значение многих из них совершенно непонятно говорящим на современном русском языке и требует соответствующих справок и пояснений. Например: баклуша, рожон, лясы (балясы), зга, лататы, просак, бирюлька, кондачок, панталык, былье, охулки, кулички, тло, пядь, тормашки, кондрашка, спуд, мошна, вавилоны, пенаты, ковчег, чело, тартар, антраша, фи-миам, миро, канитель, ахиня, антмония, галиматъя, нирвана и др.

Некоторые собственно-лексические архаизмы в составе фразеологизмов, в пословично-поговорочном материале доступны пониманию большинства говорящих на русском языке, особенно старшему поколению нашего общества. Сравните: верста, вершок, аршин, сажень, фунт, ларчик, кол, пилюля, пир и некоторые другие.

Доступность или недоступность понимания в наше время тех или иных собственно-лексических архаизмов в составе устойчивых выражений, с одной стороны, объясняется степенью их устарелости, с другой, временем выхода архаизма из активного словарного запаса, а также длительностью его употребления в активном словаре.

Рассмотрим соответствующие примеры.

Так, слова *баклуша* в современном русском языке нет. В древности оно означало «чурбан, чурку» для выделки мелких щепных изделий (напр. ложек). Архаизм этот сохраняется в настоящее время только в устойчивом выражении *бить баклуши* в значении бездельничать, ничего не делать, которое связывалось с очень простой, несложной работой — раскалыванием полена на чурки (баклуши). (Уш. I 75).³

Кругом горе, слезы, а сын Трофима Назаровича по целым дням *баклуши бьет*. (В. Тевекелян).

Итальянского слова *балясы* (лясы) в свободном употреблении в русском языке мы не находим. *Балясина* (балясы) —

³ Толковый словарь современного русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV, М. 1935—1940. В дальнейшем ссылки будут даваться по этому изданию.

фигурно точеная из осиновых плах безделушка. Слово употребляется только в выражении *точить лясы* (или *балясы*) в значении болтать пустяки, шутить, так как эта работа веселая и легкая, дает простор воображению и вызывает желание петь. (Макс. 31).⁴

Разве не видите, что Самсоныч *балясы точит*, нас морочит? (И. Лажечников). — Что, смело-то говорю? Али, по-твоему, *лясы да балясы* гладкие *точить*? (Писарев).

Рожон в понимании острый кол, укрепленный в наклонном положении, устарело. Встречается только в устойчивых сочетаниях *лезть на рожон*, *против рожна не пойдешь*, что означает предпринимать действия, обреченные на неудачу и сулящие неприятности. Это понятие проясняется в связи с первоначальным значением слова. Известно оно также в выражениях *какого тебе рожна надо*, *на кой рожон* в значении *зачем, начто?* (Уш. III 1375).

Поначалу *на рожон* Теркин *лезть* намерен (А. Твардовский). Ширвиса больше нельзя выпускать в воздух — *на рожон лезет*. Готов каждого фрица бить (П. Капица). Ну *какого тебе еще рожна надо?* Чем ты не доволен? (Ф. Гулинов)

Говорящий на современном русском языке уже не знает, что такое *зга*, поскольку оно само по себе в языке не употребляется. Слово *зга* толкуют и как темнота, мгла, и как искра, и как дорога (стыга, стезя). (Даль I 675).⁵ Непонятное само по себе, оно продолжает жить во фразеологизме *не видно ни зги* в значении *ничего не видно*, т. е. *не видно самой темноты, не видно ни искры, ни дороги, пути*.

А на море шторм, качка, *зги не видно*, шли только по приборам (Л. Барский). *Зги не видно*. Ночь вокруг. (А. Твардовский).

Слово *лататы*, происхождение и значение которого неясны, живет только в выражении *задать лататы*, т. е. *убежать без оглядки, опрометью, не помня себя* (Уш. II 28).

Просак в активном словаре русского языка не значится. Это станок для кручения веревок. Однако оно сохраняется во фразеологизме *попасться впросак* в значении *оказаться по своей оплошности в неловком положении*. Значение это связы-

⁴ С. Максимов. Крылатые слова. М. 1955. На последующих страницах ссылки пойдут по этому же изданию.

⁵ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. I—IV тт. М. 1956. В дальнейшем ссылки будут даваться по этому изданию.

вается с работой у просака: если хоть один волос попадет в этот станок, представляющий собой сплетение из веревок, где все снуется, крутится, то рабочему не сдобровать. (Уш. III 993, Макс. 15—16).

Хотя иногда и сам *впросак* он *попадался*, как простак. (А. Пушкин).

Слово *бирюльки* сейчас устарело. Означало оно раньше игру, состоящую из горсти ровно нарезанных соломинок, которые играющие должны были вытаскивать по одной, не встряхивая всего вороха. (Даль I 88). Осталось оно только в устойчивом выражении *играть в бирюльки*, что значит заниматься пустяками.

Пора нам перестать *играть в бирюльки* и взяться за дело (А. Воронин).

Устаревшее слово *кондачка́* (скандачек) мы находим только в выражениях *делать скандачка, решить скандачка*. Происхождение его неясно. По Далю, *скандачек* — пляска, один из приемов выступки народной мужской пляски, пяткой в землю, носком вверх. *Скандачка* — значит с носка (Даль IV 192). Отсюда и значение всего фразеологизма — легковесно, несерьезно, без понимания дела (Уш. I 1434).

В его несколько медлительных движениях чувствовалась спокойная уверенность, привычка все *делать* основательно, не с *кондачка* (Ф. Гулинов).

Так же неясно и значение слова *панталык* в выражении *сбить с панталыку*, по Далю, с толку, с порядка, со смысла, лишиться возможности понимать, что делается в окружающем (Даль III 15).

Сбить с панталыку-то легко, а дальше что? Куда ему деться? (Г. Коновалов).

Былье в значении трава в настоящее время не употребительно, но оно сохраняется в устойчивом сочетании *порасти быльем* (Уш. I 213).

Все это давно уже *быльем поросло* и не надо снова ворошить (Г. Коновалов).

Архаизм *охулки* (хула, осуждение) сохранился лишь в устойчивом выражении *охулки на руки не класть*, что значит не упускать своей выгоды, своего интереса, не зевать, не ошибиться в чем-н. (Уш. II 1029).

Слово *кулички* в русском языке является переоформленным (испорченным) финским «кулиги» или «кулижки» — лесные

полянки, болотца в страшной лесной глуши, где, по преданию, любили водиться черти (Э. Вартаньян 217—218).⁶ Осталось оно в употреблении только в выражениях *у черта на куличках* или *к чертям на кулички*. Жить у черта, да еще и на куличках — это так далеко, что и представить себе трудно, на краю света.

Живет он у черта на куличках, куда птица не залетает и где извозчика не найдешь днем с огнем (А. Чехов). Другие служат в городах, а ему, видите ли, не нашлось там местечка. Конечно, таких тихонь только и посылают *к чертям на кулички* (Ф. Гулинов).

Тло отдельно взятое в современном русском языке непонятно и в свободных сочетаниях не используется, но оно известно в выражении *сгореть до тла* (т. е. до основания). В других славянских языках, например в украинском, слово *тло* сохраняет свое прямое значение в активном словаре.

Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев — сейчас устарело (Уш. III 1089). Осталось оно в устойчивом сочетании *пядь земли*, где сохраняет прежнее значение крохотного кусочка, какой можно показать пальцами, и в выражении *семи пядей во лбу*, означая очень умного, мудрого человека.

Да будь ты хоть *семи пядей во лбу* и то не поверю: не могу поверить (Ф. Гулинов). Будь у каждого из нас *семь пядей во лбу*, одни мы ничего не сделаем (Г. Брянцев). Чужой земли мы не хотим, но и своей не отдадим *ни пяди (земли)*.

Устарели и слова *тормашки*, *кондрашка*, которые в просторечии обозначают «через голову, кувырком» и «апоплексический удар, внезапную смерть» (Уш. IV 1435). Но они продолжают жить во фразеологизмах *лететь вверх тормашками* и *хватил кондрашка*.

Жили дружно, хорошо, и вдруг все *летит вверх тормашками*: меня посылают в деревню, жена в слезы (Л. Обухова). Случайная встреча — и все пошло у дяди, как говорится, *вверх тормашками* (Григорович). С таких харчей смотри еще чего доброго *кондрашка хватит* (Л. Барский).

⁶ Э. Вартаньян «Из жизни слов» М. 1960 г. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию.

Устаревшим является и слово *мошна*, известное во фразеологизмах *набить мошну*, *тряхнуть мошной*. Раньше *мошна* означало карман, мешок для хранения денег (Уш. II 270).

Не скупись, дед, *тряхни мошной* (т. е. раскошешься, не жадничай) (Н. Попов).

Не встречаем теперь в свободном употреблении и слова *вавилонь*, которое означало извилины, вычурные узоры, словесные измышления. Но оно осталось в выражении *выводить вавилонь* (выписывать вавилонь) обычно в значении нетвердой, заплетающейся походки нетрезвого человека, реже в значении словесных измышлений (Уш. I 218).

Ишь, какие *вавилонь* *выписывает* Кузьмич! Налился по самые глаза спозаранку (А. Королева).

Неизвестно теперь и слово *нос* (принос) в значении взятка в свободном употреблении, но оно осталось во фразеологизмах *уйти с носом*, *остаться с носом*, т. е. потерпеть неудачу в просьбах, отступить, ничего не добившись. В старой Руси взятка, принесенная с собой, называлась приносом, короче носом. Если нос принимался, можно было надеяться на благоприятное решение, если просителю отказывали, то он уходил со своим носом обратно. (Э. Варт. 215).

— Ты дождешься, что *с носом останешься*. Напористей будь. Требуй, своего добивайся, — советовал он мне (Г. Садовников).

Архаично и слово *пенаты*, которое у древних римлян означало добрых уютных божков. Позже слово *пенаты* стало символом дома, родины. *Возвратиться к своим пенатам* значит вернуться домой, под родную кровлю (Э. Варт. 38).

Своим пенатам возвращенный, Владимир Ленский посетил соседа памятник смиренный (А. Пушкин).

Забыто нами и слово *ковчег*, которое обозначало ящик, сундук. Но оно сохранилось в выражении *ноев ковчег* в значении битком набитого помещения, где живут случайные обитатели, которое идет от названия легендарного корабля, где Ной с семьей и с прапредками животных мира спасся от мирового потопа (Э. Варт. 49).

Нет у нас в свободном использовании и слова *спуд*. Старославянское *спуд* означает сосуд. Осталось оно в устойчивом сочетании *держат под спудом*, что значит держать в забвении, припрятать — от прятать под опрокинутым сосудом (Э. Варт. 171).

Устарело и церковнославянское *миро*, знакомое нам по поговорке *одним миром мазаны*. *Миро* — искусственно приго-

товляемое благовоное вещество, употреблявшееся при церковных обрядах. В старину это выражение означало: мы одной веры. Позже стало употребляться в значении «одинаково подозрительные люди» (Э. Варт. 152).

Славянизм *чело* (лоб) живет теперь только в устойчивом сочетании *бить челом*, т. е. просить, кланяться, жаловаться, подносить подарки (Уш. IV 1247).

Бьет челом тебе Дунька, женишка твоя (А. Толстой). Скажи Степану Семенычу, друг, мол, его, Мишка Тыртов, *челом бьет* (А. Толстой).

Грецизмы *ахинея* (вздор, ерунда, чепуха), *катавасия* (суматоха, беспорядок, возня), *тартар* (ад, преисподняя), *фимиам* (благовоная курительная смола) также являются в современном русском языке архаизмами; хотя и продолжают жить в выражениях: *плести* (нести) *ахинею*, *пошла катавасия*, *провалиться в тартары*, *курить* (кадить) *фимиам* (льстить, восхвалять кого-н).

И *пошла* такая *катавасия*, что своих не найдешь (В. Соллогуб). И *понес* он такую *ахинею*, что уши вянут (А. Чехов).

Латинское *антимония* является старым названием химического элемента сурьма (краска). Сейчас употребляется только в устойчивом сочетании *разводить антимонию*, что значит заниматься пустой болтовней, пустяками (Уш. I 44).

Я приехал сюда не *антимонии разводить*, а драться, действовать кулаками (П. Капица).

Полонизмы *антраша* (балетное па, затейливый прыжок в танцах), *галиматья* [от имени француза-врача Галли Матье, который обладал даром, болтая вздор, смешить своих больных в такой степени, что вынужденный смех служил часто исцелением] (С. Макс. 337), *канитель* (тонкая витая золотая или серебряная нить для вышивания) тоже устарели сами по себе, но встречаются в выражениях: *сделать* (выкинуть) *антраша* (что-то особенное, удивительное), *нести галиматью* (т. е. несусветную чушь, ерунду), *тянуть канитель* (делать что-н. однообразное, неприятное, нудное, проволакивать, затягивать дело).

Борис, перестань *тянуть канитель*, оформи ей путевку (М. Глушко). — Письмо есть? — Есть. — Так чего же ты *тянешь канитель*? Давай сюда. (Ф. Гулинов). — Был у Яна? — Был. — Ну? — Да он такую *галиматью понес*, что стыдно стало (П. Капица).

Полонизмы *вензель* (инициалы, узор) и *фортель* (ловкая проделка, выходка) также в наше время в свободном употреблении не встречаются, но продолжают жить в устойчивых выражениях *писать вензеля* в значении нетвердой походки пьяного и *выкидывать фортели*, что значит сделать какую-н. ловкую проделку, выкинуть неожиданную выходку (Уш. I 247, IV 1106).

Ну, знаешь, такой *фортель выкинуть* — это уж слишком. Могут и из редакции тебя попросить... (М. Глушко).

Устарело и персидское слово *ладан* (ароматичная смола для курения при религиозных служениях, то же, что и фи́миам), которое сохранилось только в выражениях: *бояться, как черт ладана* или *бежать, как черт от ладана* в значении быть в панике, в сильном испуге, а также в выражении *дышать на ладан*, т. е. быть чуть живым, дряхлым, старым, отживать, умирать (Уш. II 17).

— Сапоги твои *на ладан дышат*. — Ничего, как-нибудь до весны дотяну (М. Глушко).

Слова *нирвана* (санскр. исчезновение, потухание, блаженное состояние души) в активном словаре русского языка нет. Осталось оно лишь в устойчивом сочетании *погрузиться в нирвану* со значением отдалиться состоянию полного покоя (Уш. II 569).

В настоящее время каждая мера длины и веса имеет одну, установленную законом величину. До введения метрических мер на Руси существовали такие меры длины и веса, как *аршин, вершок, верста, сажень, фунт* и др. Теперь все эти слова уже устарели.

Аршин (персидское локоть) равнялся примерно трем четвертям метра. При его изготовлении кустари за точностью не гнались. Поэтому купцы старались пользоваться своим аршином, остерегаясь неведомого, чужого аршина (Э. Варт. 135). В современном русском языке широко известны такие выражения, как *мерить на свой аршин* (т. е. судить со своей точки зрения, подгонять под свою мерку), *как аршин проглотил* (стоять прямо, не сгибаясь, как палка), где сохранилось это вышедшее из употребления слово.

Будешь всех *на свой аршин мерить* — просчитаешься, маху дашь (А. Копыленко). *Не мерь людей на свой аршин* (Н. Дементьев).

Вершок (равен около 4,4 см) осталось только в выражении *от горшка два вершка*, что значит очень мал, не дорос до чего-нибудь.

Ты еще *от горшка два вершка*, а такие пакости болтаешь (Ф. Гладков).

Верста немного более километра. Сохранилось во фразеологизмах: *мерить версты* (много ходить), *коломенская верста* говорят о неуклюжем, неловком, неповоротливом человеке-верзиле, что восходит к столбам, расставленным от Москвы до царской летней резиденции села Коломенского. Это был первый опыт обозначения видными знаками верстовых измерений, существовавших издавна в одном лишь призрачном представлении с обязательной неточностью меры. Московским жителям эти столбы напоминали верзил (С. Макс. 86).

Да я ведь и раньше *ростом был с коломенскую версту* (Л. Зайцев, Г. Скульский), Поцеловав дочь, Анна Николаевна подошла к затию: «Пригнись, *верста коломенская*, пригнись. Не тянуться же мне под старость на носочках» (Ф. Гулинов).

Сажень равна трем аршинам. Архаизм этот сохранился в сочетании *косая сажень в плечах*, т. е. широкоплечий, могучий, сильный человек.

Слов нет, парень видный, не то, чтобы высок или *косая сажень в плечах*, но как-то заметен (О. Баркова).

Фунт (400 грамм) продолжает жить в выражениях: *это тебе не фунт изюму, узнаешь, почем фунт лиха* в значении это не пустяк, еще беда впереди (Уш. I 1187).

Девчонка, дурочка, обманется, хватит шилом патоки, поймет, *почем фунт лиха* (Н. Дементьев).

На Руси знать часто пировала, задавала пиры — большие званые обеды или ужины с обильным и роскошным угощением (Уш. III 262). Устаревшее *пир* в наше время сохранилось в пословично-поговорочном материале типа: *пир на весь мир, пир горой, в чужом пиру похмелье*.

Приходите, дорогие гостеньки, справим *пир горой* (С. Бабаевский).

Слов *ларчик* (небольшая шкатулка), *посул* (обещание), *порожнее* (пустое) тоже нет в свободном употреблении, но они живут в поговорках: *а ларчик просто открывался* (в значении не надо мудрить), *за посул денег не берут* (т. е. обещать можно сколько угодно), *переливать из пустого в порожнее* (делать напрасную работу).

Другие делом заняты, а мы *из пустого в порожнее* льем, да и только (А. Рыбаков).

Устарелым является и слово *лихва* в значении избыток, лишек, используемое только в выражении *вернуть с лихвой*, т. е. получить больше, чем дать самому (Э. Варт. 200).

Вышло из употребления и латинское слово *пилюля* (лекарственный шарик из порошка), сохранившись в ряде фразеологизмов: *позолотить пилюлю* (скрасить доставляемую неприятность, что восходит к древним временам, когда лекарственные пилюли в прямом смысле были в позолоте, золотились); *проглотить пилюлю* (т. е. молча выслушать что-то для себя обидное, неприятное); *поднести пилюлю* (сказать что-нибудь неприятное, обидное).

Ну подожди ж ты! *Поднесу ж я тебе такую пилюлю, что только ахнешь* (А. Копыленко).

Нет в активном словаре и слова *набат* (араб. барабанный бой, сигнал, подаваемый ударом в колокол), но оно знакомо нам по устойчивому сочетанию *бить в набат*, т. е. подымать тревогу (Уш. II 300).

Сердце принимается *бить в набат* и выбрасывает красный флажок: *тревога!* (Л. Обухова).

Архаично звучит и слово *чаяние* (ожидание) во фразеологизме *паче чаяния*, что значит сверх всякого ожидания, надежды.

Вяленая вобла *паче чаяния* на округлении периодов настанвала (С.-Щедрин).

Собственно-лексические архаизмы среди других частей речи внутри фразеологических единиц наблюдаются гораздо реже, чем среди имен существительных.

Это глаголы: *лелеять* (беречь, ходить), *потупить* (опустить), *кануть* (исчезнуть), *вперить* (установиться), *потчевать* (угощать), *отведать* (попробовать), *чаять* (ждать, надеяться), *подкузьмить и обжегорить* (обмануть, обвести) и некоторые другие, сохранившиеся в устойчивых выражениях: *лелеять, как зеницу ока*; *потупить очи, взор*; *кануть в воду, в вечность, в неизвестность, в лету*; *вперить взор в кого-н.*; *не потчуй меня тем, чего я не ем*; *кабы знал да ведал, всего бы отведал*; *души не чаять* (обожать).

Уж он ее, батюшка, берег и *лелеял, как зеницу ока* (О. Баркова). *Потупив взор*, она молчала (Гончаров). В своем зяте она *души не чаяла* (И. Лагутин). Тобик *как в воду канул* (А. Чехов). Он порешил однажды навсегда, что старая жизнь безвозвратно *канула в вечность* (С.-Щедрин). *Подкузьмив и обжегорив* кого-нибудь, он довольно потирал руки (Н. Титов).

Последнее выражение связано с давним обычаем заключать некоторые с-х. сделки на срок от весеннего до осеннего Егорья, 26 ноября по старому стилю. Тогда же были «кузьминки» — праздник, когда начинались свадьбы. Первоначально означало обмануть, не выполнив договора, заключенного до праздника «кузьминок». (С. Макс. 385).

Устаревшими именами прилагательными и причастными формами являются слова: *крошная* (непроглядная, тягостная, беспросветная, сверхестественная), *тарабарская* (непонятная, путаная), *скудельный* (непрочный, бранный, слабый, хрупкий), *грядущий* (наступающий), *алчущий* (сильно желающий), продолжающие жить в устойчивых выражениях: *крошный ад*, *крошная тьма*, *тарабарская грамота*, *сосуд скудельный*, *алчущие и жаждущие* (т. е. ожидающие и добивающиеся чего-н.).

Архаизировались и местоименные формы *сей* (этот) и *оний* (тот), сохранившиеся в ряде фразеологизмов: *ни то ни се*, *ни с того ни с сего*, *от сих до сих*, *на сей раз*, *по сей день*, *о том о сем*, *быть по сему*, *сию минуту*, *до сих пор*, *сие от него не зависит*, *не от мира сего*, *жить во время оно* и т. п.

— Приходи вечером, полкуем *о том о сем*, сыграем партию в шахматы (М. Глушко). Но солдат — везде солдат. *То ли, се ли* — виноват (А. Твардовский). *До сих пор* мне не приходилось бывать в Светлограде (Ф. Гулинов). А что ж, Анна Акимовна? Я уж думаю, чем *ни то ни се*, ни два ни полтора, так уж лучше за старика (А. Чехов). *На сей раз* мы набрали полные корзины чернушек и рыжиков (Н. Титов).

Непонятны в современном русском языке и наречия *елико* (сколько), *баш* (тюркск. так, вещь), *сторицею* (с лихвой), изредка встречающиеся в устойчивых выражениях: *елико возможно*, *баш на баш* (так на так, вещь на вещь), *воздастся сторицею*.

Устарели и союзы *аки*, *яко* (как), *коль* (если), *кабы* (если бы), используемые в наше время преимущественно в пословично-поговорочном материале типа: *аки зверь лютой*, *погибоша аки обри*, *яко наг яко благ*; *на что и клад*, *коли в семье лад*; *нечего хвалиться*, *коль дело из рук валится*; *кабы знал*, *где упал*, — *соломки подмостил (подослал)*; *если бы да кабы да во рту росли грибы*, *то был бы не рот, а целый огород* и т. д.

Рассмотренные нами фразеологизмы, в состав которых входят лексические архаизмы, имеют неодинаковую степень упо-

требления в современном русском языке. Одни из них более широко известны и поэтому встречаются в языке гораздо чаще. Другие — менее известны и сфера их распространения в языке более узкая. Так, в наш XX век почти не встретишь таких фразеологизмов, как: одним миром мазаны, провалиться в тартары, выводить вавилоны, погрузиться в нирвану, кануть в Лету, каяться в грехах тяжких, сосуд скудельный, алчущие и жаждущие, елико возможно и некот. др.

Неоднородны они и в стилистическом отношении. Большинство их характерно для разговорно-просторечного стиля речи: косая сажень в плечах, попасть впросак, от горшка два вершка, бить баклуши, коломенская верста, сбить с панталыку, охулки на руки не класть, у черта на куличках, трянуть мощной, мерить на свой аршин, не фунт изюму, пир на весь мир, делать с кондачка, а ларчик просто открывался, вернуть с лихвой, идти чохом, ни то ни се, лезть на рожон, выводить вавилоны, тянуть канитель, не чаять души, точить балясы, лететь вверх тормашками, кондрашка хватил, какого рожна надо, подкузьмить и объегорить.

И только незначительная часть из них относится к книжному стилю речи: возвратиться к своим пенатам, бить в набат, лелеять, как зеницу ока, каяться в грехах тяжких, потупить очи, елико возможно, нести ахинею, бить челом и некоторые другие.

Вторую группу собственно-лексических архаизмов в составе фразеологических единиц составляют слова, корневой элемент которых сохранился в производных словах активного словаря русского языка. Эта группа архаизмов менее многочисленна и отличается меньшей степенью устарелости в силу указанной выше причины.

Сюда относятся в основном имена существительные: *аз* — старославянское название буквы *а*, сохранившееся в наше время в устойчивых выражениях типа: *не суйся ижица наперед аза* и *не знать ни аза*, т. е. ничего не знать, даже начала азбуки (Э. Варт. 144). Ср. современное *азбука*, *азбучный*.

Не знаешь ни аза, так и не суйся в разговор.

Ажур (фр. на свет) — то, что видно на свет, сквозное, тонкое. Слово входит как составной элемент фразеологизма *все в ажуре*, т. е. все искусно, тонко сделано, все в порядке. (Уш. I 17). Образованное от него имя прилагательное *ажурный* употребительно в современном русском языке.

Иди домой и не волнуйся: *все будет в ажуре*. Комар носа не подточит (М. Глушко).

Антик (фр. старинный) — старина, древность. Сохранилось в устойчивом сочетании *антик с гвоздикой*. Все сочетание служит для выражения восторга, восхищения со значением чудно, прелестно, замечательно (Уш. V 43). В качестве производного известно в словах активного запаса русского языка: *античность, античный, антиквар, антикварный, антиквариат*.

— Ну как? — Шедевр! *Антик с гвоздикой!* Так и тает во рту, — восклицал он, целуя кончики своих пальцев (А. Барский).

Благо в значении добро, счастье устарело, но употребляется в выражениях: *всех благ* как пожелание добра и в значении «до свидания» при прощании, и *ни за какие блага на свете (в мире)*, т. е. ни за что, ни в коем случае, *блага земные* (благополучие), *материальные блага*. Производными от него являются слова: *благодарить, благодарность, благодаря*, используемые в языке нашего времени.

Бес — нечистая сила, злой дух в религиозных представлениях. Сохранилось в устойчивом сочетании *рассыпаться мелким бесом* в значении льстить кому-н., занкивать перед кем- (Уш. I 125). Производные от него: *бесить(ся), бешеный*, употребляются в свободных сочетаниях современного русского языка.

Уж как он Танею прельщался и *мелким бесом рассыпался* (А. Пушкин).

Голь как собирательное существительное в значении оборванцы, бедняки, нищие устарело (Уш. I 593), но оно живет в поговорках *голь на выдумки хитра, голь перекатная*. Корень остался в современных словах: *голый, голо, голыш, голышом*.

Знамение как символ, знак теперь в свободных сочетаниях не используется, но оно известно во фразеологизме *знамение времени*. Данный фразеологизм обозначает общественное явление, типичное, характерное для той или иной эпохи, времени (Уш. I 1108).

Корневой элемент сохранился в словах активного словаря: *знаменитый, знаменитость, знаменовать*.

Квит (немец.) как расписка, квитанция, уплата долга в свободном употреблении устарело, оставшись только в выражениях *квит на квит* (т. е. в полный расчет) и *будем квиты* (в расчете) (Уш. I 1348). Производные от него слова: *квитанция, квитаться или расквитаться*.

Да что там говорить! Угости своими яблоками — вот и будем квиты (Л. Барский).

Колики (греч. кишечная боль) также является архаичным само по себе, но оно известно нам в устойчивом сочетании *смеяться до колик*, т. е. до боли, очень, до упаду. (Уш. I 1402).

Корневой элемент сохраняется в современной медицинской терминологии: *колит*, *энтероколит*.

Колесница — устарелое, богато разукрашенный экипаж для торжественных выездов (Уш. I 1401). Сохраняется в поговорке *последняя спица в колеснице*. (Так говорят о человеке с ничтожным значением в той или иной области), а также в выражении *пятая спица в колеснице* (ошибочно, вместо пятое колесо в телеге), что значит лишнее, ненужное. Корневые элементы имеются в словах современного русского языка: *колесо*, *колесный* и др.

Он сам лично в этой работе совсем *не пятая спица в колеснице*, а напротив того, прямой соучастник (С.-Щедрин).

Крат (старослав.) — устарелое «раз». Употребляется только в устойчивом сочетании *во сто крат*.

Производными от него являются современные слова: *многократный*, *неоднократно*.

Хуже для меня наш север *во сто крат* (Грибоедов).

В суровый час судьбы твоей ты стала нам *в сто крат* милей (А. Твардовский).

Крест — предмет христианского культа со значением стержня, пересеченного у верхнего конца перекладиной, тоже устарело. Сохраняется в ряде фразеологизмов: *красный крест*, *поставить на ком-чем-нибудь крест* (потерять надежду, считать бесповоротным конечным), *нести свой крест* (покориться судьбе), *креста на тебе нет* (о бессовестном человеке), *крестнакрест* (Уш. I 1510).

В активном словаре этот корневой элемент выступает в словах *крестовина*, *крестец*, *перекресток*, *крестом* (шить) *скрестить* (руки).

Безбожник! *Креста на тебе нет!* Цену-то заломил какою! (Н. Титов). Вплоть до конца *несет свой крест* и в силу самодисциплины, что преподносят, то и ест (А. Твардовский). А на тех деньгах можешь *крест поставить* — не отдаст он тебе (А. Рыбаков).

Кулачки сохранилось только в выражениях: *идти на кулачки*, *биться на кулачках* или *драться на кулачках*, т. е. кулаками. Корневой элемент известен в словах: *кулак*, *кулачок*, *кулачный*.

На масляной неделе на льду на Москва-реке вызывали любого *биться на кулачках* (А. Толстой).

Кур, устарелое петух, живет в поговорке *попал, как кур во щи*, что значит попасть в неожиданную беду (Уш. I 1551). Является корневым элементом современных слов: *курица*, *куриный*, *курытник*.

Ложе — устарелое постель, продолжает жить в устойчивых сочетаниях *прокрустово ложе* (см. ниже) и *царское ложе* (богатое). Является производным для слов современного русского языка: *положение*, *положить(ся)*, *ложбище*, *сложить*.

Мановение — знак, движение рукой, головой, выражающее приказание, желание (Уш. II 142), устарело в свободном употреблении, но сохранилось во фразеологизме *по мановению руки*. Тот же корневой элемент в современных словах: *приманывать*, *приманка*, *манок*, *заманить*.

Морфей — в греческой мифологии бог сна. Отсюда выражение *в объятьях морфея*. Тот же элемент в словах: *морфий* (наркотик), *морфинист*, *морфинизм*.

Прихожу — и что же? Он еще *в объятьях Морфея* (И. Гончаров).

Нега — ласка, довольство, блаженство — устарело, известно в выражении *жить в неге*. Является корневым элементом для современных слов: *нежный*, *нежность*, *нежиться*.

Жил в неге, а ездил в телеге. *Живет он в неге*, холе. Чего ему еще надо? (Н. Дементьев).

Око в значении «глаз» теперь не употребительно. Известно оно нам по поговоркам: *в мгновение ока* (очень быстро, ментально), *око за око*, *зуб за зуб* (одинаковая расплата, мщение), *беречь, как зеницу ока* (очень тщательно, заботливо), *недремлющее око* (всевидящий, от которого ничто не ускользнет). Является производящей основой для современного *очки*, медицинского термина *окулист* (врач по глазным болезням).

Пороховница — сумка для пороха у солдат и охотников. Теперь известно только по поговорке *есть еще порох в пороховницах* в значении есть сила, энергия для борьбы (Уш. III 608).

Буржуазия левеет, — скажем мы, — значит накапливается новый *порох в пороховницах* русской революции (В. Ленин).

Корневой элемент мы находим в современных словах: *порох, пороховой*.

Присест как существительное по действию от глагола в современном русском языке не употребляется в свободном сочетании. Сохранилось только в устойчивом сочетании *за один присест* или *в один присест*, что значит «за один раз, быстро, не вставая с места» (Уш. III 848). Корневой элемент наблюдается в слове *присесть*.

Мало учен — не могу *в один присест* написать деловую бумагу (П. Капица). Все было уничтожено *за один присест* (Н. Дементьев).

Перст (старослав. палец) в свободном сочетании не используется. Знакомо нам по выражениям *перст божий* и *один, как перст*. Является производным для современных *перчатки, наперсток*.

Один, как перст, потрепан, сед, он приближался к дому (А. Твардовский).

Сапа (итал. мотыга) — подкоп, окоп, выкапываемый при наступлении по открытой местности для приближения к укрепленной позиции противника, в свободном употреблении нет. Известно оно нам в выражении *тихой сапой*, что значит действовать потихоньку, медленно, исподтишка, крадучись (Уш. IV 50). Является производным в современных словах *сапер, саперный*.

Яков Лукич старался действовать *тихой сапой* (М. Шолохов).

Толика — количество — теперь неизвестно, но оно сохранилось в устойчивом сочетании *малая толика*, что значит немного, несколько, небольшое количество (Уш. IV 726). Живет в производном слове *только*.

У него никак и деток *малая толика* (Боборыкин).

В стилистическом отношении фразеологизмы, в состав которых входят вышеуказанные архаизмы, можно разделить на две неравные группы. Большинство из них следует отнести к разговорно-просторечному стилю речи: не знать ни аза, все в ажуре, антик с гвоздикой, ни за какие блага, рассыпаться мелким бесом, голь на выдумки хитра, последняя спица в колеснице, будем квиты, поставить крест, креста на тебе нет,

идти на кулачки, попал, как кур во щи, за один присест, малая толика, око за око, в мгновение ока и др.

И только некоторые из них являются принадлежностью книжного стиля речи: знамение времени, во сто крат, прокрустово ложе, в объятых Морфея, жить в неге, всевидящее око и некот. др.

2. Лексико-словообразовательные архаизмы.

Среди лексических архаизмов, сохранившихся внутри устойчивых выражений, выделяется небольшая группа лексико-словообразовательных архаизмов, которым в активном словаре современного русского языка соответствуют однокорневые слова с той же производной основой, отличающиеся лишь словообразовательными элементами — суффиксами или префиксами.

а) Лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от слов активного запаса суффиксами.

Небеса (вм. *небо*) в выражении *превозносить до небес*, т. е. расхваливать сверх меры.

Словеса (вм. *слово*) в *плести словеса*, что значит создавать что-то сложное, запутанное.

Телеса (вм. *тело*) в сочетании *быть в телесах*, т. е. полным, грузным, толстым, жирным.

Все три архаизма обладают суффиксом *-ес*, отсутствующим в соответствующих основах имен существительных современного русского языка.

Порося (вм. *поросенок*) в поговорке *не было у бабы хлопот — так купила порося*.

Теля (вм. *теленок*) в пословицах *теля умерло — хлеба прибыло*, *ласковое теля двух маток сосет*.

Оба слова в активном словаре русского языка обладают суффиксом *-енок*, который отсутствует в соответствующих устарелых формах.

Венец (вм. *венок*) в выражениях *венец терновый* в значении символа страдания, мученичества, *конец всему делу венец* со значением завершения чего-нибудь, где суффиксу *-ец* соответствует в современном языке суффикс *-ок*.

Царствие (вм. *царство*) в устойчивом выражении *царствие небесное* (при упоминании об умершем человеке), отличающееся наличием суффикса *-иј-*, которого нет в соотносительной основе современного русского языка.

Коленце (вм. *колени*) во фразеологизме *выкинуть коленце*, т. е. сделать что-нибудь неожиданное. Отсутствие суффикса *-ц-* в современном употреблении слова.

Пята (вм. *пятка*) в устойчивых сочетаниях *быть (находиться) под пятой*, т. е. под гнетом, под чьей-нибудь властью, *ходить по пятам* (следовать неотступно), *ахиллесова пята* (уязвимое место), *с головы до пят* (во всем, со всех сторон). Наличие суффикса *-к-* характерно в современном употреблении слова.

б) Лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от слов активного словаря префиксами.

Это глаголы или отглагольные имена существительные:

Возыметь (вм. *иметь*) в сочетании *возыметь действие*. Наличие префикса *воз-* в устаревшей форме.

Поминать (поминай) вм. *вспоминать* во фразеологизмах *не поминать лихом, поминай как звали* в значении чего-нибудь пропавшего. Наличие префикса *вс-* в слове активного словаря, который отсутствует в архаичной форме.

Возлагать (вм. *перелагать, налагать*) — *возлагать ответственность, надежды*. Наличие префикса *пере-* или *на-* в современном слове вместо устаревшего *воз-*.

Правление (вм. *управление*) — в *бразды правления*. Отсутствие префикса *у-* в устаревшем слове.

Большее количество указанных выше фразеологизмов с лексико-словообразовательными архаизмами употребляется в разговорном стиле речи. Исключение составляют: *превозносить до небес*, *плести словеса*, *терновый венец*, *возыметь действие*, *бразды правления* и *возлагать ответственность*, которые характерны для книжного стиля речи.

3. Лексико-фонетические архаизмы.

Фразеологизмы сохраняют также в своей структуре некоторое количество лексико-фонетических архаизмов, т. е. слов, которые в современном русском языке заменены однокоренными, но с незначительным изменением их звукового состава.

Лексико-фонетическими архаизмами могут быть и имена и глаголы: *млад* (ср. современное *молод*) — *и стар и млад*, *златой (золотой)* — *златой телец*, *краткий (короткий)* — в *кратких словах*, *врата (ворота)* — *царские врата*, *глас (голос)* — *глас народа*, *глас божий*, *глас вопиющего в пустыне*, *глава (голова)* — *посыпать главу пеплом* (т. е. скорбеть в пе-

чали), *здравие (здоровье)* — *здравия желаю, языцех (языках)* — *притча во языцех* (т. е. злоба дня), *облацех (облаках)* — *темна вода во облацех* (о чем-н. сомнительном), *польмя (плямя)* — *из огня да в польмя, ночь (ночь)* — *яко тать в нощи* (как разбойник ночью), *юдоль (долина)* — *земная юдоль* (т. е. жизненный путь, жизнь с ее заботами и печальями), *влагить (волочить)* — *влагить жалкое существование, несть (нет)* — *несть числа* (в значении много). В стилистическом отношении данные фразеологизмы являются в основном принадлежностью книжного стиля речи.

Я рано встретил тернии в *юдолу сей земной* (Некрасов). И еще были события — и *несть им числа* (М. Горький). Рано обрадовался: еще твоя диссертация *темна вода во облацех* (Н. Дементьев) и др.

Исключение составляют выражения: и стар и млад, из огня да в польмя, идти прахом и разбить в пух и прах, которые относятся к разговорному стилю.

Едва успел из одной беды выскочить, как снова попал *из огня да в польмя* (М. Глушко). *Ликует стар и млад* (А. Пушкин). Но когда я вернулся домой, все спокойствие мое *пошло прахом* (И. Бражнин). Э! Не говори ничего: я *разбит в пух и прах* (там же).

II. ИСТОРИЗМЫ

Лексическим архаизмам обычно противопоставляют историзмы — слова, также относящиеся к пассивному словарному фонду, но в противоположность лексическим архаизмам не имеющие в активе соответствующих синонимов и служащие единственным выражением каких-либо понятий, явлений, исчезнувших из действительности. Это в основном имена существительные.

Историзмами являются названия бывших ранее в употреблении последних букв русской азбуки — *ижица (ѳ), ферт (ф), ять (ѣ)*, сохранившихся теперь только в устойчивых единицах речи: *прописать ижицу* в значении выпороть, сделать внушение, нравоучение (Уш. I 1137); *ходить фертом, стоять фертом*, т. е. подбоченясь, самодовольно, держаться с ухарством, нагло, развязно, что восходит к внешнему сходству с буквой ф; *дела на ять* значит «очень хороши, идут, как следует». Значение фразеологизма связано с изучением правил на правописание ѣ: ошибки на это правило считались самыми грубыми. *Знать на ять* — значит очень хорошо, блестяще (Э. Варт. 138).

Ого! Пускай-ка их флот сунется к нашим фортам, — ему пропишут *ижницу* (С.-Ценский). Руки в боки, взгляд с задором, *смотрим фертом*, — смотрим да только поплеываем (Достоевский).

К историзмам относятся и названия ранее употреблявшейся одежды: *кафтан* (вид верхней мужской одежды на Руси), *тога* (верхняя мужская одежда у древних римлян), *риза* (верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения). Эти слова теперь живут лишь в устойчивых выражениях: *тришкин кафтан*, что значит нечто несуразное, сделанное кое-как, непригодное, испорченное, *рядиться в тогу*, т. е. выдавать себя за кого-нибудь без всякого основания (Уш. IV 722), *напиться до положения риз* (опьянеть до бесчувствия, буквально до того, что снять одежды (Уш. III 1359).

Напоить Титыча до положения риз (М.-Печерский). *Поссоримся раз хорошенько — до положения риз*, до истребления (И. Тургенев). Твои убеждения что *тришкин кафтан* (Г. Брянцев).

Лобное место — в значении возвышения, с которого в старину объявлялись царские приказы и говорились речи к народу, а также место, на котором совершались казни (Уш. II 80).

Бывшие наименования самой мелкой монеты — *грош*, *лепта* (др. греч.) сохранились только во фразеологизмах: *грош ему цена, толку ни на грош, ломаного гроша не стоит* (никуда не годный, ничего не стоящий, плохой), *не было ни гроша, да вдруг алтын* (три копейки), *ни в грош не ставить* (не уважать несколько, не считаться с чем-н.), *учиться на медные гроши* (получить недостаточное образование по бедности) (Уш. I 628, II 171); *внести свою лепту*, т. е. посильный вклад, оказать посильную помощь, что связано с евангельским рассказом о лепте вдовицы, пожертвовавшей две лепты — все, что она имела (Аш. 326, Уш. II 47).⁷

Надо ключик к нему подобрать: иначе *грош цена* нам (Ф. Гулинов). *Грош цена* таким отношениям, которые вдруг лопаются, как мыльный пузырь (О. Баркова). Если я не раскручу дело Северцева, то *грош мне цена* (И. Лазутин). Собственная жена *не ставит его ни в грош* (В. Горелик). В годы Отечественной войны каж-

⁷ Н. Ашукин и М. Ашукина. Крылатые слова. М. 1960. В дальнейшем ссылки будут даваться по этому изданию.

дый старался *внести свою лепту* в дело победы над врагом (Из газеты).

Мыто — особый вид пошлины на Руси, взимаемой за провоз товаров и прогон скота через внутренние заставы (Уш. II 289) — в выражении *брать, взимать мыто*.

Поток — древнерусская мера наказания, лишавшая прав и имущества, — сохранившееся в устойчивом сочетании *отдать на поток и разграбление*, что значит в полную власть, дающую право беззастенчиво грабить (Уш. III 655).

Турусы — название двигавшейся на колесах древнерусской осадной башни, о которой рассказывались невероятные вещи. Осталось только во фразеологизмах: *турусы на колесах* в значении нелепой болтовни, вранья, *подъезжать с турусами*, т. е. склонить к чему-нибудь вздорными обещаниями, разговорами, *разводить турусы* или *подпустить турусы* (болтать) (Уш. IV 832).

Уволь, не могу поверить — это же чистейшей воды *турусы на колесах* (Г. Кунгуров). Наговорил мне чертову тьму, *турусы на колесах* такие подпустил, что ай-люли ты, моя радость (И. Тургенев).

Сокол — окованное железом бревно или чугунный брус, которым в русских войсках далекого прошлого долбили стены осажденных городов (Э. Варт. 61). Тяжелый и большой железный лом, раскачиваемый на цепях и употреблявшийся как стенобитное орудие, а также в горных работах (Уш. IV 364). Сохранилось только в поговорке *гол, как сокол*, что значит беден, ничего не имеющий человек, по сходству с голым бревном.

Калиф (араб.) — титул верховного главы мусульман, совмещавшего светскую и духовную власть в государствах арабов до 13 века (Уш. IV 1131) — известно в выражении *калиф на час*, употребляемое тогда, когда говорят о человеке, наделенном или завладевшем властью на короткое время.

Кабала (араб.) — в древнерусском праве так назывался акт, договор, расписка, устанавливавшая зависимость одного лица по отношению к другому. В Московской Руси — пожизненное рабство, основанное на особом договоре. Сохранилось в устойчивых сочетаниях *отдать в кабалу, попасть в кабалу* в значении духовного рабства, зависимости (Уш. I 1272).

Осенью пришлось с голоду, за недомку *отдать* его боярину в вечную *кабалу* (А. Толстой). Теперь, например, мы все к естественным наукам *в кабалу записались* (И. Тургенев).

Историзмами являются и некоторые собственные имена, а также образованные от них имена прилагательные: *Аннибал (Ганнибал), Мамай, Рубикон, Пирр*. Эти имена являются отголосками истории и сохраняются в наше время только во фразеологизмах типа: *клятва аннибала*, или *аннибаловская клятва*, что означает решимость бороться до конца с кем-либо или чем-либо. Выражение связано с именем карфагенского полководца Аннибала, поклявшегося всю жизнь быть непримиримым врагом Рима и сдержавшего клятву (Аш. 24).

Я поклялся никогда не примириться с крепостным правом. Это была моя *аннибаловская клятва* (И. Тургенев).

Словно Мамай воевал, Мамаево побоище, Мамаево нашествие — фразеологизмы, обозначающие разгром или появление шумных и непрощенных гостей, что связано с битвой татарского хана Мамаю на Куликовом поле в 1380 г., закончившейся разгромом татарских полчищ (Э. Варт. 124).

Победа Пирра, или *Пиррова победа*, — успех, купленный дорогой ценой. От имени греческого царя Пирра, ведшего длительную и жестокую войну с Римом. Победа далась Пирру ценой огромнейших жертв (Э. Варт. 166).

Перейти Рубикон, т. е. совершить решительный поступок, сделать бесповоротный шаг, что восходит к названию реки, которую Ю. Цезарь перешел вопреки запрещению сената, начав междуусобную войну, приведшую к установлению в древнем Риме империи (Уш. III 1333).

Переплыть реку в самом широком месте для меня означало почти то же, что для Цезаря *перейти Рубикон* (Г. Кунгуров).

Фразеологизмы, в составе которых имеются историзмы, большей частью используются в книжном стиле: попасть в кабалу, отдать на поток и разграбление, взимать мыто, внести свою лепту, рядиться в тогу, калиф на час, напиток до положения риз, словно Мамай воевал, аннибалова клятва, пиррова победа, перейти рубикон и др.

К разговорно-просторечному стилю относятся некоторые из них: не ставить ни в грош, ломаного гроша не стоит, подпускать тусусы, тришкин кафтан, прописать ижицу, стоять фертом, дела на ять.

В особую группу мы выделяем архаизмы внутри фразеологических единиц, представляющие собой преимущественно имена прилагательные, образованные от собственных имен,

связанных с античной мифологией и библейскими сказаниями, а также сами имена собственные, не оставившие следов в производных словах нашего времени. Историзмами в собственном смысле этого слова их назвать нельзя, но они сближаются до некоторой степени с данной категорией в том отношении, что не имеют в современном русском языке соответствующих синонимов.

Этот разряд архаизмов также довольно многочислен:

Авгиевы конюшни — очень грязное помещение. Значение это связано с именем мифического царя Авгия, чьи конюшни не убирались в течение многих лет и были очищены за один день Гераклом (Геркулесом), который провел реку через конюшню (Аш. 16).

Но он не был Геркулес, чтобы очистить эти *авгиевы конюшни* (А. Гончаров).

Аредовы веки (означает долголетие) от имени библейского патриарха Иареда, прожившего около тысячи лет (Аш. 26).

Жил-был пескарь. И отец и мать его у него были умные, помаленьку да потихоньку *аредовы веки* в речке прожили (С.-Щедрин).

Ахиллесова пята, т. е. уязвимое место. От имени героя греческой мифологии Ахиллеса, уязвимым местом которого была пятка, т. к. мать, окуная его в священную реку для неуязвимости держала за пятку, и вода не коснулась ее. Он был смертельно ранен стрелой в пятку. (Аш. 34).

Это, как говорится, моя *ахиллесова пята* (Н. Фогель).

Вавилонское столпотворение в значении суматохи, беспорядка, неразберихи идет из библейского мифа о попытке построить в Вавилоне башню до неба. Бог смешал язык строящих, они, перестав понимать друг друга, не могли продолжать работу (Аш. 78).

Геркулесовы столбы (столпы) — предел, крайняя точка — от имени легендарного греческого героя Геркулеса, совершившего ряд подвигов и поставившего у Гибралтара (противоположные берега Европы и Африки) Геркулесовы столбы, означавшие край мира, дальше которого нет пути (Аш. 136).

То число, в котором он (Обломов) выслушал последнюю лекцию, и было *геркулесовыми столпами* его учености (А. Гончаров).

Гордиев узел — разрешение сложного запутанного дела

прямолинейным способом. Значение это связано с именем легендарного царя Гордия, завязавшего путаным узлом дышло колесницы, чтобы нельзя было его развязать, ибо это означало конец власти. Александр Македонский рассек узел мечом (Аш. 150).

Подумать только, как просто были разрублены удавные петли и *гордиевы узлы клеветы* (А. Чаковский).

Дамоклов меч — постоянно грозящая опасность — восходит к имени приближенного тирана Дионисия Дамокла, завидовавшего царской власти и потому посаженного на царский трон. А над его головой был повешен на конском волоске острый меч — эмблема опасности, постоянно подстерегавшая его (Аш. 167).

В казенном заведении над головой каждого висел *дамоклов меч* строгости, взыскательности самой придирчивой... (Григорович).

Драконовы законы — суровые законы. Дракон — легендарный греческий законодатель (Уш. I 953).

Иерихонская труба — очень громкий голос — происходит от названия города Иерихона, стены которого, по библейскому сказанию, евреи разрушили трубными звуками (Уш. I 1136).

Прокрустово ложе — мерка, под которую насильственно все подгоняется. От имени мифического разбойника Прокруста, который всех попадавших к нему примерял к своей постели. Одних вытягивал, других укорачивал (Аш. 504).

Литература сороковых годов не знала никаких свобод, ежечасно изнемогала на *прокрустовом ложе* всевозможных укорачиваний (С. Щедрин).

Сизифов труд — бесконечная и бесплодная работа. От имени мифического царя Сизифа, который за оскорбление богов должен был вкатывать на гору огромный камень. Достигнув вершины, камень опять скатывался вниз. Его вновь надо было поднимать. (Уш. 533).

Да это же, батенька ты мой, *сизифов труд* (Н. Фогель).

Танталовы муки — нестерпимые муки, вызываемые созерцанием близости желанной цели и сознанием бессилия, невозможности достичь ее. Связано с именем мифологического греческого героя, осужденного вечно томиться голодом и жаждой, несмотря на близость воды и древесных плодов, которые при приближении к ним ускользают (Уш. II 277).

Сейчас уже редко кто упоминает *Гога и Магога* для выражения какого-то ужаса, о котором ничего нельзя сказать определенного. Имена эти сохранились только в данном фразеологизме и восходят к библейскому сказанию о легендарном свирепом царе Гоге и его народе Магоге. (Аш. 145).

Он да еще вице-губернатор — это *Гога и Магога* (Н. Гоголь).

Непонятны и слова *Содом и Гоморра*, изредка используемые писателями в значении хаоса, полнейшего беспорядка. Этот арханческий фразеологизм восходит к библейскому сказанию о двух городах в Иудее Содоме и Гоморре, навлекших на себя божеский гнев своими пороками и истребленных вместе со всеми жителями огненным и каменным дождем (Э. Варт. 202).

Простите... Не могу пригласить к себе: у нас *Содом и Гоморра* — завтра переезжаем в город (Н. Гротов).

Ни о чем не говорят нам теперь и собственные имена *Сцилла и Харибда*, сохранившиеся только в выражении *между Сциллой и Харибдой* в значении безвыходного положения, когда гибель грозит с обеих сторон. В греческой мифологии так назывались два чудовища, сторожившие узкий Мессинский пролив, спастись от которых считалось почти невозможным. Э. Вартаньян полагает, что этими именами греки обозначали какие-то рифы, нам неизвестные, но опасные для утлых суденышек (Э. Варт. 206).

Устарело и выражение *узы Гименея* в значении бракосочетания, что связывают с мифическим богом бракосочетания Гименеем, соединявшим супружескую пару путами, цепями, узами (Э. Варт. 215).

Забыто и слово *Пегас*, оставшееся только в выражении *оседлать Пегаса* в значении начать писать стихи. *Пегас* в древнегреческой мифологии — крылатый конь, под ударом копыта которого забил источник, вдохновлявший поэтов (Уш. III 76).

В стилистическом отношении все они принадлежат к книжному стилю речи.

III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ.

В состав фразеологических единиц входят не только слова-архаизмы (лексические архаизмы), но и слова, сами по себе не являющиеся архаизмами, но некоторые из их возможных значений уже не употребляются в современном рус-

ском языке. Поэтому можно говорить об архаичных значениях у некоторых неархаичных слов. Такие значения-архаизмы принято называть семантическими архаизмами.

Если лексические архаизмы довольно четко выделяются в языковой ткани, то этого нельзя сказать о семантических архаизмах. Устаревшее слово на фоне обычных слов, используемых в активном словаре, сразу бросается в глаза. Это особенно ярко проявляется в структуре фразеологических единиц, сохраняющих устарелые слова, т. к. данные архаизмы в свободном употреблении не встречаются.

Архаичные же значения слов, часто способствующие архаизации смыслового значения всего фразеологизма, проявляются менее отчетливо по той причине, что любой из компонентов такого фразеологизма функционирует в свободном сочетании, хотя и с несколько иной семантикой.

Если среди лексических архаизмов внутри фразеологических единиц первое место занимают имена существительные, то семантическими архаизмами являются как имена существительные, так и прилагательные, и значительно реже другие части речи.

Рассмотрим фразеологизмы, где устарело значение одного из составных компонентов.

Тянуть волюнку — надоедливо, медлительно что-либо делать. Значение это связано с названием народного духового инструмента волюнки, издающего тягучие, монотонные звуки. В царское время «волюнкой» назывался особый вид забастовки, когда работа не прекращалась, но велась еле-еле (ср. современная итальянская забастовка), а также общий протест заключенных против незаконных действий тюремщиков (Э. Варт. 44). В наше время оба указанные выше значения слова *волюнка* во фразеологизме *тянуть волюнку* забыты.

— Тащиться к вам — радости мало, — буркнул он.

Так что не *тяните волюнку*. Говорите сразу, в чем дело (А. Адамов).

Не на живот, а на смерть, не щадя живота своего, живота не пожалеть, т. е. пожертвовать своим достоинством или жизнью. *Живот* в значении жизнь, или *животы* как домашний скот, движимое имущество, теперь не употребительно (Уш. I 866.).

Стоять, как истукан — значит неподвижно, ничего не понимая (о глупом человеке). *Истукан* в значении «статуя, идол» сейчас устарело.

Стоял, как истукан, одни кисти рук да пальцы ле-

тали — даже не видно (А. Толстой). Я стоял, как истукан и из всего сказанного уловил только, что этот визит вызван служебной необходимостью (Г. Брянцев).

Пожарная каланча говорят о человеке высокого роста, что идет от названия сторожевой вышки пожарной части для наблюдений за возникновением пожаров. Но *каланча* как дозорная башня в крепости (от арабского *каланча* — крепость) для наблюдений за передвижением врага — это значение в современном русском языке нам неизвестно. (Уш. I 1290).

Ну и наделила его природа. Не человек, а *пожарная каланча* (С. Воронин).

Китайские церемонии — это излишняя, жеманная вежливость, ненужные условности. В дореволюционном Китае при императорском дворце были исключительно сложные и многочисленные правила поведения. Появилась целая наука о придворных церемониях (Э. Варт. 107). Теперь слово церемония (лат.) у нас не связывается со значением необходимости совершать какой-то этикет.

Ни кола ни двора применимо к человеку, который ничего не имеет из недвижимого имущества. Раньше *не иметь кола* обозначало не иметь пашни, *не иметь двора* — жить у других. *Кол* в значении полоски пахотной земли шириною в две сажени сейчас устарело (С. Максимов 232).

И я думал о том, что мне уже 27-ой год, а у меня *ни кола ни двора* (В. Аксенов). У других мужья здоровые, а *ни кола ни двора*, а я хоть и калека, а Аннушка за мной как за каменной стеной (М. Глушко).

Не лыком шит говорят о человеке, не лишенном способностей знаний, умения. (Уш. II 100). В старой Руси обувь из *лыка* (липовой коры) была признаком бедности, крестьянского происхождения. И выражение *не лыком шит* означало «он не из простых людей, лаптей не носит» (Э. Варт. -20).

Известно, мы не хозяева, *лыком шитая мелкота* (А. Островский). Так что мы тоже *не лыком шиты* (А. Чаковский).

Не всякое лыко в строку — значит, что нельзя каждую мелочь ставить в вину, в упрек (буквально: не всякое лыко годится для плетения лаптей). *Строка* — как полоска лыка в лапте в современном русском языке уже забыто (Уш. II 100).

Не от мира сего имеет в современном русском языке значение не приспособленного к реальной жизни человека, меч-

тателя. Устарело значение слова *мир*. «не здешняя, не земная действительность» (Уш. II 224).

Но и *великие мира сего* (как антоним к устаревшему значению — Н. Д.) не гнушаются провести короткое время под кровом хижины (И. Тургенев).

Светоч мира в настоящее время мы понимаем как источник истины, просвещения, свободы. *Светоч* как большая свеча, факел уже не употребительно. (Уш. IV 87).

Стала Россия *светочем мира*, надеждой всей земли.

Суета сует и *всяческая суета* имеет теперь значение бестолковой беготни, торопливости. Первоначально слово *суета* означало все земное, в отличие от небесного, божественного. В этом значении оно устарело.

Кирилл спешит — боится опоздать и трясется от нетерпенья. Я только увеличиваю шаг. Эх, *суета сует!* (Г. Садовников).

Выйти в тузы — значит стать важным, влиятельным человеком (чиновным или богатым). В наше время значение слова *туз* в указанном фразеологизме архаизировалось, сохранив свое первоначальное значение одной из старших мастей в игральных картах (Уш. IV 824).

Он теперь *в тузы вышел* и пишет мне, что желает породственному повидаться с нами (И. Тургенев).

Шиворот-навыворот сегодня обозначает «наоборот, наизнанку». Ср.: говорить наоборот, поступать наоборот, одеть что-н. наизнанку. В Московской Руси *шиворотом* назывался расшитый воротник боярской одежды — один из знаков достоинства вельможи. Во время Ивана Грозного опального боярина сажали нередко на тощую клячу спиной вперед, надев одежду наизнанку, шиворот-навыворот, и возили по всему городу под свист и улюлюканье уличной толпы (Э. Варт. 229). В наше время это слово не связано со значением позорного наказания.

Экий ты! Все у тебя *шиворот-навыворот* (Г. Садовников).

Со щитом или на щите означает вернуться победителем или побежденным. Значение это связано с теми временами, когда греческие войны, отправлялись на войну со щитом (оружием для защиты от ударов), с ним должны были вернуться с победой. Мертвых и раненых приносили на щите. В

значении старинного ручного вооружения слово *щит* теперь не используется (Уш. IV 1388).

Явлюсь послезавтра *со щитом или на щите* (И. Тургенев).

На сон грядущий теперь значит сделать что-нибудь перед сном. Например: убрать волосы, почитать, умыться и т. д. Раньше означало совершить молитву отходящих ко сну (Уш. I 633).

Нет живого места, т. е. нет неповрежденного места. Раньше *живое место* трактовалось как занятое место, должность, исполняемая еще каким-нибудь лицом. (Уш. I 865). В этом значении оно сейчас устарело.

Слово *красный* утратило в современном русском языке ряд значений, в которых оно использовалось раньше в устойчивых сочетаниях. Сравните: *красное словцо* (остроумное), *красный угол* (почетное место), *красная цена* (хорошая, самая высокая), *красный звон* (разновидность звона), *красный товар* (мануфактура, панский товар), *красные ряды* (торговые ряды, где продавалась мануфактура), *красная строка* (первая строка абзаца, заголовочная), *красный зверь* (наиболее ценный охотниками), *красный день* (ясный, ветреный), *красное крыльцо* (где были церемониальные выходы), *красный двор* (парадный), *красная девица* (красивая), *красное время* (хорошее), *пустить красного петуха* (поджечь) (Уш. I 1502).

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в *красном углу* (А. Толстой). Суконной сотни купцы везли *красный товар* (А. Толстой). Туда, в хоромы, вело *крыльцо*. *Красное крыльцо* резного дерева (А. Толстой). — Вынесите детей на *красное крыльцо*, — повторил патриарх (А. Толстой). А *девицу красну* в тоску не вгоняй (М.-Печерский). Помилуйте! Теперь наступает самое *красное время*. Что вы будете делать в Москве! (И. Тургенев). По восьми гривен за душу — это самая *красная цена* (Н. Гоголь).

Медовые речи — льстивые, сладкие, как мед, многообещающие — в наше время тоже устарело. (Уш. II 171).

Слово *постный* в устойчивых выражениях *постное лицо*, *постные речи* раньше имело значение «ханжеский». Теперь оно означает только скучный, невеселый, хмурый (Уш. III 641).

Летчик с *постным лицом* схимника — неприятное зрелище (П. Капица). Мы делали *постные лица* и тоже пытались презирать мальчишек (И. Бражнин).

Устарелым является и значение слова *писаный* во фразеологизмах *писаная красавица* (очень красивая, настоящая) и *писаная торба* (расписная, разукрашенная). Сравните: носиться, как дурень с писаной торбой, т. е. возиться с кем-чем-н., говорить об одном и том же, что не стоит серьезного внимания (Уш. IV 747).

Так она мне понравилась сразу, — не то чтобы какая-нибудь *писаная красавица* — приятна, голос звонкий (А. Толстой). Князь Василий Васильевич Голицын — *писаный красавец* (А. Толстой). Только не носитесь со своим мнением как с *писаной торбой* (Г. Брянцев).

Архаизировалось и значение слова *обжорный* в устойчивых сочетаниях *обжорный ряд*, *обжорная лавка* как места на рынке, где торговали готовой пищей (Уш. II 638).

... Прошлись по *обжорному ряду* (А. Толстой).

Прилагательное «обжорный» не употребляется в современном русском языке. В просторечии сохранилось имя существительное *обжора* и производный от него глагол *обжираться*.

Устарело и значение глагола *шаркать* во фразеологическом сочетании *шаркать ногами*, что раньше значило ударять каблуками ногу об ногу в знак вежливости при приветствии, преимущественно у военных (Уш. IV 1319). Теперь *шаркать ногами* значит только возить ими по полу, производить шорох, трение.

... Медоточил, рассыпался бисером, *шаркал ногами* (А. Чехов).

В наше время слово *столп* (*столб*) в значении башня, вышка, колонна не употребляется. Во фразеологизмах *столпы общества*, *столпы науки* оно имеет значение выдающихся людей, являющихся надежной опорой чего-нибудь (Уш. IV 531). Ср. у А. Пушкина:

Вознесся выше он (наместник) главою непокорной
Александрійского *столпа*.

Наряду с архаизацией значения одного из компонентов устойчивого выражения мы наблюдаем в современном русском языке архаизацию значения всего фразеологизма в целом, хотя ни один из компонентов сам по себе не является устарелым. Так, *перебиваться с хлеба на квас* раньше означало «жить бедно, в нужде». Неимущие люди, преимущественно крестьяне, часто питались тюрею, приготовляемой из хлеба и лука на квасе.

Дворовых холопей у Волкова было всего 15 душ, да и те *перебивались с хлеба на квас* (А. Толстой).

Или выражение *кислые щи* теперь значит суп, сваренный из кислой капусты. Устарелым является значение напитка, рода шипучего кваса («квас» значило «кислый»). (Уш. IV 1387). Сравните:

Вечно закипает и шипит, ни дать ни взять, бутылка дрянных *кислых щей* (И. Тургенев). Из бани выходили люди с венниками под мышками и покупали квас, который почему-то назывался *кислыми щами* (И. Бражнин).

Бывшие люди после Октября приобрело значение «лишенные своего звания или прав» (Уш. II 212). До Октября так именовали деклассированный элемент, люмпен-пролетариев (Аш. 66).

Мать ее, старушка, была *из бывших людей* и держала себя высокомерно, все время поджимала губы, — и я чувствовал себя неловко (Тевекелян).

Устарело и значение всего фразеологизма в целом *волчий билет, паспорт*. До революции так называлось свидетельство, паспорт с отметкой о неблагонадежности, закрывавший доступ на государственную службу, в учебные заведения и т. п. (Уш. I 353).

Не употребительно в наше время устойчивое сочетание *канцелярская крыса*, которое раньше означало мелкого приниженного службой чиновника (Уш. I 1535). Это выражение связывалось с древним орудием письма — гусиным пером, скрип которого напоминал звуки скребущейся крысы.

То же самое можно сказать и о сочетании *чернильная душа*, также относившемся раньше к канцелярским чиновникам, приказным писцам, возившихся целыми днями с перьями (Уш. IV 1258).

Устарело и значение устойчивого выражения *кисейная барышня* как жеманной, с ограниченным кругозором девушки, получившей патриархальное воспитание (Уш. I 1359).

Мне сначала было не по себе, потом я подумал: «Что я, *кисейная барышня*, что ли? И успокоился. (Г. Брянцев).

Лишними людьми в русской литературе 19 века именовались типы дворян, не умевшие найти применения своим силам в общественной жизни. В царской России при исключительной нищете и бедности трудового люда неработающий член семьи считался *лишним ртом*. В наше время значение обоих фразеологизмов устарело. Сравните:

Я была все-таки *лишним ртом* в теткиной семье (И. Бражнин).

Столбовая дорога в наше время понимается как главный, центральный путь. Первоначальное его значение как почтового тракта, большой проезжей дороги с верстовыми столбами уже устарело (Уш. IV 528).

В науке нет широкой *столбовой дороги*, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не зная усталости, будет карабкаться по ее каменным тропам (К. Маркс).

Фразеологизм *синий чулок* означает сухую, лишённую женственности, педантку, всецело поглощённую книжными, учеными интересами (Уш. IV 186). Возникло это выражение в Англии в 80 гг. XVIII в. и не имело того пренебрежительного значения, которое получило позже. Первоначально оно относилось не к женщине, а к мужчине. Значение его в целом сейчас устарело, так как в нашем обществе подобных «синих чулков» нет. Архаизировалось также и его первоначальное значение как кружка лиц обоего пола, собиравшихся у леди Монтегю для бесед на литературные и научные темы. Душою бесед был учёный Стеллингфлит, который, пренебрегая модой, при темном платье носил синие чулки. Когда его не было, все говорили, что без синего чулка беседа не идет. (Н. Аш. 554).

Эти *синие чулки* бывают обыкновенно страшные уроды, а это, представьте себе, красавица (Писемский). В ее поведении не наблюдалось ни чопорности *синего чулка*, ни жеманства застенчивых девиц (П. Капица).

Китайская стена означает непроходимую преграду, стремление жить без общения, отгородиться от внешних влияний. Связано это значение с существовавшей в Китайской империи огромной каменной стеной, служившей защитой от монгольских набегов. Эта китайская стена как защитное средство давно утратила свое военное значение (Э. Варт. 107).

Фразеологические единицы с семантическими архаизмами в основном используются в разговорном стиле речи. И только некоторые из них принадлежат к книжному стилю речи: *синий чулок*, *столпы науки*, *китайская стена*, *китайские церемонии*, *светоч мира*, со щитом или на щите, *суета сует*.

* * *

Не все слова-архаизмы уходят из языка. Слово, устарев само по себе, может сохраниться в устойчивых фразеологических единицах, пословично-поговорочном материале в результате лексической и синтаксической нерасчлененности их.

Большая часть устойчивых выражений, включающих в свой состав архаизмы, относится к активному словарю и имеет широкое распространение как в устной, так и письменной речи современного русского языка.

Степень архаичности устаревших слов внутри фразеологических единиц зависит от наличия или отсутствия семантических и словообразовательных связей их с активным словарем в современном русском языке.

Среди лексических архаизмов внутри фразеологических сочетаний преобладающими являются собственно-лексические архаизмы-имена существительные, большинство из которых само по себе вышло из употребления в современном русском языке и не встречается в производных словах активного словарного запаса. Лексико-словообразовательные и лексико-фонетические архаизмы составляют незначительный процент в составе фразеологизмов.

В состав фразеологических выражений входят и историзмы. Это как правило имена существительные, обозначавшие явления и предметы действительности, которые исчезли из современного употребления.

Довольно многочисленный пласт среди устойчивых сочетаний составляют семантические архаизмы, которые проявляются менее отчетливо в силу того, что каждый из компонентов такого фразеологизма используется и в свободном сочетании, чего мы не можем сказать о лексических архаизмах. Причем устаревать может как значение одного из компонентов фразеологизма, так и весь фразеологизм в целом.

Со стилистической точки зрения фразеологизмы, включающие в свой состав архаизмы, неоднородны: большая часть лексических (собственно-лексических и лексико-словообразовательных) и семантических архаизмов относится к разговорному стилю речи, и только незначительное количество их (преимущественно лексико-фонетические), а также историзмы являются принадлежностью книжного стиля речи.

Г. И. РУМЯНЦЕВА

О ЗНАЧЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИСТАВКОЙ ПО-

Во всех учебниках по современному русскому языку для высших учебных заведений упоминается о возможности образования формы сравнительной степени с приставкой *по-* и даются иллюстрации употребления этой формы.

Однако часто делается это не совсем удачно. Обратимся, например, к учебнику «Современный русский язык» Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой, Н. М. Шанского.¹

Читаем: «Все простые формы сравнительной степени с суффиксами *-ее*, *-е* и *-ше* могут осложняться приставкой *по-*. В соединении с этой приставкой они образуют особую «смягченную» сравнительную степень преобладания качества по сравнению с той, которая обозначается обычной, беспрефиксальной; ср. Лишь была б она (пища) с наваром, да была бы с пылу, с жару — *подобрей, погорячей* (Твард.).²

С чем предлагают авторы сравнить формы *подобрей, погорячей*? Видимо, с формами, не осложненными приставкой *по-* (т. е. *добрей, горячей*), так как усматривают в значении прилагательных *подобрей, погорячей* значение сравнительной степени, ослабленное по сравнению с беспрефиксальными формами.

Так ли это на самом деле? Обратимся к тому, что говорится в этом учебнике о значении сравнительной степени:

¹ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. Учебник для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. Учпедгиз. М. 1957 г.

² Там же, стр. 273.

«Форма сравнительной степени указывает: 1) на то, что называемое прилагательным качество предмета проявляется в этом предмете в большей мере, чем в другом или в других; 2) на то, что качество предмета, называемое прилагательным, свойственно ему в большей степени, чем это было раньше или будет впоследствии».³

Вернемся к нашему примеру: «лишь была бы она с наваром, да была бы с пылу, с жару — подобрей, погорячей».

Здесь нет сравнения данной пищи с другой (погорячей, чем какая-нибудь другая), нет сравнения с этой же пищей во времени (погорячее, чем сейчас или чем вчера), здесь нет вообще никакого сравнения. Просто утверждение, что было бы хорошо, будь эта пища очень горячей и очень доброй. Поэтому кажется неправомерным сравнивать, как предлагают авторы, форму сравнительной степени с *по-* в данном предложении с бесприставочной. В предложении «... была бы пища *добрее, горячее*» — бесприставочная форма действительно выражает сравнение качества предмета (горячее и добрее, чем сейчас, чем другая пища); формы же *подобрей, погорячей* в данном контексте не смягчают значение бесприставочной сравнительной степени, не указывают на ослабленную степень преобладания качества по сравнению с бесприставочной формой, они указывают на высокую степень качества безотносительно.

О возможности же употребления формы сравнительной степени с *по-* в безотносительном значении в этом учебнике (да и во всех других) не говорится.

В учебнике «Современный русский язык» под редакцией акад. В. В. Виноградова⁴ о значении формы сравнительной степени прилагательных с приставкой *по-* читаем: «Формы сравнительной степени на *-ее, -е, -ше* могут сочетаться с приставкой *по-*, которая вносит добавочное значение смягчения или усиления степени преобладания качества».⁵

Как видим, и здесь форма сравнительной степени прилагательного с приставкой *по-* рассматривается только в значении сравнительной степени с оттенками смягчения или усиления степени преобладания качества по сравнению с бесприставочной формой, и ничего не говорится о возможности употребления формы с приставкой *по-* в значении элатива.

³ Там же, стр. 270.

⁴ Современный русский язык. Курс лекций п/р акад. В. В. Виноградова. Учебник для высших учебных заведений. Изд-во Московского гос. ун-та. М. 1952.

⁵ Там же, стр. 144.

А теперь обратимся к примерам, иллюстрирующим в учебнике приведенное выше положение.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы видеть я мог,
На окно полосатый платок.

(Лерм. Соседка.)

Придает ли в этом примере приставка *по-* лишь добавочное значение смягчения или усиления степени преобладания качества бесприставочной форме сравнительной степени? Думается, что и здесь формы с приставкой *по-* имеют безотносительное значение.

В самом деле, не означает же здесь *вино похмельнее* — *вино, более хмельное, чем всякое другое, или более хмельное, чем он пьет сейчас, пил вчера или будет пить завтра.*

Да и форма *потемнее* не выражает сравнения. Ночь не сопоставляется по тому, насколько она темна ни с сегодняшней ночью, ни с какой-либо другой или с другими ночами. Прилагательные с приставкой *по-* и здесь имеют значение высокой степени качества (выбери очень темную ночь и дай очень хмельного вина), т. е. формы сравнительной степени прилагательного с *по-* и здесь имеют значение элатива.

· Когда давали умыться, он требовал воду похолоднее (Полевой. Повесть о настоящем человеке).

И здесь форма *похолоднее* имеет значение элатива. Он требовал очень холодной воды, как можно более холодной воды, а не возвращал поданную ему теплую воду с просьбой охладить ее и уж, конечно, не имел в виду сравнивать эту воду с какой-нибудь другой водой.

И только третий пример содержит форму сравнительной степени с *по-*, употребленной действительно в значении сравнительной степени, где приставка *по-* вносит новый оттенок значения (думается, что оттенок усиления степени преобладания качества):

Я пойду в санитарки.
— Для этого *посильнее* нужен народ.

(Панова. Спутники).

Нужен народ *посильнее* — нужны люди значительно более сильные (гораздо сильнее), чем ты.

И в «Грамматике русского языка»⁶ так же определяется значение формы сравнительной степени с приставкой *по-*:

«Формы сравнительной степени на *-ее, -е, -ше* могут сочетаться с приставкой *по-*, которая обычно вносит добавочное значение смягчения степени преобладания качества».⁷

И здесь в качестве примера приводится предложение из Лермонтова («Избери только ночь потемнее, да отцу дай вина похмельнее»), в котором форма сравнительной степени с *по-* не выражает сравнения, а выступает как элатив.

Ничего не говорится о возможности употребления формы сравнительной степени с *по-* в безотносительном значении и в книге В. А. Трофимова «Современный русский язык»,⁸ хотя и здесь находим пример употребления этой формы в значении элатива:

Командир приказал отправить его в хутор, выбрав для этого коня *покрепче*.

(В. Монастырев. Друзья).

Следовало выбрать возможно более крепкого коня, одного из очень крепких коней (ср. выбери коня *крепче* — крепче, чем этого).

Только в значении сравнительной степени рассматриваются формы сравнительной степени с *по-* и в учебнике А. Н. Гвоздева («Синтетическая сравнительная степень может иметь приставку *по-*, вносящую оттенок смягчения, указывающую на незначительность преобладания качества: Лошади тянулись к воде . . ., разыскивая губами струю посвежее (Шолохов, Тихий Дон),⁹ и в учебнике Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой, В. В. Цапукевич («Форма сравнительной степени иногда осложняется приставкой *по-* для смягчения степени преобладания качества по сравнению с формой сравнительной степени, образованной обычным путем (посильнее, постарше, повыше). Такие образования являются, как правило, принадлежностью разговорного стиля речи, т. к. обладают большой экспрессией»)¹⁰

⁶ Грамматика русского языка. Том 1. Фонетика и морфология. Издательство Академии наук СССР. М. 1953.

⁷ Там же, стр. 292.

⁸ В. А. Трофимов. Современный русский язык. Морфология. Издательство Ленинградского университета. 1957.

⁹ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, часть 1. Фонетика и морфология. Учпедгиз. М. 1958, стр. 220.

¹⁰ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталя, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич. Современный русский язык. Учебник для вузов. «Высшая школа». М. 1961, стр. 182.

Итак учебники по современному русскому языку для высших учебных заведений рассматривают форму сравнительной степени с приставкой *по-* только в значении сравнительной степени, отличающейся от бесприставочной сравнительной степени добавочными оттенками значения (ослабления или усиления степени преобладания качества), вносимыми приставкой *по-*. Ни в одном из учебников нет указания на то, что форма сравнительной степени с *по-* может употребляться в значении элатива, хотя ряд примеров из этих учебников свидетельствует об этом.

Однако в действительности форма эта очень часто выступает в безотносительном значении.

Из рассмотренных мною 900 примеров употребления формы сравнительной степени имени прилагательного с приставкой *по-* только в 374 случаях она имеет значение сравнительной степени.

Причем форма сравнительной степени с приставкой *по-* может вносить не только добавочное значение смягчения преобладания качества, как утверждают авторы ряда учебных пособий,¹¹ но и значение усиления степени преобладания качества.

Приведу несколько примеров:

В надсмотрщики Медведь
был выбран над ульями,
Хотя можно б выбрать тут
Другого — *поверней*.

(Крылов. Медведь у пчел)

Поверней имеет значение сравнительной степени, приставка *по-* усиливает степень преобладание качества по сравнению с формой *верней* (можно бы было выбрать надсмотрщика гораздо более верного, чем медведь).

За фигурой рыбака влачились две тени, одна черная и короткая, от огня, другая, длинная и *посветлее*, от луны.

(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

Форма *посветлее* употреблена здесь в значении сравнительной степени. Приставка *по-* ослабляет значение по срав-

¹¹ См. «Современный русский язык» Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой, В. В. Цапкевич; «Современный русский литературный язык», А. Н. Гвоздева; «Современный русский язык» Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой, Н. М. Шанского; «Граматику русского языка», изд. АН СССР. М. 1963.

нению с формой *светлее* (вторая фигура несколько светлее первой).

Он долго читает выходной лист, шевеля замлестыми губами. — *Подревнее нет?*

(Горький. В людях)

Форма *подревнее*, выступая в значении сравнительной степени, имеет значение большей степени преобладание качества чем бесприставочная форма (Нет еще древнее?).

Человек — ничто, он *подешевле* пшеницы.

(Серафимович. У обрыва)

Приставка *по-* усиливает значение степени преобладание качества (еще дешевле, чем пшеница).

Теперь голоса людей и плеск моря стали *послышней*.

(Горький. Челкаш)

Приставка *по-* ослабляет значение степени преобладания качества (стали чуть слышнее, чем раньше).

Значение усиления степени преобладания качества имеет форма с *по-* и в следующем примере:

В делах, которые гораздо *поважней*

Нередко от того погибель всем бывает,

Что, чем бы общую беду встречать дружней,

Всяк споры затевает о выгоде своей.

(Крылов. Раздел)

В 526 случаях форма с *по-* употребляется в безотносительном значении.

Приведу несколько примеров:

За это время я присочиню к нему (эпизоду) что-нибудь *позффективнее*.

(Арбузов. Домик на окраине)

— Воды *погорячей!* — отрывисто сказал он.

(Вересаев. Без дороги)

Хотел придумать *поинтересней* что.

(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

Любят у нас человека хоронить: чуть помрет кто *позначительнее* — весь город на улицы высверлится.

(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

Ивакин! Давайте браги, *похолоднее*, побольше!

(Горький. Варвары)

... Что нынче так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою *подешевле*.

(Грибоедов. Горе от ума)

Погоди! Что мне тебе нужно сказать!
Будь *поосторожней*, пожалуйста!

(Вересаев. На повороте)

Будь с ним *поласковее, помягче*.

(А. Толстой. Хождение по мукам)

Маякин однажды сказал: «сегодня вечером приго-
товься, жениха привезу! Закусочку нам устрой *посолид-
нее!*»

(Горький. Фома Гордеев)

Приготовь-ка мне, дорогой, к вечеру *похолодней* гра-
финчик.

(А. Толстой. Рассказы)

Не дождавшись, он налил чая в стакан, с лимончи-
ком, *покрепче*, и понес на батарею.

(А. Толстой. Рассказы)

Он много в эти дни помаялся, доставая для его бла-
городия провиант *послаще*.

(А. Толстой. Рассказы)

Я вырезал себе палочку *потолице* и полез на батарею
по топкой узкой тропе.

(А. Толстой. Рассказы)

Вопрос о том, в каких функциях выступают в предложении формы сравнительной степени прилагательного с приставкой *по-*, в учебных пособиях для вузов не рассматривается. Только в учебнике В. А. Трофимова находим указание на то, что формы эти являются, обычно, в предложении определением: «В качестве определения обычно сочетание этих форм (бес-префиксальных форм сравнительной степени) с префиксом *по-*».¹²

В наших примерах находим случаи употребления формы сравнительной степени с приставкой *по-* и в качестве определения, и в качестве сказуемого (в 429 случаях — в качестве определения, в 471 — в качестве сказуемого).

¹² В. А. Трофимов. Современный русский литературный язык. Морфология. Изд-во Ленинградского университета. 1957, стр. 88.

Примеры на употребление формы сравнительной степени с *по-* в качестве определения:

И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночку *потемней*,
У куманька всех кур передушила.
(Крылов. Крестьянин и лисица)

Сам по ночам хозяйство караулил;
возьму стяжок *потолще* и хожу.
(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

Мишутка медленно выпивал, дул из себя дух,
затем принаравливался к грибку *поядренее*.
(А. Толстой. Мишутка Налымов)

Ничего, мама, завтра *покрепче* стекла вставим.
(Вересаев. На повороте)

Нельзя ли ванну *подлиннее*? — сердито ворчал он.
(Вересаев. Без дороги)

Чтоб музыкантом быть,
Так надобно уменье.
И уши, ваших *понежней*.
(Крылов. Квартет)

Примеры на употребление формы сравнительной степени с *по-* в качестве сказуемого:

... А ежели невежда *познатней*,
Так он ее еще и гонит.
(Крылов. Мартышка и очки)

А ты, Верочка, *поласковее* будь с Никитой, — любит
он тебя, любит и предан по гроб.
(А. Толстой. Рассказы)

А так как человек медведя *послабее*,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал.
(Крылов. Пустынник и Медведь)

Он *подобрей* тебя будто.
(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

А когда немного отдохнули и дыханье стало *поровнее* и *поспокойнее*, опять стояло всепоглощающее молчание.

(Серафимович. Среди ночи)

Поднес Сорока стаканчик самоеду — стал самоед
поговорчивее.

(Серафимович. На льдине)

Вы теперь будьте *поосторожнее* с едою, не ешьте
зелени и мясного.

(Вересаев. Без дороги)

... Видишь, что другие люди не боятся, и сам ста-
нешь *посмелее*.

(Куприн. Белый пудель)

А те, которые еще *поудалей*,
К царю садятся уж и задом.

(Крылов. Лягушки, просящие царя)

Скот — крупен и сыт, а люди, ну, — люди *посуше*
здешних.

(Горький. Жизнь Матвея Кожемякина)

Из всех других *поудалее*
Один был рослый молодец.

(Крылов. Стыдливый игрок)

Следовательно, формы сравнительной степени имен при-
лагательных с приставкой *по-* очень часто выступают в без-
относительном значении, в значении элатива. В предложении
они употребляются как в качестве определения, так и в ка-
честве сказуемого.

З. А. ТОЛМАЧЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СТРУКТУРЫ НАРЕЧИИ (об одном забытом наблюдении В. А. Богородицкого)

Казанской лингвистической школе и, главным образом, В. А. Богородицкому русская наука обязана открытием и исследованием одной из основных проблем словообразования — проблеме изменения морфологической структуры слова. Изучение морфологических процессов, начавшееся в русской лингвистике с книги И. А. Бодуэна де Куртене «Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination»,¹ в работах В. А. Богородицкого выразилось в наблюдениях над процессами опрошения и переразложения. В. А. Богородицким дано определение процессов, описание общих причин, вызывающих к жизни опрошение, разграничение различных видов и степени опрошения. Относительно полно представлены наблюдения над опрошением между префиксом и корнем, между корнем и суффиксом, то есть в словах, образованных морфологическим способом.² Именно эти наблюдения, проиллюстрированные новыми убедительными примерами, нашли отражение в более поздних исследованиях и учебных пособиях.³ И только особые виды опрошения, вскользь упомя-

¹ Baudouin de Courtenay, Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slavischen Sprachen, Berlin, 1868.

² В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики. М. 1939, стр. 99.

³ См., например, Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М. 1957, стр. 191; Н. М. Амосова. Слова о опрошенном морфологическом составе в современном английском языке. Ученые записки ЛГУ, т. 180. Л. 1955; Б. П. Лаврентьев. Процесс опрошения слов китайского происхождения в японском языке. Вопросы филологии. Изд-во ИМО, М. 1957.

нутые В. А. Богородицким, оказались несправедливо забытыми — это опрощение «между корнем и окончанием» (терминология В. А. Богородицкого), приводящее к образованию новых единиц, ошибочно названных В. А. Богородицким «частницами», *ныне, потом, хотя, пусть* и др.,⁴ и опрощение, наблюдаемое на соединениях слов, следовательно, в области синтаксиса, например, *так что, потому что*,⁵ как результат утраты одним из слов собственного ударения.

В настоящей статье и будут представлены некоторые наблюдения над двумя последними видами опрощения в наречиях, возникших из падежных форм имен существительных.

* * *

Специфической особенностью наречия в русском языке является его древнее происхождение на базе уже существовавших знаменательных частей речи. Многочисленные работы описательного характера содержат богатый материал, свидетельствующий о том, что основные словообразовательные типы наречий современного русского языка сложились уже к XV—XVII вв.⁶

⁴ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М. 1939, стр. 172 и В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М. 1935, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 154.

⁶ См., напр., В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. т. V, вып. 3. 1946, стр. 234; Н. Светловская, Типы отыменных и отместоименных наречий, засвидетельствованных по памятникам письменности XV—XVII вв. Автореф. канд. дисс. М. 1951; И. С. Рыжов, Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках XI—XIV в. Автореф. канд. дисс. М. 1952; О. В. Петрушина. Наречия, образованные от имен существительных (по памятникам русской письменности XII—XVII вв.). Канд. дисс. Л. 1953; А. В. Даневич. Некоторые особенности словообразования наречий в языке русских повестей второй половины XVII века. Изд-во АН Укр. ССР. Киев. 1958; А. К. Кириченко. «Некоторые данные о составе наречий в частной переписке XVII в.». Сборник научных праць, т. 1. «Мовознавство». Киев. 1958; G. Kirchner, Die Entwicklung der slavischen Adverbien auf — bsky in der Geschichte der russischen Sprache. Zeitschrift für Slawistik, B. III, Heft 2—4, Berlin 1958; А. К. Коневецкий. Наречие в русском языке первой половины XVII века. Автореф. канд. дисс. Вильнюс. 1958; Палевская М. Ф. Омонимия как следствие лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую. Рус. яз. в шк. 1960. № 3; В. Ю. Франчук. Наречия с приставкой на- в русском литературном языке XVIII в. Вопросы теории и истории языка. Ученые записки, т. СІХ. Труды филологического ф-та, т. 8. Изд-во Харьковского гос. университета. Харьков, 1960.

Решающую роль в возникновении наречий из имен существительных сыграло (и играет в настоящее время) слабое (свободное, непрочное⁷) управление, превращающее слабоуправляемое дополнение в обстоятельство, и как следствие — падежную форму имени в наречие. И так как наречия, образованные из падежных форм имен, в языке составляют сравнительно небольшой процент и они далеко не удовлетворяют потребностей в выражении обстоятельств, то адвербиализация косвенных падежей имен существительных должна продолжаться.

Образование наречий из падежных форм имен существительных регулируется не только синтаксическими факторами, но и семантико-грамматическими. Большинство падежных форм имен существительных в русском языке полисеманлично: они сосредоточивают в себе множество оттенков временных, причинных, локальных, определительных и других значений.⁸ Отсюда неизбежно расщепление некоторых форм, их лексикализация, образование омоформ на базе взаимодействия синтаксических и семантико-морфологических моментов.

Из беспредложных форм имени существительного здесь первое место по праву должно быть отведено творительному падежу, который представлен как омоформами *бочком* — существительное и *бочком* — наречие, *вечером* (и *вечерком*) — сущ., *вечсром* (и *вечерком*) — нареч. и другими,⁹ где обычное сопротивление языка омонимии в некоторых случаях выражается в перемещении ударения в наречии с бывшей основы существительного на суффикс наречия (окончание имени существительного), сравн.: *бэгом* (существ.) и *бегóm* (нареч.), *вэрхом* и *верхóm*, *крúгом* и *кругóm*¹⁰ и др., так и наречиями, образованными из формы творительного падежа не употребляющихся ныне слов (или по модели с уже существующими наречиями), напр.: *босиком* (при отсутствии **босик*), *дыбом* (Пр., *дыбом* от *дыба*, 1—205¹¹), *ладком* (при отсутствии

⁷ См. В. М. Никитин. Обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению. Ученые записки Рязанского гос. педагог. ин-та, т. XXVII. Рязань. 1961, стр. 12.

⁸ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 167.

⁹ В четырехтомном академическом Словаре русского языка (М., 1957—61) таких слов отмечено 61, включая освоенные заимствования *авансом* и *экспромтом*.

¹⁰ Сравни. также *вечер* и *вечор*.

¹¹ А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, тт. I—II, М., 1959. Принято сокращение «Пр».

**ладок от лад* — «мир, согласие, порядок», Д., II-233¹²), *мельком* (от *мельк* — действие по гл. *мелькать*, Д., II-317), *нагишом* (от *нагиш* — «нагота в лицах», Д., II-394), *ничком* (от *ник* — «затылок», Пр., I—607), *обыденкой* (от *обыденка* — «работа, совершаемая в один день», Пр. I—633), *огулом* (происхождение неясно. Потебня: от *гол*, Миклошич: от *гол-2* — «голый», Бернекер: от *гул*. Цит. по Пр., I—638—639), *оптом* (от *опт* — «общий счет, совокупность», Пр., I—654), *поедом* (сравн. *поедь* сиб. — «прикормка», Д., III-375), *ползком* (от *ползок* — «один переход», Д., III—260), *скопом*, (от *скоп*, *скопить*, Пр., I—349), *стойком* (сравн. *стояк* — «стойком поставленная вещь», Д., IV—333), *сторицею* (от *сторица* — «сто раз повторенное», Д., IV—326), *трусцой* (от *трусца* — «тихая рысь», Д., IV—438), *целиком* (от *целик* — «один цельный каменище, монолит», Д., IV—577). Сюда же следует отнести ряд слов, не отмеченных в этимологических словарях, словаре В. И. Даля и помещенных в словарях современного русского языка: *пропадом*, *силком* (и *силом*), *слыхом*, *тайком*, *тихомолком*, *тишком*, *чохом*, *юзом*.

Образование наречий из форм имен — это прежде всего уничтожение значения падежной формы как формы имени, хотя в полисемии этой падежной формы (в данном случае творительного падежа, совмещающего в себе ряд обстоятельственных значений) и заключены потенциальные возможности образования наречий. Отсюда прямая зависимость продуктивности той или иной модели наречия от семантики падежных форм имени существительного: количество обстоятельственных значений предопределяет возможность лексикализации падежной формы. Но последнее еще не означает, что наречие, образованное таким путем, с точки зрения морфологической становится словом с производной основой. На фоне таких наречий, как *рядом*, *следом*, *силой*, *шагом*, *шепотом* и др., которые имеют в современном языке параллельные омоформы имен существительных и, следовательно, с точки зрения современного словообразования свободно допускают продуцирование исходной формы (а в составе наречия это означает вычленение производной основы, аналогичной основе имени существительного, и суффикса наречия), названные выше наречия типа *оптом* и *ползком* выступают как более цельное, как слова с производными основами. Правда, некоторые из них при отсутствии в современном языке произ-

¹² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, М., 1955. Принято сокращение «Д.».

водящих существительных сохраняют семантические связи с другими генетически родственными словами (сравн. *босиком* и *босой* при отсутствии **босик*; *ползком* и *ползать* и архаичное *ползок*; *рядышком* и *рядом*, *ряд*; *силком* и *сила*; *стойком* и *стоять*; *тайком* и *таить*; *трусцой* и *трусить*; *целиком* и *целый* и др.) и поэтому не могут быть расценены как примеры полного (совершенного) опрошения, тогда как слова *ничком*, *обыденкой*, *огулом*, *оптом*, *сторицею*, *чихом*, *юзом* следует считать морфологически нечленимыми в силу отсутствия соответствующих опорных однокоренных слов и производящих существительных. Именно эти факты следует рассматривать как опрошение между «корнем и окончанием».

Примеры опрошения «между корнем и окончанием» в наречиях, возникших на базе других беспредложных форм имен существительных, немногочисленны. Это слова *вчера* (род. падеж. от *вечер*, Пр., 1—81), *сквозь* из *сквозѣ*. местн. пад., Пр., II—297),¹³ *домой* и *долой* (дат. пад. от *дом* и *дол*, Пр., 1—191), а также устаревшее *долу* (род. пад. от *дол*, Пр., 1—189). Во всех случаях причинами опрошения является не только утрата значения грамматической формы имени, но и фонетические причины (редукция звука в слове *вчера*), и архаизация формы в совокупности с фонетическими явлениями (*домой*, *долой* из *домови*, *долови* через ступень *домо(в)и*, *доло(в)и*, и утрата слова-источника (*сквозь*).

Таким образом, опрошение «между корнем и окончанием» в наречиях осуществляется по общим причинам, указанным В. А. Богородицким для других его видов, но на фоне изменения значения грамматической формы; в этом его особенность сравнительно со случаями префиксального и суффиксального опрошения.

Что касается опрошения в области синтаксиса и причин этого явления в интерпретации В. А. Богородицкого, то на них следует остановиться подробнее.

Считая изменение ударения главной и единственной причиной «синтаксического» опрошения, В. А. Богородицкий едва ли прав. Известно, что явление энклизы, наблюдающееся при образовании союзов *так что* и *потому что*, может иметь место и в других случаях (сравн., например, *по полу*, *на дом*), отнюдь не являющихся примерами опрошения в области синтаксиса. По-видимому, «синтаксическое» опрошение можно

¹³ Н. М. Шанский считает родственным *скважина* (см. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. М. 1961, стр. 304. Принято сокращение: «Сл. Ш.»).

констатировать на основании взаимодействия трех факторов в единстве: а) общности семантической (обе части союзов *так что* и *потому что* несут на себе общую смысловую нагрузку); б) грамматической характеристики: обе части составляют единый союз, расчленение которого приводит к потере его грамматической специфики, так как первая часть в таких условиях становится местоименным наречием, вторая — союзом, который с фонетической точки зрения может в определенной речевой ситуации стать проклитикой, сравн.:

Ромашов краснел... *потому*, что на них уже начинали обращать внимание (Куприн. Поединок, 9). Насилье, как видите, еще *потому* гнусно, что оно развращает даже посторонних и равнодушных зрителей его (Горький. Открытое письмо);

в) третьим фактором является ударение, скрепляющее обе части союза и все-таки не имеющее в синтаксическом опрощении самостоятельного значения, вне связи с семантическим и грамматическим моментами. Если бы ударение было решающей причиной «синтаксического» опрощения, пришлось бы отнести к опрощенным такие фонетические «слова» (такты) в приведенных выше примерах, как *что на них* и *что оно*, ибо они объединены общим ударением.

Анализ примеров, избранных для наблюдения В. А. Богородицким, уже говорит о том, что процесс опрощения существует и в области синтаксиса. Действительно, его можно обнаружить в словах, образованных из устойчивых сочетаний и из групп знаменательных и служебных слов, иначе говоря, в пределах лексико-синтаксического способа словообразования.

Еще акад. Шахматов отмечал, что разложение сочетания, то есть «определение взаимного отношения входящих в него элементов», «определение господствующего и зависимых от него элементов»,¹⁴ оказывается невозможным для некоторых сочетаний. Не обращаясь к различным типам устойчивых сочетаний, можно взять такие фразеологизмы, которые не допускают раздельного употребления компонентов, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака».¹⁵ Именно они

¹⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 1. Л. 1927, стр. 271.

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М. 1947, стр. 22.

представляют первую ступень «синтаксического» опрощения, его начало, когда объединение слов ограничивается семантикой, не затрагивая формы. Такие фразеологизмы, как *вверх тормашками, у черта на куличках, бить баклуши, точить лясы* в современном русском языке употребляются в их устойчивом составе и значении, поэтому, по словам В. В. Виноградова, они «не есть ни произведение, ни сумма синтаксических элементов. Они — химическое соединение каких-то растворившихся с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.»¹⁶

Устойчивые сочетания или сочетания служебных и знаменательных слов могут дать примеры полного «синтаксического» опрощения: *спасибо* (из *спаси бог*, Сл. Ш., 316), *авось* (из *а-«и, а, но»* и *осе «вот»* с возникшим позднее интервокальным «в», Сл. Ш., 21), *небось* (из *небойсь, не бойся*, Сл. Ш., 217), *нет* (из *не е(сть) ть*), в котором *ть* или *ту*, сравн. *нету*, является усилительной местоименной частицей, Сл. Ш., 220), *если* (из *есть ли*, Пр., 1—218),¹⁷ *ежели* (из *есть же ли*, Пр., 1—218), *будто* (из *будь* и указательного местоимения *то* в значении сравнительного союза, Сл. Ш., 47) и другие, где с точки зрения современных семантических и грамматических связей невозможно выделить элементы, составившие данные слова.

Случаи спрощения основ слов, образованных лексико-синтаксическим способом из сочетаний знаменательных (*спасибо*) или знаменательных и служебных слов (*будто, если, небось, нет*) в пределах всех частей и частиц речи сравнительно редки, за исключением наречия, где они представлены более многообразно, сравн., например, такие бесспорные факты опрощения, как *здесь* (из *сь де сь*, Пр., 1—248), *иногда* (от *ино* и *гда*, которое восходит к *года* или *когда*, Пр., 1—272), простореч. *намедни* (из *ономь дни*, Пр., 1—591), *покамест* (из *по ка места*, мн. в. ср., Пр. со ссылкой на Соболевского, см. Пр., 2—89), *сегодня* (из *сего дня*, Пр., 2—270), *сейчас* (из *сей час*, Пр., 2—270), *стремглав* (из *стръмъ* — «вниз» и *главою*, Сл. Ш., 321), *теперь* (из *то първо*, Сл. Ш., 331), *тотчас* (из *тот час*, Сл. Ш., 338), *точь-в-точь* (из сочетания существительного *точь* с формой м. п. этого же слова Сл. Ш., 338).

Лексико-синтаксический способ образования наречий

¹⁶ Там же, стр. 23.

¹⁷ Н. М. Шанский считает заимствованием из польского. См. Сл. Ш., 103—104.

основывается на постоянном совместном употреблении некоторых сочетаний в функции обстоятельства. В этом случае сочетание, играющее роль одного слова, скрывает в себе потенциальные возможности утраты аналитичности и превращения сочетания в отдельное слово. Степень утраты значения составляющих элементов может быть различной, сравн., например, *тогда* с относительно прозрачным составом и *теперь*, *стремглав*, *покамест* и другие, где образование производных основ можно считать завершенным в силу семантических, лексических или фонетических причин.

Еще более многообразно представлено опрощение в наречиях, образованных лексико-синтаксическим способом путем адвербиализации предложно-падежных форм имен.¹⁸

Этот тип наречий (наряду с моделью с суффиксом -о, возникшей на основе кратких прилагательных среднего рода) составляет основной фонд категории наречия в современном русском языке, причем отыменные наречия представлены в большей мере моделью «предлог + имя существительное в косвенном падеже». По количеству единиц, образованных от форм косвенных падежей имен существительных лексико-синтаксическим способом, могут быть последовательно названы падежи винительный, родительный, предложный, дательный, творительный. В указанной последовательности и будут описаны модели наречий.

По продуктивности и количеству функционирующих лексем может быть в первую очередь указан тип наречий, образованных из формы винительного падежа имен существительных с предлогами *в* и *на*, менее продуктивны модели с предлогами *о*, *по*, *за*, *под*.

В подавляющем большинстве случаев морфологический состав этих наречий вполне прозрачен: ясна семантика основы производящего имени существительного, сравн.: *вброд* — «бредя, двигаясь по дну реки, озера и т. п. в неглубоком месте» (Сл. рус. яз., 1—172),¹⁹ *вниз* — а) по направлению к

¹⁸ В большинстве учебных пособий адвербиализация предложно-падежных форм имен рассматривается как лексико-синтаксический способ словообразования. См., например, Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М. 1957, стр. 373. Иная точка зрения у А. К. Коневецкого, который относит адвербиализованные предложно-падежные формы к морфолого-синтаксическому способу словообразования. См. А. К. Коневецкий. Очерк по морфологии наречия в русском языке первой половины XVII века. Ученые записки Вильнюсского ун-та, т. XXX, вып. II. Вильнюс. 1960, стр. 136.

¹⁹ Словарь русского языка, т. т. I—IV. М. 1957—61, принято сокращение: Сл. рус. яз.

низу, б) по направлению к устью реки» (Сл. рус. яз., 1—241), *воистину* — «подлинно, действительно, истинно» (Сл. рус. яз., 1—261), а также *вдогон, в струнку, навyleт, наголову, назло* и др. Предлог же, превратившись в приставку, сохраняет прежний (часто локальный, темпоральный, целевой, модальный) оттенок значения (сравн. *вверх, ввысь, вбок, вволю, во время, в охотку, вкривь, набок, навстречу* и др.) и тем самым способствует морфологической членимости наречия. Производный характер основы наречия и здесь поддерживается омоформами семантически тождественных имен (сравн. *вброд* и *в брод, навyleт* и *на вылет, наголову* и *на голову* и др.).

Для констатации опрошения необходимо, чтобы приставка (предлог) не имела бы ни одного из свойственных ей прежде значений.

Предлог *в* с именем в винительном падеже выражает ряд отношений — локальные, темпоральные, квантитативные, компаративные, трансгрессивные, модальные, целевые, каузальные, инструментальные.²⁰ Как уже отмечалось, в составе наречия эти оттенки значений до определенного времени сохраняются в той или иной мере, таким образом, уничтожение аналитичности еще не означает «опрошения в области синтаксиса». Последнее наступает при архаизации имени-первоисточника или семантических изменениях в наречии, которые распространяются и на приставку.

Из большого количества наречий, восходящих к форме вин. пад. существительного с предлогом *в*,²¹ подверглись опрошению, то есть погашению предлога-приставки лишь несколько слов. Это наречия *вдоволь, вдоль, вдребезги, вдруг* (не от краткого ли прилагательного *друг* — «другой?»), *вдрызг, враз, врозь, впрдь*, а также *вокруг, впрок, вслух* с более прозрачным составом.

В одних случаях опрошение объясняется архаизацией или отсутствием имени-первоисточника (например, *дребезг*, см. Пр., 1—194, или *дрызг, *боль), в других — необычной, отличающейся от имени огласовкой основы (сравн., *врозь* и *рознь*), а иногда только изменением семантики и грамматической природы (*враз, вдруг, вслух*).

Второй продуктивной моделью являются наречия, образованные от существительного в вин. падеже с предлогом *на*. Характерным для рассматриваемой модели наречий является производство многих из них от имен существительных, обра-

²⁰ См. В. В. Виноградов. Русский язык. М. 1947, стр. 685 и след.

²¹ В Сл. рус. яз. таких наречий зафиксировано около 125.

зованных от глагольных основ безаффиксным способом, сравн.: *навыворот, навывкат, навывлет, навывпуск, навыврез, наперебой, наперерез, наперехват* и др. (из 75 наречий, образованных от существительных в вин. пад. с предлогом *на*, около 30 слов восходят к бессуффиксным отглагольным именам). В подавляющем большинстве все они имеют продуктивные глагольные основы и приставки (сравн., например, *наперехват, наперерез, навывлет*), в связи с чем их производность не подлежит сомнению. Точно так же членятся наречия *набок, наверх, накрест, насили, наспех, начистоту*, имеющие в современном русском языке соотносительные омоформы имен существительных. Лишь в некоторых таких словах можно наблюдать начальную ступень опрошения — погашение приставки-предлога при живой производящей основе: *наизнанку, налицо, наоборота, на-тощак, наконец* уже не сохраняют ни локальных, ни временных, количественных оттенков, ни одного из тех значений приставки-предлога, которые им свойственны в форме имени.²² Здесь «синтаксическое» опрошение вызвано семантическими причинами.

В других словах оно объясняется утратой (или отсутствием) производящего имени существительного. Это наречия *набекрень* (от *бекрень* — «бок», Д., 1—81), *навзничь* (сравн. диалектн. *взнак, взничь* и *ниц, ничком*, Пр., 1—588), *навзрыд* (восходит к *рыдать*, Пр., 2—299), *настежь* (от **стежь*, Пр., 2—594), *начеку* (от *чека*, Пр., 2—57),²³ *насмарку* (от *смарка*, Пр., 1—510), *наружу* (Преображенский считает неясным происхождение, приводит статью из МЭУ — от *рожа* и этимологию Потебни от *родá* — «привидение, призрак», см. Пр., 1—594), *наобум* (от *обум* — без рассуждений, Д., 2—628), *наизусть* (восходит к *уста*, Пр., 1—591), а также *наискось* с более прозрачным составом.

Кроме форм с предлогами *в* и *на*, винительный падеж имени существительного представлен в наречиях единичными, по-видимому, древними образованиями с предлогом *о* — *обок, оземь, около*, устаревшими *округ, оплечь* и обл. *одадь*, с предлогом *за* — *заглаза* и *замуж*, с предлогом *по* — *позарез, по-одадь*, с предлогом *под* — *подчас*. Из них несомненными случаями опрошения являются *около* (от *коло* — «круг», Пр., 1—333) и *замуж* (архаичная форма вин. пад. имени существи-

²² См. В. В. Виноградов. Русский язык. М. 1947, стр. 693—695.

²³ В. И. Даль считает производным от *чик*- «бой, езда, гон» (см. Д., 2—496, IV—604). Если так, то это трансформация предложного, а не винительного падежа.

тельного *муж*, Пр., 1—565). Архаизация производящего имени (*около*) и формы имени (*замуж*) — объективный критерий опрошения в этих наречиях. Остальные слова либо сохраняют вполне прозрачный морфологический состав (*оземь, позарез*), либо имеют начальную ступень опрошения (*заглаза, поодаль*).

Если посмотреть на опрошение наречия со стороны фонетической, то в подавляющем большинстве случаев они имеют ударение на производящей основе: *вдоволь, вдоль, вдребезги, впросак, навзрыд, набекрень, наружу, натоцак* (исключение составляют *замуж* и *около*), то есть тот тип ударения, который должен быть и в соответствующих именах существительных. Следовательно, ударение не играет решающей роли при опрошении наречий данной модели.

Итак, в наречиях, образованных от предложных форм винительного падежа имен существительных наблюдаются случаи «синтаксического» опрошения. Наиболее активным в этом отношении является форма винительного падежа с предлогом *на*.

Наречия, восходящие к форме родительного падежа с предлогами, малочисленны. Около половины их образованы посредством слияния падежной формы существительного с предлогом *с* (*сбоку, сверху, снизу, слева, сродни*), который с родительным падежом существительного выражает локальные, временные, аблативные, модальные, причинные отношения и который в составе наречия может утратить свое значение (сравн., например, *сразу, сроду, сзади*) и при наличии других условий (семантические процессы, архаизация производящего имени) перестает выделяться как приставка, например, в слове *спокон* (*спокон веку*, сравн. также *испокон веку*). Последнее, пожалуй, единственный случай опрошения в пределах данной модели. Остальные либо свободно членятся на основании существующих связей с продуктивными свободными основами в именах существительных или других словах (*сначала, сверху* и др.), либо представляют лишь начало процесса (*сразу, сроду*).

Так же бедна опрошенными основами и модель наречий, производных от родительного падежа существительных с предлогом *из*. За исключением уже упомянутого *испокон* и *искони*, ни одно из слов не может быть отнесено к непроемным, сравн. *изнизу, исстари, извнутри, изнутри, изначала*, а также одиночные образования с двумя рассматриваемыми приставками — *сызвека, сыздетства, сызмальства*.

Другие предлоги представлены в единичных наречиях:

всего около 10 наречий восходит к родительному падежу с предлогами *без, до, испод, от по* — *без умолку, без устали, без просыпу, без толку, без спроса, без удержу, довеку, доверху, дозарезу, исподнизу, исподволь, отроду, отчасти, по полудни, пополуночи, позади* и некоторые другие. В их числе лишь *исподволь* и *отчасти* имеют погашенные приставки, остальные сохраняют либо пространный (*довверху, исподнизу*), либо аблативное значение (*без устали, без умолку* и др).

Приведенные факты говорят о том, что наречия, восходящие к родительному падежу имен существительных с предлогами, не проявляют особой активности в отношении «синтаксического» опрошения.

От формы предложного падежа наречия образуются путем слияния имени и предлогов *в* и *на*: *вверху, вдали, вначале, внизу, втайне, всердцах, наверху, настороже* и др. В большинстве своем такие образования не вызывают затруднений при анализе: в их составе выделяется приставка и производящая основа, в которой, в свою очередь, можно выделить непродуцированную основу и суффикс наречия (бывшее падежное окончание имени), однако и здесь есть такие наречия, которые должны быть отнесены к опрошенным, например: *вкупе* (от *купа* — «совокупность», Пр., 1—413), *втуне* (Преображенский: производящего неясно, сравн. *туняедец*, см. Пр., 2—17),²⁴ где опрошение объясняется архаизацией имени-первоисточника, и *вместе*, в котором объединение приставки (предлога) *в* и формы активного имени *место* вызвано семантическими причинами и утратой локального значения приставки.²⁵

От существительных в предложном падеже с предлогом *на* образовано лишь несколько слов: *наверху, назади* (разг.), *назаперти* (разг.), *накануне, настороже, наяву*.²⁶ Все они семантически связаны со словами, имеющими в своем составе аналогичные однозначные непродуцированные основы (сравн. *верх, запереть, канун, ряд, сторожить, явь*) и поэтому не могут быть отнесены к полностью опрошенным. Лишь в некоторых случаях этимология суффикса в них недостаточно ясна: сравн. *явь* и *наяву*, где *-у* по происхождению — флексия твердой

²⁴ Н. М. Шанский считает производным от *тунь* — «бездомный», см. Сл. Ш., 70.

²⁵ Сравн. аналогичные образования от основ кратких прилагательных: *вотче, вчуже, вполне*.

²⁶ Сравн. также неясное по образованию (местн. пад. или винит. ?) *насквозь*. Преображенский: *насквозь* от *сквозь*, последнее — образование такое же, как *кроме, разве, горе, яве*, т. е. от м. п. ед., Нр. 2—296—297.

разновидности склонения имен мужского рода, а также *назади* с флексией имен существительных *и*- основы при производящем существительном мужского рода с основой на твердый согласный. Но последние факты имеют отношение больше к вопросу опрощения между основой и окончанием, чем к «синтаксическому».

Таким образом, в пределах наречий, восходящих к форме предложного падежа имен существительных, случаи опрощения единичны и распространяются лишь на модель с предлогом-приставкой *в*.

Дательный падеж имен существительных представлен в наречиях как формами с предлогом *по*, так и с предлогом *к*, с первым в большей степени: *побоку, поверху, поделом, по добру, понаслышке, поначалу, поневоле, понизу, поодиночке, попервоначалу, пополам* и группой с корнем *сред-*, *серед- посередине, посередине, посередке, посерединке, посередь* (простореч.), *посреди, посредине, посреде* (большинство из них чаще употребляются в функции предлогов). Из названных лишь *пополам* и *понаслышке* могут вызвать некоторые затруднения в определении семантики приставки в составе наречий, где в настоящее время нельзя уже установить разделительного, дистрибутивного²⁷ значения (*пополам*) или модального (*понаслышке*). Наречие *поделом* опрощено по причине архаизации формы.

Наречия, образованные от форм дательного падежа с предлогом *к* немногочисленны: *кверху, кзади, кнаружи, книзу, кпереди, кряду, кстати*. В исходной форме (имени существительного) предлог имел или локальное, пространственное (*кверху, кзади, кнаружи, кпереди, кряду*), или целевое значение (*кстати*). И если наречия *кверху, книзу* и др. сохраняют еще оттенок пространственного значения в семантике приставок и при продуктивности в современном языке соответствующих производящих *верх, низ, перед* и др. легко расчлениются, то наречия *кряду, кнаружи* уже не столь прозрачны, а *кстати* и совершенно не членится. Таким образом, опрощенные наречия, образованные от формы дательного падежа, представлены лишь словами *поделом, пополам, кстати*, а также *понаслышке, кряду, кнаружи*, в которых процесс образования новых непроизводных основ еще не завершен.

Подверглось «синтаксическому» опрощению и единственное наречие, восходящее к предложной форме творительного падежа, *слишком*. Объективные данные: снижение активности

²⁷ См. В. В. Виноградов, Русский язык. М. 1947, стр. 687.

производящего существительного *лишек* (Сл. рус. яз., 2—259), уничтожение комитативного значения приставки-предлога *с*.

Итак, наречия, образованные от имен существительных синтаксическим (лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим) способом обнаруживают в ряде случаев опрощение, по терминологии В. А. Богородицкого — «опрощение между корнем и окончанием» и «в области синтаксиса». Этот процесс в рассмотренных моделях наречий регулируется грамматическими (архаизация формы — *замуж, долу, поде-лом*), семантико-грамматическими (изменение значения формы — *налицо, наконец*), лексическими (архаизация производящих слов — *оптом, около, набекрень*) и лишь в отдельных, чрезвычайно редких случаях фонетическими причинами (*вчера*). Фонетические причины выступают как дополнительный фактор при опрощении некоторых наречий (*домой, долой, насквозь*) и не играют решающей роли ни в первой, ни во второй разновидностях процесса. Особенность опрощения при синтаксическом словообразовании заключается в том, что совершается оно на фоне лексикализации грамматической формы. Тот факт, что образование предлогов из отыменных наречий (следующая ступень лексикализации грамматической формы) дает неоспоримые примеры опрощения (сравн. *взамен, вместо, вопреки, вроде*), говорит о тесной связи двух рассмотренных видов опрощения как процесса словообразовательного с грамматической природой слова.

Т. И. ПАБАУСКАЯ

СРАВНЕНИЯ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В ранних рассказах Чехова (первой половины 80-х годов) сравнения употребляются как правило в комическом плане. Наряду с другими речевыми средствами юмора они были средством создания комических характеров, усугубляли комизм положений, в которые попадали незадачливые герои. Сравнения, созданные Антошей Чехонте, были одним из способов «смеяться самому и смешить других».

Сваха Лукинична в профиль похожа на улитку, еп façade — на черного таракана (Дура, или капитан в отставке). Тонкая, как голландская сельдь, мамаша вошла в кабинет к толстому и круглому, как жук, папаше (Папаша). В своем фраке он напоминает мокрую галку с сухим хвостом (Он и она).

Сопоставляя внешность комического персонажа с птицей, животным, насекомым и т. п., автор заставляет читателя посмеяться.

Сравнения — одно из средств преувеличить чувства и страсти героя.

Неправдоподобная глубина переживаний подчеркивает и неспособность чеховских персонажей на серьезные, глубокие чувства.

В голове у него кипела непривычная работа, лицо горело и было краснее вареного рака; кулаки судорожно сжимались, а в груди происходила такая возня и стукотня, какой майор и под Карсом не видел и не слышал (За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь). И эта чудовищная, нечеловеческая, воловья сила походила на ничто, на раздавленную крысу, когда Мак-

сим Кузьмич объяснялся в любви Елене Гавриловне! (Женщина без предрассудков). Ты его ждешь? — спросил он и сделал гримасу, точно его схватили за сердце раскаленными щипцами (Живой товар). Иван Евсевич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака (Лошадиная фамилия). Я поцеловал ее в голову и в моей груди стало так тепло, как будто бы в ней поставили самовар (Пропавшее дело).

Антоша Чехонте иногда не очень разборчив в художественных средствах. В ранних рассказах немало грубоватых, внешне комических сравнений — результат многописания, недостаточной требовательности автора.

Как сумасшедший, или вернее, как муж, которого добрая жена окатила кипятком, он вбегает в приемную... (Ах, зубы).

Изображение силы чувства влюбленной нередко подкрепляется сравнением «как кошка»:

Она молода, прекрасна, получает в приданое тридцать тысяч, немножко образована и любит меня, автора, как кошка (Пропавшее дело). Эти женщины любят, как кошки (Два скандала).

Сравнение «как сорок тысяч братьев», взятое из Шекспира, кстати и некстати повторяется во многих рассказах, например:

Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев, и невежа страшная (Двадцать девятое июня).

В качестве лексического материала для сравнений привлекается грубая просторечная лексика и фразеология:

...напился, как стелька, пьян... (Скверная история)... был пьян, но не как стелька, а так, чуть-чуть, на первом взводе (Там же). Ямщик пьян, как стелька (Темною ночью). Я воротился «с дачного круга», на котором мы учиняли пляс, как угорелый (Моя Нана). Воротясь с круга, я повалился на свое ложе и застонал, как пришибленный (там же).

В угоду вкусам подписчиков юмористических журналов создаются сомнительные в художественном отношении афоризмы:

Лучше пять часов прождать на морозе поезд, чем пять минут ожидать выпивки (Мошенники поневоле). Волки и страдающие диабетом не едят так, как они ели (Исповедь).

Но в Антоше Чехонте уже угадывался будущий большой мастер. В 80-е годы молодой писатель создал немало ярких, реалистических, художественных сравнений.

Мухи не могут облепить так мед, как мальчишки облепили балаган с игрушками (Ярмарка). Мы держали наши ружья и глядели на них так любовно, как маменьки глядят на своих сыночков, подающих большие надежды (Двадцать девятое июня). Ей (мельнице) больше ста лет, давно она уже не была в работе, и не мудрено поэтому, что она напоминает собой маленькую, сгорбленную, оборванную старушонку, готовую свалиться каждую минуту (Верба).

И уже совсем чеховское:

Колокола-тенора заливались всевозможными голосами и быстро отбивали звуки, точно спешили куда-нибудь (Вор).

И чем дальше от 80-го года, тем больше подлинно чеховского в рассказах молодого писателя.

Вторая половина 80-х годов отмечена углубленной работой над поэтическими средствами. Она продолжается в 90-е годы. Чеховские сравнения этих лет поражают своей наглядностью, простотой.

Какой-то мягкий махровый цветок на высоком стебле нежно коснулся моей щеки, как ребенок, который хочет дать понять, что не спит. За бугром догорала вечерняя заря. Осталась одна только бледно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, как уголья пеплом (Агафья).

Эти поэтичные сравнения, созданные Чеховым еще в 1886 г., были отмечены Григоровичем как образцы высокого мастерства и доказательство того, что из Чехова выйдет большой, настоящий писатель.

Все небо усыпано весело мигающими звездами, и млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом (Ванька).
...внизу река с кудрявым ивняком, который в большую

росу кажется немного матовым, точно седеет... (Ариадна). Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку (Студент). ... сквозь молодую листву виден был весь сад с его эстрадой, столиками, качелями, видны были все вороньи гнезда, похожие на большие шапки (Учитель словесности). Млечный путь бледнел и мало-помалу таял, как снег, теряя свои очертания (Счастье).

Отдельные сравнения повторяются у Чехова в нескольких рассказах.

Безграничная равнина сопоставляется с небом в рассказах «Счастье» и «Враги», белый густой туман с молоком в рассказах «Страх» и «В овраге». Длинная прямая дорога сравнивается с ремнем («Егерь», «Дом с мезонином»), близко к этому сравнение аллеи с линейкой («Поцелуй»).

Чехов сравнивает природу, ее явления с конкретными предметами окружающей действительности, с человеком, его состоянием и поступками.

На чистом, звездном небе было только два облачка и как раз над нами: одно большое, другое поменьше; они одинокие, точно мать с дитятею, бежали друг за дружкой в ту сторону, где догорала вечерняя заря (Страх). Луна и около нее два белых пушистых облачка неподвижно, как приклеенные, висели в вышине над самым полустанком и как будто чего-то ждали. От них шел легкий прозрачный свет и нежно, точно боясь оскорбить стыдливость, касался белой земли, освещал все: сугробы, насыпь... (Шампанское). Два облачка уже отошли от луны и стояли поодаль с таким видом, как будто шептались о чем-то таком, чего не должна знать луна. (там же). Облака стояли неподвижно, точно зацепились за верхушки высоких, старых сосен (Несчастье). Звезды, крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно (Святой ночью)... овес уже поспел и теперь на солнце отсвечивал, как перламутр.

Сопоставляются иногда очень различные, далекие явления.

Сосны и облака стояли неподвижно и глядели сурово, на манер старых дядек, видящих шалость, но обязавшихся за деньги не доносить начальству (Несчастье). Жаворонок повис в воздухе на одном месте и залился, точно в истерике (Моя жизнь)... земля, как падшая женщина, которая одна сидит в темной комнате и ста-

рается не думать о прошлом, томилась воспоминаниями о весне и лете и апатично ожидала неизбежной зимы (Враги).

Предметы, явления, которые Чехов берет для сопоставления, всегда очень просты. Чехов доказал своим творчеством, что секрет поэтичности лежит в простоте и умении отбирать материал из очень известных, повседневно употребляемых слов и выражений.

Своеобразие его сравнений заключается, во-первых, в новизне, необычности и в то же время простоте сопоставления, во-вторых, в умении придать свежесть часто употребляемым сравнениям.

В 80-е годы, когда сравнения были одним из средств юмора, Чехов смело соединял казалось бы, совсем не сопоставимые понятия. То же и в 90-е годы, хотя он не пишет комических рассказов и сравнения уже не являются средством комического.

Полознев, герой повести «Моя жизнь», впервые слышит пение своей бывшей жены.

У нее был хороший, сочный, сильный голос, и, пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, сладкую, душистую дыню.

Способность некоторых людей быстро переходить от плача к смеху и снова к плачу напоминает рассказчику «мельканье и треск ярко горящей свечи, когда на нее брызжут водой» (Тайный советник).

Ему казалось, что голова у него громадная и пустая, как амбар, и что в ней бродят новые какие-то особенные мысли в виде длинных теней (Учитель словесности).

Полознев понимает, что несмотря на свою горячую любовь к Маше, он для нее — лишь эпизодическое лицо. Он сравнивает себя с «извозчиком, который довез ее от одного увлечения к другому» (Моя жизнь).

Владимир Иванович, герой повести «Рассказ неизвестного человека», с горечью сознает, что для любимой женщины он «то же, что вот для этой пальмы паутина, которая повисла на ней случайно и которую сорвет и унесет ветер.»

Бездарный архитектор (Моя жизнь) застроил город домами с визгливыми флюгерами «на толстых, точно сдобных трубах».

В произведениях, где рассказ ведется от первого лица, Чехов иногда пользуется сравнениями несколько иного плана.

С заказчиками они держали себя, как лукавые царедворцы, и мне почти каждый день вспоминался шекспировский Полоний (Моя жизнь). Волнение, с которым мы ожидали приезда гостя, можно сравнить только с тем напряжением, с каким спириты с минуты на минуту ожидают появления духа (Тайный советник). Я, подобно библейскому силачу, поднял на себя Газские ворота, чтобы отнести их на вершину горы, но только когда уж изнемог, когда во мне навеки погасли молодость и здоровье, я заметил, что эти ворота мне не по плечам и что я обманул себя (Рассказ неизвестного человека).

Приведенные сравнения — один из элементов, речевой характеристики рассказчика.

В некоторых случаях сравнения в рассказах Чехова кажутся созданными не их автором, а героями произведения.

Так, в рассказе «Каштанка» собаку встревожил крик умирающего гуся. Она ждет, что будет:

Прошло много времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость; крик не повторялся.

Каштанка видит, как по щекам хозяина «поползли вниз блестящие капельки, какие бывают на окнах во время дождя».

Чехов никогда не описывает внешность персонала подробно. И сравнения не столько дополняют внешний портрет, сколько помогают раскрыть внутренний мир человека, его сущность.

Поздний Чехов, как и ранний, прибегает к сравнению человека с каким-либо животным, птицей. Так, например, в нескольких его произведениях находим сравнение персонажа с птицей. Но насколько отличаются эти сравнения от образов раннего Чехова. Больная старуха напоминает птицу, которой хочется пить:

Нахмутив седые брови и поглаживая бакены, фельдшер стал оглядывать старуху, а она сидела на табуретке сгорбившись и тощая, остроносая, с открытым ртом походила в профиль на птицу, которой хочется пить (Скрипка Ротшильда). На ее истощенном птичьем лице... появилось выражение изумления и тупого страха (Тяжелые люди).

Объяснения в любви холодной, не способной на настоящее чувство Ариадны (Ариадна) напоминают Шамохину пение металлического соловья:

Но я человек нервный, чуткий; когда меня любят, то я чувствую это даже на расстоянии, без уверений и клятв, тут же веяло на меня холодом, и когда она говорила мне о любви, то мне казалось, что я слышу пение металлического соловья.

Жена писаря (В овраге) жадная, хватающая в гостях с тарелок еду, похожа на хищную птицу:

Жена писаря, женщина исхудалая, косая, привела с собой всех своих детей, и, точно хищная птица, косилась на тарелки и хватала все, что попадалось под руку, и прятала себе и детям в карманы.

Мужики, неумело хитрящие, напоминают рассказчику птиц, прячущих за дерево одну только голову (Моя жизнь).

Маша Должмикова (Моя жизнь) вначале напоминает рассказчику бесприютную птицу, попавшую в непривычную обстановку:

У меня с детства осталось в памяти, как у одного из наших богачей вылетел из клетки зеленый попугай и как потом эта красивая птица целый месяц бродила по городу, лениво перелетая из сада в сад, одинокая, бесприютная. И Марья Викторовна напоминала мне эту птицу.

В конце повести возникает опять сравнение с птицей, но уже в ином плане: расставшись с Полозневым, Маша возвращается к прежней жизни. Она идет к Ажогиным, участвует в вечере, поет:

Вот она кончила, ей аплодировали, и она улыбалась, очень довольная, играя глазами, перелистывая ноты, поправляя на себе платье, точно птица, которая вырвалась, наконец, из клетки и на свободе оправляет свои крылья.

Перекликается с этим сравнением предложение, даваемое тремя страницами раньше:

Теперь уж я не нужен ей, она выпорхнет, и я останусь один.

А вот такие сравнения «В коротких брючках, с тощими лиловыми ногами, он ходил по крыше, похожий на аиста» — очень редки в 90-е годы.

Отдельные сравнения приобретают значение символов. Средством разоблачения персонажа, помогающим читателю полнее уяснить себе хищническую натуру Аксиньи (В овраге) является ставшее неотъемлемым от этого образа сопоставление со змеей-гадюкой. Аксинья напоминает змею всем своим обликом, внешностью, манерами:

И в этих немигающих глазах, и в маленькой голове на длинной шее, и в ее стройности было что-то змеиное...

Даже праздничное платье, сшитое ею к свадьбе Анисима, еще больше подчеркивает это сходство:

... зеленая, с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову.

Это сравнение повторяется через несколько страниц:

... она сама правила и при встрече со знакомым выгивала шею, как змея из молодой ржи, и улыбалась наивно и загадочно.

Сравнение Липы с жаворонком еще больше подчеркивает контраст этих двух образов:

Босая, в старой, поношенной юбке, засучив рукава до плеч, она мыла в сенях лестницу и пела тонким серебристым голосом, а когда выносила большую лохань с помоями и глядела на солнце со своей детской улыбкой, то было похоже, что это тоже жаворонок.

В рассказе «Враги», рисуя наружность Абогина, Чехов говорит о сытости и апломбе, «какими дышала вся его фигура». Немного ниже упоминается, что в доме его доктор «заметил чучело волка, такого же солидного и сытого, как Абогин». Это сравнение волка с хозяином дома (интересно, что не Абогина с волком) заметно снижает образ, являясь как бы переходом к обличающим его словам доктора (... жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью).

Интересно сопоставить два сравнения, относящиеся к девочкам, в рассказах «В усадьбе» и «Мужики»: в первом говорится о двух дочках Лосевых, «здоровых, сытых, похожих на булки». В то же время в «Мужиках» для крестьянских полуголодных девочек Чехов находит другое сравнение:

Девочки, сидя и лежа на печи, глядели вниз, не мигая: казалось, что их было очень много — точно херувимы в облаках.

Часто сравнение совершенно изменяет смысл предложения. В рассказе «Певчие» о регенте хора говорится:

Алексей Алексеич, высокий, плотный мужчина с солидной походкой...

Характеристика довольно общая. К сказанному автор добавляет описание лица — «и бритым, жирным лицом», завершая предложение совершенно неожиданным сравнением — «похожим на коровье вымя.»

Она была в черном платье, с коралловой ниткой на шее, с брошью, похожею издали на слоеный пирожок, и в ушах были большие серьги, в которых блестело по брильянту (Моя жизнь).

Неожиданное сравнение броши со слоеным пирожком подчеркивает безвкусицу в наряде Клеопатры Полозневой, умение одеваться. Сравнения позволяют судить об авторском отношении к героям произведений:

Губы у него были сердечком и стриженные усики имели такой вид, как будто были приклеены лаком. Это был человек с манерами ящерицы (Рассказ неизвестного человека).

Сравнения делают очень выразительным образ «человека с манерами ящерицы», скользкого, липкого, вызывая ассоциацию с Лосевым, персонажем рассказа — «У знакомых»:

Он то и дело целовался, и все по три раза, брал под руку, обнимал за талию, дышал в лицо, и, казалось, что он покрыт сладким клеем и сейчас прилипнет к вам; и это выражение в глазах, что ему что-то нужно от Подгорина, что он о чем-то сейчас попросит, производило тягостное впечатление, как будто он прицеливался из револьвера.

Сравнение может сообщать характеристике иронический оттенок:

Он привел ее в избушку, к пожилой даме, у которой нижняя часть лица была несоразмерно велика, так что казалось, будто она во рту держала большой камень.

Сравнение, введенное Чеховым в описание наружности супруги «его сиятельства» в рассказе «Анна на шее», является основным признаком этого персонажа. Автор не наделяет ее ни именем, ни фамилией, называя в дальнейшем просто «пожилой дамой с камнем во рту».

Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком, и прислуга то и дело звала ее то кушать, то чай пить (Дом с мезонином).

Много внимания уделяется выражению лица, душевному состоянию человека. Большую роль здесь играют определения и сравнения.

Обыкновенно выражение ее старческих глаз было мученическое, кроткое, как у собаки, которую много бьют и плохо кормят, теперь же она глядела сурово и неподвижно, как глядят святые на иконах или умирающие (Горе). Варя, сестра Мани, вбежала в кабинет с бокалом в руке и с каким-то странным, напряженным выражением, точно у нее рот был полон воды... (Учитель словесности). Выражение лица его было злое, капризное и рассеянное, как у человека, который страдает и в то же время обязан слушать вздор (Несчастье). Я взглянул на лицо Савки. Оно было бледно и морщилось брезгливою жалостью, какая бывает у людей, когда они видят мучимых животных (Агафья).

Сравнения, употребляемые здесь, исключительно просты, и в то же время подобраны так убедительно, что сразу возникает именно то впечатление от образа, которого и добивается автор.

С выражением девочки, которой очень хочется шалить, она легко вздохнула и опять засмеялась (Рассказ неизвестного человека). ... дочь же ее Лукерья, деревенская баба, забитая мужем, только шурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой (Студент). Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлинула, слезы крупные, изобильные, потекли по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слов, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль (там же). Душевное состояние у меня было такое, будто я по чьему-то приказанию шел с рогатиной на медведя (Моя жизнь).

Чехов берет материал для сравнений из окружающей действительности:

Где-то далеко, неизвестно где, кричала выпь, точно корова, запертая в сарае, заунывно и глухо (В овраге).

Рука нелюбимого жениха кажется Наде (Невеста) «жесткой и холодной, как обруч».

Очень конкретные сравнения находит Чехов и для отвлеченных понятий:

Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная, и что все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру (Невеста). И он подумал, что, вероятно, сама природа дала человеку эту способность лгать, чтобы он даже в тяжелые минуты душевного напряжения мог хранить тайны своего гнезда, как хранит их лисица или дикая утка (Тяжелые люди).

Нередко Чехов подбирает материал для сравнений из самого текста произведения.

Предметы, явления, отдельные черты внешности и характера персонажа сравниваются с тем, о чем уже говорилось в тексте:

И почему-то теперь вся эта ресторанный роскошь, бывшая на столе, показалась мне скудной, воровскою, похожею на Полю (Рассказ неизвестного человека). Татьяна Ивановна была робка, конфузлива и благо нравна, ходила тихо и плавно, мало говорила, редко смеялась, и вся жизнь ее была так же ровна и плоска, как лицо и гладко прилизанные волосы (Тайный советник). Сходились во время карт жены чиновников, некрасивые, безвкусно наряженные, грубые, как кухарки, и в квартире начинались сплетни, такие же некрасивые и безвкусные, как сами чиновницы (Анна на шее).

Среди чеховских сравнений большое место занимают совсем не оригинальные, взятые целиком или почти целиком из общенародного языка:

Когда я вернулся в гостиную, Зинаида Федоровна, бледная, как мертвец, стояла среди комнаты и большими глазами смотрела мне навстречу. (Рассказ неизвестного человека). . . в сумерках показалась моя Ариадна, изящная и нарядная, как принцесса . . . (Ариадна). На воде, гладкой, как зеркало, изредка ходили круги да вздрагивали речные лилии, потревоженные веселою рыбой (Моя жизнь). Лошади были белые, как снег, стройные, сытые

и поразительно похожие одна на другую. (Новая дача). А пиво ужасное, горькое, как полынь (В овраге). Засветились лампадки, столы покрылись белыми, как снег, скатертями, на окнах и в палисаднике показались цветы с красными глазками... (В овраге). Зинаида Федоровна заговорила о чем-то быстро, вполголоса, она говорила по-французки, и речь ее журчала, как ручей... (Рассказ неизвестного человека)... Адольф Андреич Бруни (так звали хозяина) суетился около закусочного стола, как на пожаре, наливал рюмки, подкладывал в тарелки и все старался, как бы угодить, рассмешить, показать свое дружелюбие. Он хлопал по плечам, заглядывал в глаза, хихикал, потирал руки, одним словом, ласкался, как собака (Учитель). Сияя и закатывая свои сентиментальные глаза, немец с чувством потряс руку Сысоеву и опять заласкался, как собака (там же). Она льстила Орлову и, чтобы добиться от него неискренней улыбки или поцелуя, стояла перед ним на коленях, ласкалась, как собачонка (Рассказ неизвестного человека). Дочь Ефимья после свадьбы уехала с мужем в Петербург, прислала два письма и потом — как в воду канула: ни слуху, ни духу (На святках)... часы как в воду канули (там же)... она погналась за ним, как кошка за мышью, и, мешая ему затворить за собою дверь, крикнула, что ненавидит его всею душой (там же). Я служил по различным ведомствам, но все эти девять должностей были похожи одна на другую, как капли воды. (Моя жизнь). Но все это только на первых порах, потом же я привык, и все пошло, как по маслу (Моя жизнь)... для меня было ясно, как день, что этот слабый больной старик теперь в моих руках (Рассказ неизвестного человека). Как вдруг в самый разгар работ получаю письмо с итальянской маркой. И клевер, и пасека, и телята, и крестьянская девушка — все разлетелось, как дым (Ариадна). Снег был глубокий; его много еще подвалило в конце марта, но он растаял быстро, как по волшебству, вешние воды прошли буйно, так что в начале апреля уже шумели скворцы и летали в саду желтые бабочки (Моя жизнь)... рядом и ниже сидели бабы и голосили, как по покойнике (Мужики). А потом, немного погодя, из черной канавы, как тень, поднялась белая фигура и тоже остановилась на валу (У знакомых). Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила

за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была... (Дама с собачкой). Вдруг мелькнула тень и перед нами, словно из земли выросши, предстал Гундасов (Тайный советник). Долго стоял он, как вкопанный, и глядел на след, оставленный полозьями (На пути). Само собой разумеется, что при такой скупости на движения Савка был гол, как сокол, и жил хуже всякого бобыля (Агафья)... и они, стоя теперь, как вкопанные, не замечали ни присутствия чужого человека, ни беспокойства собаки (Счастье). Станный человек двигался, как на пружинах, и болтал без умолку, не давая матушке сказать ни слова (Тайный советник).

Подобных сравнений у Чехова множество. Однако в тексте произведения они не производят впечатления шаблонных, часто встречающихся выражений. Напротив, вместе с другими словами, такими же простыми и широко распространенными, они составляют чеховскую фразу, ясную, точную, поэтическую.

Чрезвычайно интересным представлялось бы проследить по рукописям и корректурам чеховских произведений работу писателя над сравнением, как он подбирал материал, какие варианты отбрасывал. Сохранившиеся чеховские рукописи почти не представляют такого рода примеров. Редактируя произведения для переиздания, Чехов устранял отдельные сравнения, заменял одно другим, вводил в текст новые. Так, в корректуре рассказа «Ариадна» Чехов зачеркнул сравнение, имевшееся в беловой рукописи. Характеристика внешности Ариадны, даваемая рассказчиком, в беловой рукописи читалась так:

Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, как угорь, стройная.

Правя корректуру рассказа, Чехов выбрасывает сравнение «как угорь». Это сравнение, дополняющее характеристику Ариадны — «тонкая, гибкая», находилось в некотором противоречии с последующим определением «стройная». Можно предполагать, что по этим причинам оно и было снято автором.

Сопоставление первой и последующей редакций произведения дает довольно большое количество примеров устранения сравнений. Этот вид правки составляет часть общей работы Чехова над текстом, сокращения его за счет отдельных слов, частей предложения, нередко целых предложений. Устранение сравнений являлось иногда главной целью редакции пред-

ложения. Чехов вычеркивает сравнения, не являющиеся необходимыми, ничего не прибавляющие к характеристике образа.

...он нашел здоровеннейшего мужика, угрюмого, рябого, неподвижного, как соляной столб, и одетого в рваную сермягу и лапти (Пересолил, 1885 г.).

Ее тоненькие ручки и ножки дрожали, как осиновый лист (Трагик, 1883 г.).

Чехов избавляется от некоторых малохудожественных сравнений, характерных для периода Чехонте.

Покупатели, не мигая, глядят на ее спину: доктор жмурится, как сытый кот, а поручик очень серьезен (Аптекарьша, 1886 г.).

Но доктора легко найти только тогда, когда он не нужен, а ночью он недосыгаем, как вершина Арарата (Неосторожность, 1881 г.).

Из рассказа «Весной» было изъято развернутое сравнение, составлявшее целое предложение. После слов — «Деревья голы, но уже живут, дышат» — Чехов в тексте собрания сочинений вычеркнул: «Они похожи на тех голых франтов, которые стоят в жидовских портновских лавках и радуются, что сейчас на них наденут новый, самый модный костюм.»

Редактируя рассказ «Несчастье», автор снял сравнение, снижавшее тон повествования:

...потом лениво поднялась и, как собака с отдавленными задними лапами, поплелась в спальню.

В других случаях сравнение устранялось, так как все предложение, в состав которого входило это сравнение, удалялось из текста или претерпевало переделку, чаще всего сокращения.

Так, при редактировании рассказа «Дамы» в числе вычеркнутых предложений было следующее, содержащее сравнение:

Он нашел здоровеннейшего мужика, угрюмого, рябого, одетого в рваную сермягу и лапти (1891 г.).

Ее тоненькие ручки и ножки дрожали (1899 г.).

Покупатели, не мигая, глядят на ее спину и ухмыляются (1899 г.).

Но доктора легко найти только тогда, когда он не нужен (1900 г.).

потом лениво встала, поплелась в спальню (1900 г.).

Пришлось лгать, лгать . . . лгать до того, что покраснели даже корни волос и заплетался язык, как у пьяного.

Из рассказов поздних, 90-х годов, при переиздании вычеркиваются развернутые сравнения, несколько громоздкие, не такие простые, как весь стиль рассказа:

Ирония Орлова и его друзей не знала пределов и (подобно больному волку, который на своем пути рвет все, — и людей, и солому, и камни,) не щадила никого и ничего. Когда Поля подавала ей что-нибудь или даже только проходила мимо, звеня своим браслетом и треща юбками, то она вздрагивала (и пугливо пожималась, как будто мимо нее проходила буйволица, которая могла задеть ее рогами и хвостом) (Рассказ неизвестного человека). И она ждала, когда сама Варвара скажет что-нибудь (Так пассажиры на пароходе боятся заговорить с капитаном об опасности на море и ждут, когда он сам заведет речь об этом) (Именины).

Случаи замены одного сравнения другим очень редки, единичны. Редактируя рассказ «Неосторожность», Чехов следующим образом изменил описание состояния, овладевшего героем рассказа после того, как он выпил керосину вместо водки:

. . . по всему телу пробежало ощущение лопнувшей гранаты. (1887 г.).

. . . по всему телу пробежало ощущение, как будто он упал в болото, полное пиявок (1900 г.).

Подобная замена произведена в последнем варианте рассказа «Счастливчик»:

Новобрачный падает на диван и ежится, как змея, которой наступили на хвост (1886 г.).

Новобрачный падает на диван и ежится, точно ему наступили на мозоль (1899 г.).

Некоторые случаи замены трудно объяснить даже предположительно. Таковы варианты в рассказе «Анна на шее»:

В воображении Ани все эти силы сливались в одно и в виде одного страшного кома надвигались на слабых и виновных, как ее отец, и она боялась сказать что-то против . . .

В воображении Ани все эти силы сливались в одно и в виде одного страшного громадного белого медведя надвигались на слабых и виноватых, таких, как ее отец, и она боялась сказать что-то против . . .

Случаи введения нового сравнения в последний вариант рассказа представлены в последнем тексте этого рассказа.

Мазурку она танцевала с тем же громадным офицером; он важно и тяжело, словно туша в мундире, ходил, поводил плечами и грудью, притоптывал ногами еле-еле — ему страшно не хотелось танцевать, а она порхала около... Это был чиновник среднего роста, довольно полный, пухлый, очень сытый. Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежее выбритое, голое место, которое постепенно переходило в жирные, дрожащие, как желе, щеки.

Чехов предпочитает очень короткие сравнения, так называемые сравнительные обороты, а не придаточные сравнительные. Исключений отсюда не так много, они наблюдаются, главным образом, в рассказах конца 80-х годов, в речи рассказчика в произведениях 90-х годов.

Всем его существом, от головы до ног, овладело ощущение бесконечного счастья и жизненной радости, какую, вероятно, чувствовал первый человек, когда был создан и впервые увидел мир (Тиф). Идя из залы к себе в кабинет, он поднимал правую ногу выше, чем следует, искал руками дверных косяков, и в это время во всей его фигуре чувствовалось какое-то недоумение, точно он попал в чужую квартиру или же первый раз в жизни напился пьян и теперь с недоумением отдавался своему новому ощущению (Враги). Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры, и умирающую где-то женщину (там же).

Исследователи языка и творчества Чехова, касаясь вопроса о сравнениях, обычно больше останавливаются на совершенно новых, оригинальных, составленных Чеховым. Но новаторство Чехова, как нам кажется, сказалось и в том, что он «сверкать заставил заново» как будто примелькавшиеся, на каждом шагу попадающиеся сравнения, показав этим, какие неиссякаемые возможности для писателя таятся в каждом слове русского языка.

Н. П. РАЗДОРОВА

ОБ ОБРАЗНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Паустовский относится к тем писателям, которые, воплощая в своем творчестве лучшие традиции прошлого, вносят свой вклад в расширение и обогащение средств образного выражения.

Задача настоящей статьи — рассмотреть некоторые приемы образного словоупотребления К. Г. Паустовского.

Для выявления художественного своеобразия писателя совершенно необходимо сопоставление его творчества с творчеством современников, предшественников. В своей работе мы пользовались материалами картотеки Словарного сектора института русского языка АН СССР¹, где собран богатый материал по употреблению слов в разных стилях речи.

* * *

Свежие образные употребления возникают благодаря тому, что слова перемещаются в необычное стилистическое окружение, в результате чего происходят семантические сдвиги в значениях, иногда очень резкие, неожиданные, иногда еле уловимые, но в большинстве случаев легко объяснимые замыслом автора, контекстом произведения и, более того, единственно необходимые в эстетическом плане.

Своеобразны у Паустовского образные определения, возникающие по образцу общенародных переносных употреблений на основе сходства предметов или явлений по цвету, по характеру эмоционального воздействия на человека или на основе ассоциативной связи по смежности явлений окружающей действительности.

¹ В дальнейшем сокращено — Картотека АН.

Например, для обозначения черного цвета писатель употребляет самые разнообразные образные определения: аспидный; с грифельным оттенком; смоляной; чернильный; чугуновый; цвета блестящих чернил; похожий на черное, косо поставленное зеркало и т. п.

Иногда прилагательное, обозначающее цвет, служит определением к существительному, не имеющему цветового признака; *черная весна*:

Была *черная весна*, похожая на осень, подмерзшая листва хрустела под ногами, свежий воздух резал легкие (Романтики, I, 76).²

Художественное определение *черный* в этом сочетании не обозначает цвета, а несет большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Тесно соприкасаясь с восприятием действительности героем, оно создает основной тон повествования.³ Автор описывает время, когда герой его, голодая, «скитался по дешевым трактирам». Кругом было безотраднo, хмурo: *угрюмые площади, монотонные закаты, нахмуренные дни, гнилостный туман, опухшее от влаги небо*. В зависимости от этой обстановки и весна кажется неприветливой, *черной*.⁴ (ср. общенародные употребления, искусно применяемые здесь Паустовским: *черная тоска, черная весть и на черный день*).

Богат в произведениях Паустовского синонимический ряд определения *серый*: дымный, туманный, седой, ртутный и т. п.

Прилагательное *ртутный* употребляется писателем для определения особого оттенка серого цвета:

Когда дул ветер, *леса* внезапно меняли темный цвет и становились *ртутными*. Ветер переворачивал листву

² Здесь и в дальнейшем примеры даются по Собранию сочинений К. Паустовского в шести томах. ГИХЛ, М., 1957; примеры из «Рождения моря» по книге — «Константин Паустовский. Избранное». М. 1952. Римской цифрой в примерах обозначается том, арабской — страница.

³ Ср. выбор художественных определений в повести «Кара-Бугаз» (глава «Черный остров») в связи с поставленной автором задачей. На палитре художника только две краски, два контрастных цвета: черный и желто-красный. Сочетание этих тонов создает мрачную картину, усиливает трагизм и безысходность положения пленных красноармейцев, высаженных на необитаемый остров: черные волны, черный остров, черная тень, черные обмотки; рыжий дым, желтый огонь, желтая труба, желтое лицо, желтый ноготь, ледяная заря желтеет, красный карандаш в руках красного от ветра капитана и т. п.

⁴ ср. «...мечты об океане, о серебряных веснах (Блisterающие облака I, 367) или у Шолохова: «голубая весна» — символ радости, счастья, как и в следующих выражениях: «синие елочные ночи» (Блisterающие облака, I, 293), «синие радостные ветры» (Блisterающие облака, I, 301), «думы о голубых городах» (Этикетки для колониальных товаров, IV, 364).

ольхи, снизу она была серой. . . . леса шумели и качались волнами тусклого серебра (Колхида, I, 536).

В самом тексте расшифрован смысл этого выражения. *Ртутные леса* — похожие цветом на ртуть, с тускло-серой, серебристой листвой.

Или *ртутный дым*:

Ртутный дым опустился на крыши (Подводные ветры, VI, 454).

Горький сочетает *ртутный* со словом *глаза*:

. . . *ртутные глаза* на несколько секунд прекратили свой трепет (Жизнь Клима Самгина, 465).⁵

Способность ртути переливаться, дрожать, трепетать дало возможность Горькому использовать образное определение *ртутный* для характеристики человеческих глаз, быстрых, дрожащих, трепещущих.

В. Гроссман использует другое качество ртути — тяжесть при создании образного определения *ртутный дождь*. Серебристо-белый цвет, свойственный ртути, здесь не выделен; контекст разъясняет: дождь тяжелый, как ртуть:

День и ночь моросил холодный, тяжелый, как ртуть, дождь. Пилотка, пропитавшись этим *ртутным дождем*, казалась тяжелей металлической каски; шинель набрякла, тянула к земле, гимнастерка, рваная рубаха облепляли тело, мешали дышать (За правое дело, 161).

Интересно проследить появление новых оттенков значений у слова *седой* в произведениях Паустовского.

Обычно *седой* обозначает белый, серебристый вследствие потери краски (о волосах).⁶

Общезыковое переносное значение возникает на основе сходства по цвету; *седой* — побледневший, серебристый. Такое употребление мы находим у многих поэтов и писателей: *седые туманы* (Карамзин), *седые волны* (Прутков, Фет), *седое облако* (Левитов), *седая туча* (А. Толстой), *седой пепел* (Полевой), *седое небо* (Гладков), *дождь казался седым* (Паустовский). Причем следует отметить, что у Паустовского этот общезыковой перенос по цвету в большинстве своем дается с подготовкой или последующим разъяснением:

Пролив был седой от бурунов (Черное море, II, 149).

⁵ Все примеры из других авторов, взяты нами из Картотеки АН.

⁶ Толковый словарь современного русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. М. 1934—1940.

Своеобразное употребление имеет слово *седой* в следующем тексте:

До Нового года оставалось два дня. Это были чудесные дни — заиндевелые и седые от тумана (Далекie годы, III, 517).

Здесь слово *седой* сочетается с существительным отвлеченного значения *день*⁷, так же, как и в следующем примере:

Короткие дни поседели от изморози. Серый снег, смешанный с глиной, угрюмо лежал на земле, на бетонных массивах, на машинах и берегах Дона (Рождение моря, 596).

А в другом примере определяется существительное *небо*:
...небо, подернутое сединой (Кара-Бугаз, I, 409).

Часто *седой* ассоциируется с древним, давним, очень старым: *седая песня* (Шишков), *седая легенда* (Скиталец) и т. п.

У Паустовского — *седая печаль*, где *седой* также характеризует отвлеченное понятие (ср. *седые века* — Серафимович, А. Толстой, Гоголь, *седой мир* — Маяковский, *седая боль* — Иванов).

У Паустовского *печаль* овевана романтической дымкой, она опозитизирована образным определением *серебряный*: *серебряная седая печаль* (приглушенная временем, неяркая, как серебро) (Романтики, I, 50).

Часто встречается совмещение двух значений (цвет и древность, давность). Например, в «Северной повести»:

В черной мгле смутно виднелась *седая* неподвижная *грозда корабля* (II, 229).⁸

И, наконец, *седой* имеет глубокую эмоциональную окраску в выражении *седые сердца*:

Яличники с Северной стороны прозвали капитана Баранова «очевидцем». В это слово яличники, считавшие себя знатоками морских событий, вкладывали всю язвительность, на какую были способны.

Зависть грызла их *седые сердца*. Законная зависть мучила яличников, потому что Баранов славился редкой особенностью — этот человек был очевидцем многих замечательных случаев и событий (Черное море, II, 110).

⁷ ср. «...осенние дни, как бы покрытые сединой» («Рождение моря», 614).

⁸ Ср. *седой незыблемый Кавказ* (Лермонтов), *старые седые волье* (Горбатов), *седые утесы* (Чуркин), *седая Онега* (Дудин) и т. п.

Седые сердца — здесь символ мудрости, большого жизненного опыта.⁹

Таков путь развития слова *седой* в произведениях Паустовского от обозначения цвета через характеристику древности, давности к символу мудрости.

Таким образом, мы видим, что самое обычное слово, обогащаясь семантическими оттенками, становится многообъемным, образным, изменяется в зависимости от употребления. Конечно, ведущую роль при этом играет (в связи с замыслом автора) само сочетание слов, благодаря которому они приобретают способность изображать, становиться образными, выразительными.

* *
*

Образные определения часто возникают у Паустовского и на основе сходства явлений по характеру эмоционального воздействия на человека. Как правило, это метафорические эпитеты, носящие психологическую окраску: *боязливый свет, взволнованная зыбь, растерянный город, зловещая туча* и т. п.

Паустовский охотно прибегает к образным определениям с психологической окраской. Они используются писателем для антропоморфизма и помогают глубже раскрыть внутренний мир героя, его настроение.

Иногда для эмоциональной характеристики одного и того же предмета или явления автор употребляет разные образные определения. Такое варьирование объясняется в каждом отдельном случае авторским заданием. Показательны в этом отношении изображенные Паустовским панорамные картины гроз. Для характеристики этого явления природы употребляются различные психологически окрашенные определения, например:

Вороватая молния опалила глаза (Повесть о лесах, II, 347).

Я открыл дверь и при *воровском блеске молний* увидел Полину (Золотая роза, II, 536).

⁹ Ср. *седые глаза* (Шолохов, Тихий Дон, II, 153) — не только по цвету, а угасшие, лишённые жизни; или: «Видали ли вы когда-либо *глаза, словно присыпанные пеплом*, наполненные такой неизбежной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника...» (Судьба Человека, ГИХЛ, М., 1957, стр. 9). «Искося взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно бы *мертвых, потухших глазах*» (там же, стр. 15).

(ср. *вороватый, воровской взгляд* — нечестный, плутоватый).

Новое сочетание, сохраняя прежние логические связи со старым, вызывает представление о неожиданной, быстрой молнии, сверкнувшей едва уловимо, исподтишка.

Сад тихонько зашумел листвою, туча придвинулась, и *веселая молния* как бы распахнула во всю глубину огромное небо (Квакша, V, 525).

Иную, противоположную характеристику дает автор в изображении картин природы после грозы. Молнии уже *обессиленные, бледные, медленные, запоздалые*:

Пусть этот проливной дождь длится хоть до утра, лишь бы сидеть здесь, в шалаше, и видеть, как уже *обессиленные, бледные молнии* освещают лицо Анфисы, ее темные узкие брови (Повесть о лесах, II, 345).

Интересно словоупотребление определения *родниковый*: *родниковый сон, родниковый ветер, родниковый воздух, родниковая земля* и т. п.¹⁰

Ложился я поздно, — крепкий *родниковый сон* был легок (Романтики, I, 49).¹¹ В столовой со свежих букетов падали на скатерть капли воды. *Родниковый ветер* продувал комнату (Блестящие облака, I, 282).¹² Я спал очень долго и, проснувшись, понял, что лучшее, что есть в мире, — *родниковый воздух* и горная тишина (Блестящие облака, I, 390). Мне хотелось целовать эти косы, этот ветер, эту холодную *родниковую землю* (Золотая роза, II, 546).

Глубокое, чистое безмолвие характеризуется писателем также в сравнении с родниковой водой:

Батурин открыл окно и остановился, пораженный *безмолвием*, чистым, как *родниковая вода* (Блестящие облака, I, 250).

Таким образом, явления, которые человек не может воспринимать зрительно, описываются Паустовским преимущественно с помощью субъективных (эмоционально окрашен-

¹⁰ Ср. *родниковые глаза* у Шолохова, Бубеннова; *родниковой свежести воздух* у Лидина.

¹¹ Ср. *родниковая вода* — чистая, холодная, освежающая; «*родниковый сон*» — приятный, освежающий, как глоток родниковой воды в жаркий, душный день.

¹² Ср. «*свежей водой лился ветер*» («Романтики», I, 300); «*воздух чист, как родниковая вода*» («Золотая роза», II, 569).

ных) образных определений. Причем эти определения на редкость неожиданны, оригинальны и всегда соответствуют эмоциональному тону пейзажа. Например, при существительном *тишина*: свежая, теплая, темная, черная, солнечная, ночная, глубокая, звенящая, внезапная, вековая, мертвая, сырая, печальная, великая, горная, тонкая, прекрасная, земная, зимняя, весенняя и т. п.

То же разнообразие образных определений мы находим и при существительном *темнота*: неясная, прозрачная, тихая, гудящая, сырая, лиловая и мягкая и т. п. и при существительном *теплота*: сырая, сонная, мокрая и т. п.

* *
*

Наряду со зрительными и эмоционально окрашенными образными определениями у Паустовского очень распространены так называемые ассоциативные, имеющие прямые связи с предметами и явлениями окружающего мира (обычно содержащиеся в сравнениях), или скрывающиеся в глубоком лирическом подтексте и обнажаемые лишь при очень внимательном рассмотрении.¹³ Приведем примеры:

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло *сладким дымом, как бывает на елке* (Снег, V, 60).

Сладкий дым — это приятный аромат, исходящий от восковых свечей в новогоднюю ночь. Паустовский называет эти ночи *елочными*; они полны мелодичного звона часов, иногда в такие ночи кажется, что *звенит зима*.

(Этот звон — Н. Р.) помогал писать, вызывал *стеклянные сны* — чистые и тонкие, разбивавшиеся при пробуждении на тысячи осколков, как бьется хрустальный стакан (Блестящие облака, I, 399). Вспомнилась осень у моря, в сухом дыму, ветре и треске стручков желтой акации, *осень в Москве, холодная и вяжущая, как антоновка* (Романтики, I, 156).

Сравнение осени с холодной и вяжущей антоновкой кажется надуманным. Подтекст заключает неуловимые сопоставления: осень — пора созревания овощей, фруктов, удивительным ароматом которых наполнен воздух.

¹³ Очень интересные наблюдения по этому поводу содержатся в статье Л. С. Ковтун, «О построении словарной статьи». Лексикографический сборник, вып. I. М. 1957 г., стр. 91.

Такого же рода сопоставления содержатся и в следующем примере:

В прозрачной воде качались красные турецкие фелюги, груженные до бортов золотыми апельсинами. Их запах, как запах восточной земли, был прохладен и прян, и эта осень была, как сок апельсинов, также прохладна и терпка своей милой печалью (Этикетки для колоннальных товаров, IV, 367).

* * *

Мы приводили выше примеры неожиданных языковых сцеплений, которые были разъяснены в контексте: *ртутные леса*, *седые дни*, *седые сердца* и т. п.

Интересно подробнее остановиться на этом вопросе, проследить, как в самом контексте Паустовский подготавливает или раскрывает смысл образных выражений. Показательна в этом отношении подготовка образного выражения *сухой дождь*:

Сотни снежных хлопьев падали сверху, серебрясь в косых лучах солнечного света, придававшего зимним чащам таинственное освещение. Хлопья падали, задевали за ветки, рассыпались в длинные, медленно спускавшиеся к земле полосы белой пыли. Они шуршали вокруг, как *сухой дождь* (Северная повесть, II, 205).

Для сравнения снега с дождем вводятся такие признаки дождя, как серебристый цвет, паденье сверху непрерывной полосой и шуршанье — звук, сопровождающий тихий, мелкий дождь. Но дождь этот необычен — сыпаться, шуршать могут только легкие, мелкие, сухие частицы. Отсюда выражение — *сухой дождь*.

Расшифровано в тексте и художественное выражение *слюдяной город*:

Город был весь какой-то *слюдяной* — должно быть от *белого блеска*, исходившего от озера, и от *белесого*, невзрачного, но милого неба (Золотая роза, II, 617).

А в следующем примере *слюдяной* дается с подготовкой и последующим разъяснением:

Перед вечером «Смелый» шел уже по *Белому озеру*. Оно было действительно *белое* — *слюдяное и бледное* (Северная повесть, II, 296).

Чтобы использовать образные определения *косые струи дождя*, *косые деревья*, *косой полет ворон*, Паустовский подго-

тавливает наше внимание сравнением осеннего пейзажа с видом картины, косо повешенной на стене (Судьба Шарля Лонсевиля, IV, 57).

Синий и зеленый шлейф моря, похожий на павлинье перо, подсказан сказочной картинкой — девушка со шлейфом красного блестящего платья:

Елочка уткнулась в подушку и долго плакала. Наконец она уснула. Ей приснилось, что солнце взошло в ее комнату, но потом оказалось, что это не солнце, а молодая девушка в блестящем платье, и шлейф этого платья никак не мог поместиться в комнате и шумел шелком за открытой дверью.

Море шумело за открытой дверью дома и играло то синим, то зеленым шлейфом, похожим на павлинье перо (Колхида, I, 595).

Расшифровано в тексте и выражение *сырой блеск*:

С зарослей липы и бересклета капала роса. Столько *сырого блеска* было вокруг, что он (Чайковский — Н. Р.) невольно прищурил глаза (Повесть о лесах, II, 310).

Также и выражение *рыжая осень*:

После Старого Крыма пустынная дорога вошла в леса. *Рыжая осень* мчалась по сторонам. *Леса были заржавлены*, их покрывала *желтая плесень* (Потерянный день, IV, 572).

Или *мертвая тишина*:

Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне казалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую *тишину называют «мертвой»*. Умер дождь, умер ветер, умер шумливый беспокойный сад (Прощание с летом, IV, 645).

Подобного рода «происхождение» имеют у Паустовского и определения *хрустящий иней*, *темная тишина* и др.

На примере раскрытия образных определений, взятых нами из разных по времени написания произведений, мы видим, что подготовка художественной детали, разъяснение образных выражений в самом тексте — прием, широко используемый Паустовским как в ранних, так и в поздних произведениях.

* * *

Остановимся на лексике с измененными значениями, где семантические сдвиги настолько незначительны, что их трудно,

на первый взгляд уловить, и только при очень тщательном рассмотрении (каждый раз в сравнении с другими авторами) становится очевидной разница в употреблении одинаковых слов, выявляется новый оттенок в зависимости от замысла автора, от словесного окружения.

Очень распространен в произведениях Паустовского перенос значения по зрительному восприятию:

Вскоре сквозь тучи пробилось солнце. Старый пушкинский парк в Михайловском и крутые берега Сороти запылали рыжей глиной и мокрой травой (По ту сторону радуги, V, 534).

Анфиса сидела далеко, на крутом берегу, под вязом, и красный ее сарафан пылал на солнце (Повесть о лесах, II, 333).

Солнце уже село за порубкой. Оно обрушило на землю столько червонного золота, что все вокруг пылало (Повесть о лесах, II, 463).

Привычны выражения: *пылали цветы* (Гладков), *пылал луг* (А. Толстой), *березовая роща пылала* (В. Лукашевич), *пылали листья* (Сергеев-Ценский) и т. п.

У Паустовского *пылала осень*:

На кладбище *пылала осень*. Солнце просвечивало через листья, как через нежные ладони, полные розовой крови (Черное море, II, 19).

В прямом значении — пылает огонь, костер; дрова пылают — все, что горит, издавая сильный свет, сильный жар.¹⁴

Деревья в разноцветном осеннем наряде, освещенные солнцем, излучали яркий свет, пылали, как горящий костер.

В картотеке АН нам встретилось подобное употребление синонимического глагола *полыхать* у А. Караваевой:

... *полыхало богатство осени*.

Иной стилевой оттенок имеет глагол *пылать* у Паустовского в следующем тексте:

Начинался август. Он пылал невыносимым пожаром.

... Пыль залепляла поры на коже. Люди не могли потеть, и от этого ощущение духоты доходило до головокружений (Кара-Бугаз, I, 508).

Здесь перенос значения по ощущению тепла.¹⁵

* * *

¹⁴ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.
¹⁵ Ср. *жара над землей полыхает* (Светлов), *полыхает зной* (Щипачев).

Образные употребления создаются Паустовским и по образцу перифразы: *золотые пчелы* (электрические лампочки на кораблях в темную ночь), *ветвистая струя огня* (молния), *пушистые седые шмели* (молодые почки березовой лозы), *стальные порванные нервы* (струны рояля) и т. п.

Позади нас на военных кораблях вспыхнула иллюминация. Мы смотрели на нее из города.

Золотые пчелы густо облепили военные корабли (Черное море II, 44).¹⁶

Усиливает образность и подкрепляет сходство огней с пчелами глагол *облепили*.

Еще примеры:

Небо расколосось вдребезги *ветвистой струей огня*. (Повесть о лесах, II, 344).¹⁷

Здесь очень удачное индивидуально-авторское образование — *ветвистая струя огня* (молния), в которой на первый взгляд выступают собственно изобразительные функции. Очевидно, здесь сравнение происходит как по действию — непрерывности потока (льется, течет непрерывно), так и по зрительному, внешнему восприятию: линия разветвления, раздробленная на отrostки, ветки.

По всем веткам березовой лозы уселись рядами *пушистые седые шмели* — *молодые почки* (Маша, V, 302). Один раз она (Анфиса — Н. Р.) посмотрела вниз. На серой земле *горели тысячи маленьких желтых свечей* (Повесть о лесах, II, 440).

С самолета белые стволы берез казались горящими свечами, пожелтевшая и освещенная утренним солнцем крона — пламенем свечи.

Эти описательные обороты являются обозначением предмета, характеризующим ту его сторону, которая в данном контексте особенно значительна.

¹⁶ Ср. *Десятками золотых пчел растекались по улицам свечи* (Романтики, I, 172). Здесь большая метафоризация, или «большая мера отвлечения от прямого значения» (Л. С. Ковтун) ввиду того, что взаимосвязанный с предметом и образом глагол «растекаться» содержит большую образность, вовлекая всю цепь слов в метафорическую связь.

¹⁷ Ср. у Жуковского: Вдруг... *страшной молнии струей свод неба раздвоила* (Громобой), у Языкова: *Зубчатой молнии бразда Огнем рассыплется пурпурным* (Тригорское), у Тютчева: Вот пробилась из-за тучи *Синей молнии бразда* (Гроза), у Лермонтова: Вкруг скал *огнистой лентой вьется Печальной молнии бразда* (Гроза), у Лескова: ... *разражается огненною молоньей* (Островитяне), у Горького: Черное небо то и дело *рвали огненные стрелы молнии* (Тоска) и т. п.

Однако следует заметить, что это не те перифразы, которые были свойственны поэзии сентименталистов; они основаны на реальном восприятии мира, содержат сопоставления с привычными, легко представляемыми предметами.

ВЫВОДЫ

1. Свежие образные употребления у Паустовского возникают благодаря умелому и в то же время необычному смысловому взаимодействию известных в языке слов.

а) Образные определения создаются по образцу общенародных переносных употреблений на основе сходства предметов и явлений по цвету (смоляная вода, оловянное море, ртутные леса, серебряная изнанка листа).

б) Другие образные определения создаются в результате сочетания прилагательных, обозначающих цвет, с существительными, не имеющими цветовых признаков (черная весна, серебряная весна, серебряная печаль, седые сердца).

в) Далее образные определения возникают на основе эмоционального тона воздействия действительности на человека (мрачная луна, веселая даль, угрюмый город, вороватая молния). г) Нередко образные определения возникают на основе ассоциативной связи по смежности явлений окружающей действительности (осень, холодная и вяжущая, как антоновка).

2. Свежие авторские употребления создаются по типу перифразы: *ветвистая струя огня* (молния), *золотые пчелы* (электрические лампочки) и т. п.

3. От тонких, едва уловимых смещений в значениях слов (*пылала осень, пылал август*) автор идет к смелым и неожиданным «сталкиваниям» слов (ртутные леса, родниковый сон, серебряная седая печаль), всегда объяснимым или в минимальном, ближайшем контексте, или в большом, развернутом целом.

4. Как в ранних, так и в поздних произведениях, Паустовский подготавливает или раскрывает смысл образных выражений (седые дни, рыжая осень, сухой дождь).

Н. П. РАЗДОРОВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ К. Г. ПАУСТОВСКИМ¹

В настоящей статье рассматриваются принципы отбора и способы введения диалектной лексики К. Г. Паустовским. Материалом послужили следующие произведения писателя: «Черное море», «Северная повесть», «Повесть о лесах», «Мещорская сторона», «Рождение моря», «Золотая роза».

Высказывания Паустовского об употреблении диалектной лексики² полностью подтверждаются в его писательской практике. Писатель очень умеренно, с большой осторожностью пользуется этой лексикой. Глубокое знание языка и любовь к народу продиктовали замечательному стилисту правильный принцип передачи народной речи. Творчески используя язык народа, Паустовский отбирает из всего многообразия языковых средств лишь те, которые соответствуют его художественным замыслам и эстетическим принципам, т. е. все то, что лишено узко местного колорита, общераспространено, полнозвучно, не засоряет язык и придает ему выразительность.

Обратимся к примерам.

¹ Данная статья представляет часть работы о языке К. Г. Паустовского. См., например, автореферат кандидатской диссертации «Наблюдения над словоупотреблением К. Г. Паустовского» (Рига, 1962) и статьи: «Взгляды К. Г. Паустовского на язык художественных произведений», Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки, том XXX, вып. 4-а, 1959; «Специальная лексика в произведениях К. Г. Паустовского «Повесть о лесах» и «Рождение моря», Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки, том XXV, вып. 3-а, 1958.

² См. нашу статью «Взгляды К. Г. Паустовского на язык художественных произведений», Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки, том XXX, вып. 4-а, 1959.

Во многих говорах «большой круглый хлеб, преимущественно цельный каравай» называют *ковригой*.² Паустовский использует этот диалектизм для создания метафорического образа в авторской речи:

Жигули открылись зелеными, кое-где тронутыми ржавчиной *ковригами* сглаженных гор (Рождение моря, 490).⁴

Данный диалектизм широко известен, по сути, уже близок к литературному языку. О его некотором стилистически ограниченном характере свидетельствуют данные словарей Ушакова и Ожегова, помещающие слово *коврига* с пометой *областное*. Но в словаре современного русского литературного языка (изд. АН СССР, 1950 г.) этой пометы уже нет.

Широко распространено также и диалектное слово *зыбка*. Во многих говорах оно выступает в значении «детская колыбель». Словари Ушакова и Ожегова отмечают его как областное со значением «колыбель, люлька». Так же толкует его и Даль, указывая, что слово это бытует в «северных и восточных областях». Академический словарь русского языка 1895 г. помещает его со множеством помет: *колыбель, люлька яросл., чистоп. сибир., юго-зап.* У Паустовского мы встречаем этот диалектизм в сравнении:

— Как ступишь ногой, — рассказывали бабы, — так вся земля под тобой ухнет, загудит, заколышется, как *зыбка*, ольха закачается и вода ударит из под лаптей, прыснет в лицо (Мещорская сторона, IV, 202).

Общепонятно и слово *стежка* (уменьшит, к стега — тропинка, дорожка).⁵

— Иди до *околицы*, увидишь по левой руке избу-пятстенку, возьми от той избы на правую руку по *стежке* через пески, дойдешь до Прорвы и вали малый, вали, не

² См., например, Академический словарь русского языка 1895 года: «коврига — цельный непечатый ржаной хлеб. Вологодск., жиздринск., новоторжск., угличск., черныорск., орловск., соликамск., енисейск., симбирск. С таким же значением отмечено это слово в «Областном архангельском словаре» 1885 г. и в Донском словаре А. В. Миртова. С пометами «псковское и тверское» имеется слово «коврига» в Доп. к Опыту областного великорусского словаря 1858 года.

³ Цитирую по книге «Константин Паустовский. Избранное». М., 1953 г.; другие произведения по Собранию сочинений в шести томах. М. 1957 г.

⁵ Словарь Ушакова.

сумлевайся, до самой горелой ивы (Мещорская сторона, IV, 198).

В значении «изгородь, окружающая деревню», употребляет Паустовский диалектизм *околица*. Такое же значение имеется и в словарях.⁶

А отвечать мы будем перед людьми. Хотя бы перед теми, что переселились сейчас с насиженных мест в сухую степь и ждут, когда мы дадим их станицам воду, придвинем к самым *околицам* новое море (Рождение моря, 591).

У многих писателей мы встречаем диалектный синоним к литературному существительному «овраг» — *балка*. Словарь Ушакова объясняет это существительное следующим образом: «длинный овраг, лощина (в южной степной полосе СССР). Обычно балка образуется, преимущественно, из русла высохшей речки.» О южном происхождении этого диалектизма свидетельствуют и данные разных словарей.⁷ Большей частью балки — это безводные овраги, но иногда по дну балки протекает ручеек, во время же таяния снегов любая балка наполняется водой. В значении «длинный овраг, лощина» использует это существительное Паустовский:

Станица действительно пряталась в глубокой извилистой *балке* (Рождение моря, 599).

Часто — *балочка*:

Там, за путевой будкой, есть *балочка*, а в ней стоит дикая груша (Рождение моря, 496).

(Николай Петрович — Н. Р.) ... записывал, какие в небе стоят или бегут облака, волоча за собой по морю сизые тени, что за птицы поют по *балочкам*, был ли утром туман и выпадала ли вечером роса (Рождение моря, 500).

Также хорошо известно диалектное слово *справный* — «имеющий всю справу, хорошо ведущий хозяйство, с достатком, зажиточный».⁸

⁶ См., например, словарь Ушакова: околица — изгородь, окружающая деревню, или изгородь с воротами на выезде из деревни. У Даля: горюдьба вокруг селенья, изгородь; то же и в словаре АН, но без пометы «обл.», что говорит о широком распространении этого слова в литературном языке.

⁷ См., например, словарь Даля; Опыт областного словаря 1852 г., (ворон., дон., ряз.); Академический словарь русского языка 1895 г.; Донской словарь Миртова и т. п.

⁸ Словарь Ушакова. Даль отмечает: вост. исправный, путный, хороший.

— *Справный рыбак!* — кричали другие (Черное море, II, 190).

Общедоступны и следующие диалектизмы, глаголы: *шастать, малевать, полегчить, балакать* и т. п.

Пашка целыми днями *шастал* по селу, все разузнавал и рассказывал Аграфене (Повесть о лесах, II, 424).

В словаре Ушакова: ходить, шляться (обл.), Даль отмечает: вост. шататься, бродить, шляться без дела; ходить взад и вперед. Широкая распространенность этого глагола позволила ввести его в авторскую речь.

Малюйте себе на здоровье (Черное море, II, 31).

В словаре Ушакова имеется помета: обл. — раскрашивать, разрисовывать красками. То же и у Даля: расписывать красками, писать грубо кистью. Словарь АН отмечает, что это слово уже не носит диалектного характера.⁹

Да что тут *балакать!* Хорошее море! (Черное море, II, 191).

В словаре Ушакова: (обл.) болтать, разговаривать. У Даля пометы: юж. балякать, прм. беседовать, болтать, раздобаривать, калякать.

А дом как *занялся* от упавшей лампы, так и сторел, как свечечка (Повесть о лесах, II, 434).

Со значением «разгораться» (об огне) отмечен этот глагол в словаре Ушакова, словарь АН считает его литературным.

Часто встречается у Паустовского сравнительная степень наречия «шибко» — «шибче». Наречие это очень многозначно.¹⁰ В художественном произведении в зависимости от контекста оно выступает в том или ином значении. Паустовский часто использует это слово в значении «громко»:

Шибче говори, — сказала Марьевна, — *шибче*. Я с letoшнего года уже и грома не слышу (Повесть о лесах, II, 332).

В языке произведений Паустовского многие диалектные слова имеют прозрачную семантику, поэтому не нуждаются

⁹ Малевать. Разг. рисовать красками; раскрашивать (преимущественно о неумелой, яркой раскраске) — словарь АН.

¹⁰ О богатстве в этом слове различных оттенков свидетельствуют данные словарей. Даль толкует его следующими синонимами: шибко-сильно, крепко, больно, очень, весьма, крайне, жестоко. Миртов в своем словаре донских говоров отмечает его со значением «громко», а В. Н. Добровольский в Смоленском областном словаре — в значении — «быстро, проворно».

в объяснении. Сюда относятся: *торчак*, *подпол*, *большак*, *вековуша*, *молодайка* и под.

Молоко есть в *подполе*¹¹ (Повесть о лесах, II, 475).

Придется ворочаться на *большак*, Петр Ильич, — сказал кучер (Повесть о лесах, II, 321).¹²

Эти слова используются без всяких ограничений в произведениях многих советских писателей и в авторской речи.

Доступны по содержанию вследствие прозрачности внешней формы, экспрессивны по окраске диалектизмы *вековуша* и *молодайка*. Паустовский использует первое слово в произведении «Мещорская сторона»:

Марию Михайловну звали «вековушей» — *весь свой век она коротала одна, без мужа, без детей* (Мещорская сторона, IV, 223).¹³

Смысл слова пояснен контекстуально. Кроме того, *вековуша* благозвучнее, чем грубовато-уничжительное *старая дева*.

Объяснен в контексте и диалектизм *молодайка* (во многих говорах — молодуха, молодица, молодка).¹⁴

— Где вы находитесь? Это же черно-зем! — крикнул он, со стуком поставил склянку на прилавок и яростно посмотрел на *молодую* смешливую *колхозницу*, дожидавшуюся лекарства.

— Ой, батюшки, страх какой! — сказала *молодайка* и бесстрашно подошла к прилавку (Повесть о лесах, II, 337—338).

Этот диалектизм употребляется и в авторской речи:

Молодайка закрылась локтем и фыркнула (Повесть о лесах, II, 337).

— Человек старый, а *молодок* завсегда обижаете (Повесть о лесах, II, 338).

Общеизвестно и диалектное слово *плетень*. Слово это встречается, главным образом, в южнорусских говорах. С. А. Копорский отмечает, что «на севере плетень не плетут; а огораживают изгородью, загородью, тыном, и поэтому слово есте-

¹¹ Подпол — обл. Помещение под полом в избе, подвал (Ушаков); ол. простор или яма под полом (Даль).

¹² Большак — обл. Большая дорога; противоп. проселочная дорога (сл. Ушакова).

¹³ В словаре Ушакова — вековуха. Это слово имеет помету: «областное». Авторы словаря современного русского языка тоже считают его областным; в донских говорах — вековуша (Донской словарь Миртова).

¹⁴ Молодаяк, -дка (обл.) — молодая крестьянская замужняя женщина (Ушаков), (дон.) молодайка, молодая баба, замужняя нестарая женщина лет до сорока (Даль).

ственное встретить в южнорусских говорах. Там корень этого слова богат производными.

Возможно предположить, что это слово с течением времени сужалось в распространении на севере, сохраняясь на юге».¹⁵

У Паустовского этот диалектизм встречается часто в «Рождении моря», где он описывает южную полосу СССР:

Проснулся, вышел из хаты и так и сел на порог: *плетень* его стоит весь в молодых липучих листочках (Рождение моря, 555).

И это так освежало его, как если бы он действительно побывал на этой косе и уснул часок-другой в тени, в холодке, на скользкой соломе под *плетнем*, слушая, как рядом шумит мелкое море (Рождение моря, 570).

Исключительно прозрачен по морфологическому составу диалектизм *одночасье*:

— Вот, к примеру, Манька Малявина. Голосистая была девчонка, и все. В старые времена она бы свой голос в *одночасье* проплакала, а теперь ты погляди, что получилось (Мещорская сторона, IV, 222).

Словарь Ушакова поясняет: «промежуток времени в один час, около одного часа», Даль указывает территорию распространения: смб. Отсутствие пометы в словарях Ушакова, Академии Наук говорит, о том, что это диалектное слово уже входит в литературный язык.

Близки к словам литературного языка прозрачные по семантике диалектизмы: *сродственник*, *незнамо*, *ослобонили*, *духовитый*, *занедужить*:

— А вы кто? — спросил Пашка и потянул носом.

— *Сродственник*¹⁶ ей, что ли? (Повесть о лесах, II, 424).

— *Незнамо*¹⁷, как и благодарить (Повесть о лесах, II, 477).

Ждем, чтобы наши прорвались в Керчь и *ослобонили*¹⁸ от гибели (Черное море, II, 165).

Широко распространенный диалектизм *духовитый* в литературном языке имеет синоним — «душистый», соответствующий

¹⁵ С. А. Копорский, «Диалектизмы в поэтическом языке Н. А. Некрасова», Ученые записки Калининского государственного педагогического института, т. 15, вып. 1, 1947 г., стр. 280.

¹⁶ У Даля есть толкование: кал. свой, родня, родной.

¹⁷ (обл.) то же, что незнаемо, неведомо. Нареч. неизвестно (с оттенком неудовольствия, пренебрежения) — словарь Ушакова.

¹⁸ Даль отмечает распространение этого диалектного глагола во многих говорах: ослободать, ослободить наг. влд. ряз. и др. освободить.

щий этому же понятию — «хорошо пахнувший, ароматный». В словаре Ушакова это слово имеет две пометы — «разг., обл.»; в словаре Даля определяется место бытования этого диалектизма: тул., вор., ряз. обл.

У Паустовского прилагательное *духовитый* используется как в речи героев, так и в авторской речи.

В речи девочки Маши:

А нынче все это прибирают, и тут новый лес посадят из какого-то дерева — я забыла, как его зовут. Оно *духовитое* (Повесть о лесах, II, 481).

В авторской речи:

Но угощая Леонтьева махоркой, лесники все же не упустили случая одолжить у писателя на одну самокрутку трубочного табаку, — больно он был *духовитый* (Повесть о лесах, II, 389).

Ясен по своей семантике и глагол *занедужить*:¹⁹

Мы в то лето одну грязь, а не воду в ведрах до хат приносили. И *занедужил* мой хлопчик. От пыли (Рожденные моря, 525).

Глагол *занедужить* Паустовский употребляет в речи представительницы южного говора — старухи Сидоренко, которая рассказывает об умершем хлопчике.

Таким образом, как видно из приведенного материала, диалектная лексика не имеет узко местного характера — она понятна большому кругу людей. Однако, как показал анализ, преобладает лексика южных говоров.

В «Черном море», «Рождении моря», «Золотой розе» мы встречаемся с лексикой украинского языка и южнорусских говоров. В результате чего создается впечатление ярко выраженной южнорусской речи.²⁰ Например, использована следу-

¹⁹ В словаре Ушакова дается возвратная форма этого глагола — «занедужиться» (о появлении нездоровья, недомогания). Даль относит глагол *занедужить* к южным. Добровольский отмечает его в смоленских говорах, Васнецов Н. М. (Материалы для объяснительного словаря вятского говора, 1907 г.) — в вятских, Подвысоцкий А. (Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, 1885 г.) отмечает диалектный глагол *занедужить* в значении «заболеть» в архангельских говорах, а авторы Опыта областного вел. словаря помещают его с пометами «псковское, тверское».

²⁰ А. В. Миртов отмечает, что в языке «донских казаков, говорящих на южнорусском наречии, несомненно значительны украинские элементы, особенно в лексике» (Украинцы на Дону. Труды среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских институтов, вып. 9, Ростов-на-Дону, 1930, стр. 3).

ющая лексика украинского языка: *доня* — ласк. дочурка, доченька, дочка (Золотая роза, II, 513), *дивчина* — девушка, девица (Рождение моря, 549), *блукаю, блукати* — блуждать, бродить; плутать (Рождение моря, 523), *журисть, журитися* — печалиться, грустить, горевать, кручиниться, крушиться, сокрушаться (Рождение моря, 576), *батько* — отец, родитель (Рождение моря, 523, 554, 548), *баштан* — бахча (Рождение моря, 473), *брехати* — разг. врать, лгать; презр. брехать (Черное море, II, 132; Рождение моря, 497, 498), *воно* (в знач. частицы) — вот, разг. (Рождение моря, 497), *буде* — будет, хватит, довольно, полно (Рождение моря, 497), *думка* — мысль (Рождение моря, 577), *байка* — выдумка (Рождение моря, 473), *жито* — рожь (Романтики, I, 22; Золотая роза, II, 533), *блискавица, блискавиця* — молния (Рождение моря, 523), *нехай* — пусть (Черное море, II, 140), *хмара* — туча (Рождение моря, 523), *похилилась* — склонилась (Рождение моря, 548), *гроши* — деньги (Черное море, II, 75) и т. п.²¹

С другой стороны, широко представлены слова, встречающиеся преимущественно в южнорусских говорах: *молодайка, балка* и т. п.

Кроме того, имеется лексика южнорусских говоров, общая с украинским языком: *курень*,²² *блискавица*,²³ *ставок*²⁴ и др.

Не так, как сейчас, когда иной раз говоришь лоцману: «А ну-ка, Сеня, держи вон на ту сухую вербочку или на тот вон *курень* на бахче!» (Рождение моря, 554).

Следует отметить, что Паустовский избегает таких украинских слов и оборотов, которые совершенно непонятны русскому

²¹ Значения приведенных слов проверены по украинско-русскому словарю изд. АН УССР, Киев, 1953—1961.

²² А. В. Миртов в донском словаре (Материалы к изучению лексики донских казаков, Р.-на-Д., 1929) пишет: «Жилища в казачьем поселении весьма характерны. Казаки называют свои дома куренями, вероятно, потому, что в глубокую старину они действительно были курны, как курные избы. Ныне курени не похожи ни на русскую избу, ни на малороссийскую хату. Это домики городской архитектуры снаружи, с оригинальным внутренним расположением». В словарях Даля и Ушакова слово *курень* в таком значении отсутствует. (соломенный шалаш, временное помещение для рабочих, барак, обл.) — словарь Ушакова; у Даля: временный приют в лесу, в поле; шалаш, балаган, землянка, шатер, хижина, лачуга; у Запорожцев: избы или хаты в одной куче, кучке; в словаре Ожегова зафиксировано употребление этого диалектизма на Дону и Кубани.

²³ Даль отмечает: юж. блискавица — молния, в украинско-русском словаре (изд. АН УССР, Киев, 1953 г.) — *блискавиця*.

²⁴ Ставок — обл. пруд, запруда (словарь Ушакова); ставок, ставочек, юж., нврс., зап., млрс., пруд, запруда (словарь Даля).

читателю, он чередует украинизмы с русской речью, лексикой донского говора. Как известно, приемом этим пользовались Гоголь, Серафимович, широко использует этот прием Шолохов.

* * *

Большая часть диалектизмов объяснена в контексте произведения. Можно отметить некоторые приемы, которыми пользуется Паустовский для разъяснения диалектной лексики. В основном, непосредственное определение значения слова дается в самом тексте. Нам не встретилось ни одного случая объяснения диалектизмов в подстрочных примечаниях.

Иногда рядом с диалектным словом стоит его литературный синоним, который как бы переводит его:

— А вот тут низкое место — видите. Его водой легко притопить. Тут будет рис. Отцы наши тот рис на ладони с удивлением держали и только головами покачивали: «Що воно такое и для чего годится?» А мы его теперь будем сеять. В воду. А вместо этого лядащего *ставка* с тиной образуется у нас чистый пруд на тридцать гектаров (Рождение моря, 602).

А в следующем примере дается противопоставление литературного слова «кордон» диалектному — *глушняк*.

Ране я на людном кордоне служил, да вот перевелся сюда, в самый *глушняк*.²⁵ Тут потише (Повесть о лесах, II, 466).

Иногда перечисляется несколько слов, обозначающих видовые понятия (в том числе и местные слова); непонятные диалектные слова поясняются родовым словом — обычно общеупотребительным, понятным, например:

Перед смертью Гаяна надела лучшую старинную одежду. Я впервые увидел белый рязанский *шушун*,²⁶ новенький черный платок с белыми цветами, повязанный

²⁵ Глушняк — обл. дикая поросль (словарь Ушакова); глухой непроходимый бор, вековой первозданный лес (словарь Даля).

²⁶ Шушун (обл. старин.). Название верхней женской одежды, преимущественно короткой (вроде кофты, телогрейки) или длинной (вроде рубахи, сарафана) — словарь Ушакова; у Даля с пометами: арх. кстр. ярс. сиб. кофта; ряз. холщевая женская рубашка с алыми нитками и кумачными прошивками, надеваемая к паневе, сверх рубахи.

на голове, и синюю клетчатую *паневу*²⁷ (Стекольный мастер, IV, 613).

Понятно значение и тех диалектных слов, которые вводятся писателем в общий видовой ряд; обычно поясняет диалектизм определение, относящееся к нему:

Старик рыбачил около Тамани и занимался мелкой торговлей. Он открыто плавал в Керчь и возил туда сахарин, водку и пшеничные *коржи*²⁸ (Черное море, II, 151).

Или:

Тут же стояли кувшин с молоком, берестяная кошелка с малиной и на платке лежали *коржи* из ржаной муки (Повесть о лесах, II, 375).

Кое-где поблескивает вода — зеркало тихого лесного озера или омут лесной речки с красноватой «*суровой*» водой (Золотая роза, II, 581).

Объясненный определением диалектизм *справа* выразителен и семантически:

В свободные часы старуха помогала Игнатию Мусевичу и Петру Софроновичу в их работе — вспомнила свое девичье время, когда ей приходилось конопатить шаланды, чинить сети и заниматься всякой другой рыболовецкой *справой*²⁹ (Рождение моря, 579).

Иногда разъяснение следует сразу же за диалектным словом или предшествует ему, являясь чаще всего простым или развернутым приложением:

На степу уже ночь и як ударит молния-блискавица — так кругом вижу одни белые дороги (Рождение моря, 525).

Ночник — *каганец*³⁰ тихо мигал (Рождение моря, 480).

²⁷ Панева и понява (или понева) — род домотканой шерстяной клетчатой или полосатой юбки, поверх которой посреди вшивается или надевается кусок материи, т. н. занавеска (обл.) — словарь Ушакова.

²⁸ Корж — обл. лепешка из муки (словарь Ушакова); пресная лепешка, засушенная лепешка на сале (южн.) — сл. Даля.

²⁹ Справа (обл.) всякое хозяйственное обзаведение, а также принадлежности какого-н. промысла, ремесла (словарь Ушакова). В словаре Даля: справа, орудие, снаряд, сбруя, снасть, наставка, прибор, инструмент и всякая промысловая ремесленная принадлежность. арх.

³⁰ Обл. плошка с салом и фитилем — словарь Ушакова; в словаре Даля — юж. и запад. плошка, жирник, лампадка, ночник.

Шли без дорог, перебирались через сухие болота — *мишары*³¹, где нога тонула по колено в коричневых мхах (Последний черт, IV, 537).

Внизу высохшие болота — *мишары*, поросшие мелким лесом: березняком, осинами, ольхой (Золотая роза, II, 697).

К востоку от Боровых озер лежат громадные мещорские болота — «*мишары*», или «*омшары*» (Мещорская сторона, IV, 201).

Он часто вместе с бабушкой Явдохой обсуждал эти два загадочных факта и, конечно, считал меня немного тронутым — «*божевильным*»³² (Начало неведомого века, III, 537).

Диалектизм часто выделяется графически. Наименования местных слов и оборотов, иногда заключенные в кавычки, часто с примечаниями: «так зовут в этой местности...» или: «по-местному», очень точно передают обозначения предметов или явлений:

Около колодца, где весь день гремят ведрами босоногие болтливые девочки в ситцевых выгоревших платьях, надо свернуть в проулок, или, по местному, в «*прожог*» (Золотая роза, II, 694).

Очень благозвучно и слово «*Стожары*», — так в этих областях (да и не только в них) народ называет Плеяды (Рождение моря, 586).

Вода в Солотче красного цвета. Такую воду крестьяне называют «*суровой*» (Мещорская сторона, IV, 207).

Шли по кочкам, а между кочками, там, где кисла рыжая вода, торчали острые, как колья, корни берез. Их зовут в Мещорском крае *колками* (Мещорская сторона, IV, 202).

На дюнах растет трава, ее зовут *живучкой* (Мещорская сторона, IV, 219).³³

Часто более широким контекстом автор поясняет смысл диалектных слов и словосочетаний. Например:

³¹ Мшара — мшистое болото, кочкарник, поросший мохом, мох по топи, где негниющий мох нарастает саженными пластами (словарь Даля); мшаный (обл.), поросший мохом — словарь Ушакова.

³² В словаре Даля: божевольный юж. божегневный тмб. сумасшедший, помешанный, малоумный.

³³ Живучка — растение Дубровка, Ажуда; или чистец; вообще, цветков-неувяда, неувядалка, неумирашка (словарь Даля).

Невозможно перечислить все. Поэтому я пропускаю лето и перехожу к осени, к первым ее дням, когда уже начинается «сентябрь» (Золотая роза, II, 583). Все эти слова — и окоем, и стожары, и лязя, и глагол «сентябрит» (о первых осенних холодах) — я услышал в обыденной речи от старика с совершенно детской душой, . . . (Золотая роза, II, 587).

Идти по мшарам надо осторожно: в глубоком мху торчат обломленные и заостренные временем, как пики, стволы березок — *колки*³⁴ (Золотая роза, II, 698).

Очень хотелось пить. Они напились воды из круглой ямки во мху, где вода стояла в уровень с землей и была холодная и чистая. Если приглядеться, то была видна тихая струйка воды, бившая откуда-то снизу, из мха. Она покачивала утонувшую в этой *криничке*³⁵ высокую ветку брусники (Повесть о лесах, II, 472).

— Куда тебе, Илларион! — снисходительно заметил Федор. — Против меня ты куда слабже. Не срамись.

— Это как сказать! — повторил Илларион. — Может, я и против тебя срамиться не соглашусь. Ты не суди, что я с наружности *квелый*³⁶. (Повесть о лесах, II, 404).

Ну и *морок*³⁷, упаси господи! Тяжелая январская ночь стояла вплотную около тускло освещенных окон сторожки. Маяк не горел: зимой он был не нужен (Северная повесть, II, 200).

Одна *морочка*³⁸ мне с той богиней! — закричал тонким

³⁴ Колки — в словаре Даля *колок* — вост. отд. рошица, лесок или лесной остров; кустарник на сухом, непоемном месте; астрх. камышевый островок. В словаре Ушакова «колок» — 1. небольшая деревянная палочка с острым концом, забиваемая в землю для разных целей (обл.). колок — 2 (спец. обл.) небольшой участок леса, перелесок (преимущественно на границе между лесом и степью).

³⁵ Криничка — ключ, родник (сл. Ушакова); у Даля — с пометой: юж. зап. твр.

³⁶ В словаре Ушакова — слабый, хилый, мягкий, у Даля: хилый, слабый, нежный, болезненный и пометы: ряз. тмб. кволый, юж. запд. квилкий арх. В значении «слабый, хилый» употребляет этот диалектизм Паустовский.

³⁷ Морок (обл.) мрак, темнота — словарь Ушакова; мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха (словарь Даля).

³⁸ Морочка (обл.) что-н. непонятное, запутанное, неразбериха (словарь Ушакова).

голосом Андрей и с досадой высморкался. — Одно мучение мне через ту чертову богиню. Не пойму, куда ее пристроить до дела! (Черное море, II, 74).

Особенно богато представлены в русском словаре реки с их плесами, бочагами, паромами и перекатами, где в *межень*³⁹ с трудом проходят пароходы и, чтобы не сесть на мель, надо держать только по главной струе (Золотая роза, II, 583).

ВЫВОДЫ

1. Оставаясь в основном в границах нормы литературного языка, Паустовский пользуется в своих произведениях диалектной лексикой, которая входит в организирующую основу индивидуально-художественного стиля его произведений.

2. Диалектная лексика в подавляющем большинстве не имеет узко местного характера; она понятна и хорошо знакома большому кругу людей. Однако, как видно из приведенного материала, преобладает лексика южных говоров. Кроме лексики южных говоров, встречается лексика украинского языка, а также лексика, общая для украинского языка и южных говоров. Вводя лексику украинского языка, писатель достигает большой выразительности в изображении быта жителей юга.

3. Некоторые диалектизмы имеют прозрачную семантику, поэтому понятны. Многие диалектизмы объясняются контекстуально. Вот некоторые приемы пояснения узко диалектных слов: пояснение литературным синонимом, определением, общелитературным родовым словом, разъяснение с помощью простого или развернутого приложения, графическое выделение лексического диалектизма часто с примечанием, описательное объяснение, довольно пространное в тексте, помогающее понять смысл многих узкодиалектных слов.

4. Мастерство К. Г. Паустовского в области языка сказыв-

³⁹ Межень — межник, межак, меженик, меженец твр. олон, нвг, межень, меженок, меженица — середина, по протяжению в вышину или по времени; всякое среднее состоянье, между двух крайностей. Межень лета: июнь, июль, август; собств. средолетье, июнь; межень воды — средний уровень, какой устанавливается после половодья, в июне, до чрезмерной засухи. (Межень, жарк, пора летом влад. волог. иркут. тамб. ол.).

вается таким образом в том, что он, прислушиваясь всегда и всюду к живой народной речи, воспроизводит ее не натуралистически, а заботится, прежде всего, об общепонятности, отбирает и творчески использует наиболее точные, емкие, звучные слова, отбрасывая узко областные, искажающие текст, затрудняющие его понимание.

Д. К. РУДЗИТ

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-ЛАТЫШАМ

В нашей стране происходит реализация принятого Верховным Советом СССР закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Педагогическая общественность Советского Союза глубоко осмыслила требование связи обучения с жизнью. Это проявилось в частности в длительной и массовой дискуссии по поводу усовершенствования структуры урока, в которую первыми включились учителя Липецкой области. Дискуссия всколыхнула большую часть учительства, вызвала творческие поиски в области одной из самых важных учебных форм-урока. Самое важное в этой дискуссии, что она вызвала широчайший обмен опытом, в процессе которого выявились новые методы и приемы, разнообразные творческие упражнения, повышающие эффективность урока.

Все явственнее вырисовываются новые требования к преподаванию, осознанные учительством, перестраивающим обучение в направлении приближения его к жизни: занятость всех учеников класса продуктивной работой и жизненность содержания уроков.

Передовые учителя Латвийской ССР все больше внимания уделяют развитию активности и самостоятельности учащихся, стремятся к совершенствованию методов обучения, ищут наиболее эффективных форм урока. Большие перемены в последнее время произошли в преподавании русского языка в латышской школе. Русский язык здесь изучается добровольно, всеми учащимися. Учителя, преподающие русский язык, осознают ответственность за результаты своего труда, стремятся активизировать усвоение своего предмета с помощью новых приемов, стараются заинтересовать учащихся в расширении знаний и навыков.

При большой наполняемости классов и ограниченном количестве часов, отведенных на изучение русского языка, немалое значение имеет фронтальная работа в классе с самого начала урока. Учителя приходят к этому выводу, желая дать возможность высказаться по-русски большинству учащихся на уроке. Отказ от выделения в ряде случаев особой части урока для индивидуального опроса дает возможность освободить для фронтальной работы со всем классом большие ресурсы времени.

Не менее важно обеспечить интерес к изучению русского языка, что является ценным стимулом к овладению знаниями и умениями. Последнее возникает при условии жизненности содержания уроков.

Учителя Латвии в соответствии с требованиями новых программ, работая по новым учебникам, имеют возможность обучать школьников применению грамматических форм и синтаксических конструкций в собственной речи, а это и есть доказательство связи обучения русскому языку с жизнью.

Можно полностью согласиться с мнением, высказанным С. С. Филипповым: «Применительно к преподаванию русского языка в национальной школе отрыв обучения от жизни чаще всего выражается в том, что многие учащиеся не умеют применять грамматические знания в речевой практике: допускают много ошибок в устной и письменной речи, в построении предложений, имеют недостаточно прочные навыки чтения и пересказа прочитанного, в особенности же самостоятельного изложения своих мыслей. Все эти недостатки являются следствием отрыва теории от практики в методике преподавания.»¹

Чтобы преодолеть этот отрыв, который, несомненно, имел место и в преподавании русского языка в Латвии, учителя и методисты республики работают над перестройкой обучения в сторону практической направленности. Духу практической направленности обучения отвечают новые программы и учебники, созданные после принятия Закона о школе.

Остановимся более подробно на обучении русскому языку в школе, так как школа закладывает те знания, закрепляет те навыки, с которыми учащиеся, кончившие школу, приходят в высшее учебное заведение.

Программа по русскому языку для латышской школы в качестве важнейшей формулирует задачу обучения детей прак-

¹ С. С. Филиппов. О связи школы с жизнью в процессе преподавания русского языка в национальной школе. «Русский язык в национальной школе», № 2 за 1960 г.

тическому пользованию русским языком, привития им навыков устной и письменной речи, «при одновременном осуществлении коммунистического воспитания научить школьников правильно говорить и писать по-русски»²

С тем чтобы больше времени отводить развитию русской речи, программа предлагает использовать знания учащихся по грамматике родного языка. Это сводится к тому, что ни в восьмилетней школе, ни в 9—11 классах не изучаются формулировки, схожие с определениями в родном языке, усваиваются лишь термины изучаемой грамматической темы. Учитель не должен тратить время на выяснение фактов, уже известных ученикам (подлежащее, сказуемое и др. члены предложения, как и все части речи), а максимум времени употребить на изучение явлений фонетики и грамматики, которые отличают русский язык от латышского.

Развитие речи понимается как усвоение в каждом классе определенного количества новых слов, закрепление навыка их употребления в словосочетаниях и предложениях, равно как и закрепление навыка употребления в речи отдельных грамматических форм и синтаксических конструкций.

Программы для восьмилетней школы и для 9—11 классов ставят задачу практического усвоения грамматических форм и указывают те возможные виды работ, которые должны способствовать обучению школьников употреблению в речи изучаемых форм.

Правильные установки, данные в новых программах, реализуются в новых учебниках. В учебниках для восьмилетней школы (Э. А. Бейкман — автор учебника для 5 класса, она же автор учебника для 6 класса; Бебрис, Э. А. Бейкман, В. Я. Заринь — авторы учебника для 7 класса, Э. А. Бейкман и Б. Ф. Инфантьев — авторы учебника для 8 класса) материал по чтению и грамматике объединен в пределах одного учебника. В текстах для чтения ученики уже встречают те грамматические формы, которые им предстоит изучить по грамматике. Пересказывая текст и осмысливая его, ученики употребляют изучаемые формы, выполняя грамматические упражнения по учебнику, они закрепляют новые слова, имеющиеся в тексте для чтения. Новые учебники для восьмилетней школы предлагают для усвоения ряд правил чисто практического назначения; это главным образом правила, определяющие прин-

² «Программа по русскому языку и литературе для 9—11 классов школ с латышским языком обучения». Латв. госуд. издательство. Рига, 1962 г., стр. 3.

цы употребления в речи грамматических форм. Так, в разделе «Имя существительное» в параграфах, посвященных падежным формам, даны правила, определяющие употребление каждой отдельной формы в речи. С этой целью указывается та лексическая среда, в которой может употребляться падежная форма. Например, форма родительного падежа употребляется после слов *два, три, четыре, нет, не было, не будет, мало, много*, после существительных (например, *край стены, строительство шахты*), с предлогами *без, у, из, от, с*. В учебнике для 5 класса подобные правила определяют лексическую среду всех падежных форм. В соответствии с этими правилами и упражнения учебника дают возможность тренировать учащихся в употреблении грамматических форм в контексте словосочетаний и предложений. Примеры упражнений учебника свидетельствуют о стремлении авторов учебников обеспечить учащихся таким материалом, который максимально способствовал бы практическому овладению языком. Пассивно-аналитические упражнения сведены к минимуму, большинство упражнений представляют из себя задания на конструирование сочетаний слов или предложений, а также на составление небольших рассказов с использованием изучаемых грамматических форм.

Все упражнения учебников 5—8 классов учитывают те специфические трудности в овладении русским языком учащимися латышами, которые вызваны особенностями фонетического и грамматического строя латышского языка по сравнению с русским. Учет особенностей родного языка учащихся происходит в учебниках как открыто, так и скрыто. В ряде случаев даны и сопоставительные правила, например, в § 27 учебника для 5 класса сравнивается употребление форм глаголов в единственном и множественном числе: глаголы в 3 лице в русском языке имеют разные формы для единственного и множественного числа, а в латышском языке одну форму (*он работает — они работают; viņš, viņi strādā*). В данном случае сопоставление проводится открыто: учащиеся заучивают сопоставительное правило, тренируются в употреблении форм, вызывающих наиболее устойчивые ошибки. В § 69 того же учебника нет прямого сопоставления употребления формы винительного падежа в русском и латышском языках существительных одушевленных и неодушевленных. Прямое сопоставление выглядело бы так:

я вижу охотника	—	es redzu mednieku,
я вижу дуб	—	es redzu ozolu.

Выводом из этого сопоставления было бы правило, говорящее о том, что в русском языке в отличие от латышского форма винительного падежа равна форме родительного падежа, если существительное обозначает одушевленный предмет, и форма винительного падежа равна форме именительного падежа, если предмет неодушевленный. В учебнике отсутствует сравнение с латышским языком в теоретической части, но в практической его части весь упор сделан на упражнения, способствующие выработке навыка различения формы винительного падежа для неодушевленных и одушевленных предметов. С этой целью предлагаются активные упражнения конструктивного характера: составление сочетаний — любить (друг, спорт), встретить (гость, писатель, праздник), узнать (человек, город); ответы на вопросы — кого ребята видели в зоопарке? Что ребята видели в зоопарке? В данном случае учет особенностей родного языка учащихся (в латышском языке не дифференцируются формы винительного падежа для одушевленных и неодушевленных существительных) проявляется «в особом подходе к изучению отдельных фактов и явлений языка»³. Этот особый подход заключается в том, что в тренировочной части учебника в качестве упражнения дано специфическое задание — при одном и том же глаголе употребить существительные одного рода и склонения, отличающиеся лишь категорией одушевленности и неодушевленности.

Совершенно иначе, чем это наблюдается в традиционном изложении в школьных грамматиках, подается в новом учебнике для 8 класса материал по синтаксису. В 8 классе изучается лишь синтаксис простого предложения, но и он дается с единственной целью закрепить практические навыки, главным образом навыки составления словосочетаний по способу согласования и управления. Причем акцентируются именно те случаи согласования и управления, которые вызывают наибольшие затруднения у учащихся латышской национальности, например, согласование подлежащего с сказуемым — глаголом в 3 лице настоящего или будущего простого времени, сказуемым-глаголом в прошедшем времени и подлежащим-существительным всех 3 родов и т. д.

В упражнениях на составление словосочетаний и предложений с глаголом и управляемым существительным чаще всего фигурируют те глаголы, которые имеют в русском и латыш-

³ В. Рёшетов, С. Филиппов. Улучшить учебники русского языка для национальных школ РСФСР. «Русский язык в национальной школе», № 5, 1962 г.

ском языке разное управление. Кроме того, в связи с изучением синтаксиса закрепляются наиболее трудные для латышей конструкции предложений, содержащие то обстоятельство времени — дату, то обстоятельства места, выраженные трудными для учеников наречиями *дома — домой, вдаль — вдали*, то обстоятельства времени, выраженные необычными для учащихся данной национальности сочетаниями *по понедельникам, через два часа, после двух* и т. п.

В учебнике для 8 класса материал отобран так, что нигде не предлагается для изучения теория синтаксиса ради теории, а всюду присутствует материал, необходимый для развития речи. Синтаксис изучается и с целью повторения трудных разделов морфологии и орфографии. Так, например, дополнение рассматривается с целью закрепить навык правильного употребления личных местоимений (см. § 29 учебника): выполняя упражнение I в параграфе 29, ученики учатся различать местоимения 3 лица с *н* и без *н*, обстоятельство места рассматривается с целью повторения употребления падежных форм винительного и предложного падежей, а также с целью повторения предлогов *в* и *на*, *с* и *из*.

Мы рассмотрели в общих чертах принципы построения учебников для восьмилетней школы.

Учебник для 9—11 классов по русскому языку строится с учетом изученного в восьмилетней школе. Это проявляется в том, что правила, освоенные на средней ступени обучения русскому языку, не даются для повторного изучения, а предлагается лишь вспомнить их и еще закрепить путем выполнения упражнений. В старших классах материал по грамматике значительно расширен.

Принципиально новым моментом в учебнике для старших классов является частичный отказ от линейного расположения грамматического материала. Он заключается в том, что грамматические и орфографические правила, содержащиеся обычно в разделе «Состав слова» (в учебниках для учащихся, родным языком которых является русский язык), распределяются по темам «Части речи».

В учебнике для старших классов не дублируется тот материал, который имеется в грамматике родного языка: нет определений частей речи, отдельных категорий. Зато помещен материал, объясняющий употребление тех грамматических фактов, которые усваиваются с трудом учащимися-латышами по причине расхождения грамматического строя русского и латышского языков.

Упражнения учебника для старших классов служат не только осмыслению грамматического строя русского языка, но главным образом развитию речи учеников. Виды таких упражнений следующие: составление словосочетаний и предложений, переводы с латышского языка на русский, составление по опорным словам рассказов на заданную тему, преобразование форм в контексте предложения, дописывание предложений с целью употребить ту или иную форму, дописывание окончаний в предложениях, выписывание из предложений отдельных форм и словосочетаний, постановка вопросов к отдельным словам и предложениям, ответы на вопросы с употреблением изучаемых форм — все эти разнообразные виды упражнений способствуют усвоению грамматического строя русского языка. Меньшую долю составляют упражнения чисто лексического и стилистического характера: наиболее ощутимы они в разделах «Имя прилагательное» и «Имя числительное».

Особое внимание в учебнике уделяется тем разделам, которые вызывают большие затруднения при усвоении их учащимися-латышами: виды глаголов, классы глаголов, управление глаголов и др. Впервые в учебнике для латышских школ появились такие разделы, как «Глаголы движения с разными основами», «Формы глагола».

В учебнике много таблиц, сопоставительных схем. Лексика упражнений общеупотребительная, не заключающая ни обветшалых слов и выражений, ни просторечных и диалектных слов. Упражнения учебника дают возможность пополнить словарный запас учащихся фразеологизмами, а также «формами вежливости».

Наряду с множеством положительных моментов в учебнике следует отметить и его недочеты. В учебнике нет раздела фонетики, составители его считают, что учащиеся усвоили фонетические законы русского языка, изучая его на протяжении первых двух концентров обучения, т. е. в восьмилетней школе. Это вопрос спорный, так как наблюдения над речью учащихся показывают, что если городские учащиеся сравнительно хорошо произносят русские звуки, то в сельских школах целый ряд звуков искажается учениками, допускается и орфографическое произношение. На наш взгляд, учебник для старших классов должен дать в качестве справочной таблицы свод правил русской орфоэпии. Такая сводная таблица систематизировала бы те знания по данному вопросу, которые есть у школьников, а также послужила источником ликвидации отдельных пробелов. Ее можно использовать и для тренировочных упражнений.

Учебник следует пополнить упражнениями фонетического порядка, которые располагались бы в грамматических разделах. Возможностей для закрепления правильного произношения трудных звуков вполне достаточно при изучении грамматики.

К недочетам учебника относится недостаточная разработанность учета особенностей родного языка в учебнике. Среди упражнений, долженствующих предупредить и устранить типичные для латышских учащихся трудности в усвоении русского языка, определенное место следует отвести упражнениям сопоставительного характера, но в учебнике их недостаточно.

По новому учебнику начали работать лишь в 1962 году, так что о результатах занятий по нему еще рано судить, но, несомненно, новый учебник значительно лучше старого, так как построен с целью практического усвоения языка учащимися, содержит теоретический материал, нужный лишь для достижения указанной цели, в большой степени учитываются трудности, испытываемые учениками при изучении русского языка, тексты упражнений разнообразны и лексически насыщены. Несколько обеднен раздел синтаксиса в учебнике. В связи с тем что в нем нет раздела о членах предложения, исключается возможность обобщения некоторых трудных для латышей случаев выражения членов предложения. А главное, то, что изучалось в курсе морфологии в отдельных темах (значение падежей, управление глаголов), в разделе о выражении членов предложения могло быть систематизировано, а значит и закреплено. Авторы же учебника не сочли нужным дать этот раздел из-за боязни дублирования грамматического материала, имеющегося в курсе грамматики родного языка. Между тем в нерусской школе изучение выражения членов предложения должно заключаться не в запоминании различных случаев выражения подлежащего, сказуемого и т. п., не в усвоении правил о том, что дополнение, например, может быть прямым и косвенным, а определение — согласованным и несогласованным, что уже известно из грамматики родного языка. Изучению такого раздела, как «Главные и второстепенные члены предложения» можно придать исключительно практическую направленность.

То, что отсутствует в школьном учебнике, а между тем необходимо для более полного охвата учащимися тех явлений, которые трудно ими усваиваются, должно послужить сигналом для преподавателя вуза. Это доказывает необходимость учесть новые моменты, служащие углублению курса русского языка в вузе.

Как должно строиться преподавание курса русского языка в университете на отделении латышского языка и литературы? Ввиду того что грамматический материал уже изучался в средней школе, в курсе русского языка в университете должно уделяться внимание лишь тем разделам грамматики, которые не достаточно усвоены в школе, т. е. в речи студентов продолжают сохраняться ошибки, вызванные отсутствием прочных навыков.

Программа, составленная коллективом преподавателей для всех национальных вузов СССР, слишком велика по объему грамматического материала, она включает в себя снова все те же разделы, которые были в программе средней школы, хотя и преподносит их в новом аспекте. Этот новый аспект заключается в том, что «на всех этапах обучения обеспечивается постоянная связь в усвоении морфологических форм и употреблении их в синтаксических конструкциях»⁴. Конкретно это выражается в одновременной работе над построением предложений и употреблением грамматических форм в качестве членов предложения. Так, при построении предложения с подлежащим-существительным повторяются в практическом плане род, число, образование форм множественного числа, чередование гласных и согласных при образовании множественного числа, а при построении предложений со сказуемым-глаголом повторяются виды глаголов, образование и употребление форм времени, чередование согласных при спряжении и т. п.

Программа, предлагаемая для национальных вузов по русскому языку, не может быть полностью выполнена в Латвийском госуниверситете при том минимальном количестве часов, которое отводится на русский язык в последние годы (2 часа в неделю в течение 2 лет обучения, т. е. 136 часов всего). Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что грамматика изучалась подробно в школе, значит, чтобы «не засушить» преподавание русского языка в вузе, необходимо оживить его, придав ему новое освещение. Уже на одном из первых занятий следует сказать студентам, что курс грамматики в вузе будет строиться с целью искоренения неправильностей речи, с целью обогащения словарного состава, а также с целью развития навыков чтения художественной, специальной литературы и газет — все эти задачи будут достигаться путем чтения текстов, бесед о прочитанном, бесед на различные темы окружающей жизни, выполнения различных упражнений и т. д.

⁴ См. Объяснительную записку к «Программе по практическому русскому языку для студентов вузов с нерусским языком обучения» (проект, Москва, 1962 г., стр. 3).

Каждое занятие или его часть, посвященные работе по грамматике, должны освещаться конкретной целью преодоления той или иной трудности. Если, например, на занятии планируется работа над переходными глаголами и их сочетаниями с существительными одушевленными и неодушевленными, то студентам объясняется характер ошибок, допускаемых на это правило, указывается, отчего возникают ошибки такого рода, как: «на конкурсе открыли нового таланта» или «молодой рабочий полюбил своего цеха», т. е. проводится сопоставление фактов русского и латышского языков и, наконец, студентам предлагается тренироваться в составлении сочетаний переходных глаголов с существительными. Студенты должны знать цель каждого проводимого занятия или работ на занятии, поэтому преподаватель должен давать разъяснения подобного рода.

Занятия в вузе должны быть направлены на дальнейшее совершенствование речи студентов, на отработку отдельных грамматических разделов, которые по каким-либо причинам не были достаточно глубоко изучены ими в школе.

В некоторых случаях в школьном курсе, хотя и изучается какой-либо специфически трудный раздел, но на него отводится недостаточно времени, или же он в силу недостатков в преподавании отдельных учителей прорабатывается без должного внимания к закреплению навыков. В результате всего этого учащиеся продолжают делать ошибки, несмотря на то что теоретически они знакомы с данным материалом. Так, в новом учебнике для 9—11 классов средней школы имеется новый для латышской школы раздел «Глаголы движения с разными основами», дается соответствие им в родном языке, предлагаются упражнения для закрепления навыка различения глаголов определенного и неопределенного движения. Но изучается этот раздел лишь в течение 2 часов за весь период обучения в школе. Поэтому прочного навыка употребления данных глаголов у учащихся нет.

Задача осуществления преемственности со средней школой при обучении русскому языку в вузе требует, чтобы в разное время усвоенный в школе грамматический материал, а также непрочный закрепленный материал систематизировался, подавался в виде отдельных обобщений. Так, например, в вузе необходимо систематизировать все случаи употребления предлогов, расширяя этот материал по сравнению со средней школой. Если в 5 классе в связи с усвоением падежных форм изучается ограниченное количество предлогов, а в старших классах

добавляется еще целый ряд, то в вузе правила употребления предлогов могут быть систематизированы. Изучение отдельных предлогов, употребление которых продолжает оставаться трудным, углубляется, правила употребления предлогов, еще неизвестные студентам, сообщаются им, и дело завершается выполнением самостоятельной работы, заключающейся в выполнении специальных упражнений. В средней школе не рассматривается вопрос о различении предлогов *без* и *кроме*, а ошибочное употребление предлога *без* вместо предлога *кроме* имеет место. Значит, есть необходимость разъяснить студентам сферу употребления этих предлогов: *без* указывает на отсутствие предмета или лица (я пью чай без сахара, дети шумели без матери), на способ действия (говорит по-русски без ошибок), на время (без пяти минут десять). Если же надо выразить значение, которое в латышском языке может быть передано при посредстве слова *izņemot*. (*Izņemot krievu valodu, viņš pārvalda vēl angļu*), то следует употреблять русский предлог *кроме* (кроме русского языка, он знает еще английский). Конечно, в эту схему не укладывается все многообразие случаев употребления предлога *кроме*, но нацелить студентов на различение указанных предлогов следует. Проводя эту работу, можно показать несоответствие в употреблении русского и латышского предлога. Предлог *кроме* указывает на включение данного лица или предмета в ряд других (Кроме рек, в Мещерском крае много каналов), показывает на исключение данного лица или предмета из ряда других (Я ничего не слышал, кроме шума листьев).

В вузе расширяется работа по обогащению речи студентов теми грамматическими формами, которые ими не употребляются по причине отсутствия в родном языке соответствующих эквивалентов. Так, учащиеся вместо глаголов с приставкой *за-* в значении начала действия употребляют сочетания типа *начал шуметь*, а не *зашумел*; нет в активном словарном запасе студентов и глаголов с приставкой *до-* (дописал письмо, дочитал книгу, допил лекарство, достроили здание) и в латышском языке нет эквивалента со значением доведения действия до предела, поэтому при переводе на латышский язык указанных глаголов требуется прибегать к сочетаниям *līdz beigām*, *līdz galam* — до конца. Например: дочитал книгу — *izlasīju grāmatu līdz beigām*. Нет адекватного выражения и для приставки *при-* в значении неполноты действия: *прилечь* переводится *atgulties (uz brīdi)*, *присесть* — *apsēsties (uz brīdi)*, но эти переводы не передают оттенка кратковременности, зало-

женного в этой приставке. Такой же специфически русской приставкой является и приставка *недо-*, означающая недостаточность действия, недоведение его до конца (недовыполнить план, недооценить силы, недосолить суп, недожарить котлеты, недоварить мясо). Все эти глаголы переводятся на латышский язык лишь описательным путем: *недооценить* — *paг zemu poverētēt, недосмотреть* — *perietiekami pieskatīt (uzraudzīt)*. Этой приставке соответствует приставка-антоним *пере-*, имеющая соответствие в латышском языке в приставке *pār-*: *перевыполнить план* — *pārpildīt plānu*. Приставка *над-*, которая придает слову значение присоединения добавочной части, увеличения размера предмета (*надстроить этаж, надвязать чулок*), в латышском языке может быть выражена сочетанием с наречием *klāt*: *piebūvēt klāt stāvu*. Точно так же приходится в переводе использовать наречие для обозначения того оттенка действия, который выражен глагольной приставкой, когда мы имеем дело с русскими глаголами типа *проехать* (*проехать остановку*), означающими движение мимо предмета. Приставке *про-* в латышском языке будет соответствовать наречие *garām*: *проехать остановку* — *paBRAUKT garām piestātnēi*.

Были приведены примеры отсутствия в латышском языке адекватного выражения некоторым приставкам. Они доказывают необходимость специальных упражнений с целью обогащения языка студентов грамматическими формами, не употребляемыми ими в активной речи. В программе средней школы нет указаний на проведение подобной работы.

Расширение работы по русскому языку в вузе по сравнению со средней школой выразится также в усвоении студентами грамматической синонимии, отсутствующей в латышском языке, например: *идти по полю* — *идти по полю*. Студентам более привычно употребление формы *по полю*, так как соответствие есть в их родном языке (*pa lauku*). Невозможна в латышском языке и синонимика *ехать на поезде* — *ехать поездом*, для выражения обозначения средства передвижения в латышском языке используется форма инструменталиса: *braukt ar vilcienu*.

Нет соответственного выражения таким русским выражениям как *при товарищах дал обещание* (по-латышски употребителен лишь один из компонентов синонимической пары *в присутствии товарищей*); нет эквивалентного выражения *при советской власти*, являющейся синонимом к *во время советской власти* (*padomju varas laikā*). Отсутствие ряда случаев синонимии в родном языке приводит к тому, что, говоря по-русски, студенты не используют всех богатых средств русского

языка, отчего речь их однообразна и невыразительна. Это заставляет нас заниматься специальными упражнениями, которые должны привести к усвоению студентами-латышами специфических форм русского языка.

В речи студентов-латышей наблюдается как отсутствие форм, не имеющих эквивалента в родном языке, так и искажение слов, которым нет соответствия в родном языке. Последнее имеет место, например, в случае субстантивированных прилагательных. В русском языке эта категория слов обширна, в большинстве случаев в латышском языке им соответствует форма искомого существительного (*занятая* — *komats, мастерская* — *darbņica* и т. п.). Это несоответствие в грамматической форме затрудняет правильное употребление данной категории слов как в начальной форме, так и в косвенных падежах. Наблюдается стремление заменять непривычную для этих слов форму прилагательного формой существительного по образцу родного языка. Данный пример доказывает необходимость специальных упражнений для осуществления задачи пополнения словарного запаса учащихся категорией слов типа *ученый, дежурный*, а также для закрепления навыка изменения этих слов.

В области наречий имеются такие группы наречий, которые отсутствуют в активном словарном запасе, причиной чему является опять-таки отсутствие эквивалента. Студенты не употребляют или очень редко употребляют наречия, образованные от относительных прилагательных с помощью приставки *по-* (*одет по-дорожному, по-зимнему, в седле держится по-казацки, осмотрел по-хозяйски*).

Примеры отсутствия соответствия в форме у различных категорий слов в русском и латышском языках можно увеличить, но и приведенное доказывает, что к задачам преподавания в вузе относится преодоление трудностей в области использования тех форм слов, которые не усваиваются по причине отсутствия эквивалента в родном языке.

Рассмотрим, каковы перспективы осуществления намеченных нами задач при условии, если в качестве программы курса принять проект «Программы по практическому русскому языку для вузов с нерусским языком обучения» (Москва, 1962 г.). Проанализируем, каковы возможности работы над трудными для студентов-латышей фактами русского языка при изучении двух программных тем: «Употребление имени существительного в роли подлежащего» и «Употребление глагола в роли сказуемого».

Новая программа по русскому языку для национальных вузов в основу системы работы по развитию речи предлагает положить синтаксис, так как это «создает наиболее благоприятные условия для работы над предложением и связной речью, обеспечивая на всех этапах обучения русскому языку постоянную связь в усвоении морфологических форм и употреблении их в синтаксических конструкциях». Система, предлагаемая программой, означает отказ от линейного расположения грамматического материала, что дает возможность по-новому подойти к уже изучавшемуся в средней школе на протяжении трех концентров материалу по морфологии и синтаксису с тем, чтобы повторение изученного воспринималось свежо, с повышенным интересом. Кроме того, отказ от линейного изучения грамматики предполагает возможность обобщения, а с помощью сопоставлений и обобщений создается подход к уже известному с новой точки зрения. В соответствии с новой программой в связи с закреплением навыков построения простых предложений и употреблением в них подлежащего можно обобщить различные случаи выражения подлежащего и в связи с этим учесть целый ряд особенностей родного языка, отличающих морфологическое выражение подлежащего в русском и латышском языках. Такую же возможность дает программа и при изучении других разделов: «Употребление глагола в роли сказуемого», «Построение предложений с составным главным сказуемым» и др.

Изучение темы «Употребление имени существительного в роли подлежащего» дает возможность обобщить целый ряд случаев как выражения подлежащего, так и согласования подлежащего со сказуемым. Подлежащее-существительное согласуется в роде с глаголами в прошедшем времени. Эта связь часто нарушается студентами из-за неумения установить род существительного. Приступая к изучению указанного раздела, преподаватель предложит повторить признаки рода существительных. Наиболее трудным в определении рода является установление рода существительных с мягкой основой. Так, *осень* и *день*, оканчивающиеся на мягкий согласный *н*, в русском и латышском языках противоположного рода. Не представляет труда определение рода существительных, обладающих такими признаками, как окончание слов женского рода на *-а*, *-я*, твердая основа слов мужского рода, а также слов на *й* и слов среднего рода на *-о*, *-е*. Целый ряд суффиксов служит вспомогательным средством для установления рода существительных: *-ость* указывает на женский род, *-тель* — на муж-

ской и т. п. Все эти признаки рода повторяются с тем, чтобы приступить к практической работе над составлением словосочетаний и предложений. Обобщение материала будет заключаться в том, что существительное-подлежащее теперь будет сочетаться с самыми различными формами, которые дают возможность «проявиться» категории рода. Так, чтобы прочнее закрепить навык согласования с существительными среднего рода проводится упражнение на составление предложений, причем нераспространенные предложения постепенно разворачиваются в распространенные путем добавления все новых и новых согласующихся членов:

Солнце засветило.

Солнце засветило и пригрело своими лучами землю.

Яркое солнце засветило и пригрело своими лучами землю.

Яркое солнце, которое весело засветило, пригрело своими лучами землю.

Изучение ошибок, допускаемых студентами из-за незнания рода существительных, доказывает, что закрепление связи согласования, а также и обучение вообще употреблению существительных должно происходить главным образом на связанных текстах. Весьма пригодны в этом отношении обучающие изложения. Студентам I курса были предложены разные задания в двух параллельных группах: в первой группе было предложено написать изложение (текст взят из «Воспоминаний о Макаренко», Сб. материалов, 1960 г.), в котором фигурировало слово «шинель» в разных связях (в латышском языке слово «šīnelis» — мужского рода). Изложение проводилось как обучающее, но именно на употребление слова *шинель* не было обращено внимание. В результате много ошибок было допущено в связи с неверным отнесением слова к мужскому роду, как в родном языке студентов. Характер ошибок свидетельствует, что студенты, предполагая, что род существительного равнозначен роду латышского слова, во всех формах употребляют его в форме мужского рода: согласуют его с причастием в мужском роде, падежную форму творительного падежа создают по модели существительного 2 склонения, заменяют существительное личным местоимением также в форме мужского рода. Анализ допущенных ошибок говорит о том, что и работу над усвоением рода надо проводить по комплексному принципу, т. е. в тренировочные задания по возможности включать все факты связей слов, все моменты «проявления» категории рода, как-то: употребление падежных форм, согласование в роде различных категорий, употребление личных местоимений

и т. д. Предполагая допущение ошибок, связанных с перенесением признака рода с латышского слова на его эквивалент в русском языке, мы можем строить работу по предупреждению ошибок. Так, во второй группе I курса это же изложение предлагалось уже с точки зрения предупреждения ошибки именно на употребление слова *шинель*. С этой целью после первого прочтения отрывка было записано одно из его предложений, в котором категория рода проявлялась особенно явно (*Шинель была новая, теплая, сшита как раз на мой рост и мне очень нравилась*). После осмысления грамматической формы существительного в этом предложении предлагаем выполнить небольшое упражнение.

Ты должен прийти в колонию и сдать шинель. ... еще тобой не заработана. А как же я останусь без шинел...
В глубине души мне жаль было расставаться с шинел...

После такой проработки в изложении, написанном студентами, ошибок не было.

Чтобы противопоставить употреблению существительного женского рода употребление слов мужского рода с такой же основой, на мягкий согласный, подбираем другой связный текст, содержащий существительное мужского рода. Предлагаем вместо пропущенных букв вставить необходимые, напоминаем, что существительное *ломоть* мужского рода и означает по-латышски *šķēle, rīciens*. Отрывок взят нами из «Литературной газеты» от 24 сентября 1963 г. (Владимир Солоухин. *Ломоть хлеба*).

Ломоть хлеба, посыпан... крупной солью, ломоть хлеба, намазанн... свежим медом, ломоть хлеба, натерт... чесноком, ломоть хлеба, только что отрезанн... от теплого еще, ноздреватого каравая... Мне еще с детства запомнилась маленькая картинка. То ли ломоть попался толстоват, то ли я не был голоден, только объел я верхнюю часть ломт..., там, где было помазано постным маслом, а остатки бросил на землю. Что было дальше — можно и не рассказывать. Дедушка распоясал свой пояс... Никогда я не видел таким сердитым моего степенного и уравновешенного дедушку.

Наряду с трудностями в сочетании слов, согласующихся в роде, имеются не менее существенные нарушения в согласовании существительных-подлежащих с глаголами в числе. Вызваны они также особенностями родного языка студентов: группа существительных, употребляющихся только в един-

ственном числе в русском языке, в латышском употребляется лишь во множественном числе; наблюдаются и примеры противоположного характера. Работа по согласованию таких существительных с глаголами в прошедшем времени, а также и с другими согласующимися формами слов должна обобщить целый ряд случаев. Первая группа слов — названия злаков. Проводим работу по составлению предложений:

рожь созрела, превосходная рожь созрела; пшеница выросла, сортовая пшеница выросла и т. п.

Вторая группа слов — названия овощей:

морковь сварилась, тушеная морковь вкусна, капуста убрана, кормовая свекла прополота и т. п.

Третья группа слов — названия ягод:

виноград поспел, отличный виноград поспел, брусника подавалась как приправа, моченая брусника вкусна и т. п.

Учитывая то обстоятельство, что в средней школе изучались все части речи и их формы, мы предлагаем сочетать несовпадающие в числе существительные с самыми различными группами слов: прилагательными, причастиями, глаголами:

мебель стояла в комнате, роскошная мебель стояла в комнате, купленная мебель доставлялась на дом, дрова отсырели, сложенные во дворе дрова отсырели, чернила высохли, синие чернила пролиты и т. д.

Изучение темы «Употребление глагола в роли сказуемого» дает возможность остановиться на правилах согласования сказуемого-глагола, выраженного формой настоящего времени, с подлежащим в числе, а также повторить наиболее сложно образуемые формы существительных во множественном числе. В латышском языке третье лицо глаголов в настоящем времени в обоих числах имеет одно и то же окончание, и это отражается в очень распространенной ошибке студентов, которая имеет несколько разновидностей. Анализ такого рода ошибок приводит к выводу о необходимости построить работу по конструированию предложений с глаголами-сказуемыми в такой системе: прежде всего закрепить навык согласования в числе у глаголов и существительных в предложениях с обычным порядком слов (*Колхоз выращивает кукурузу. — Колхозы выращивают кукурузу*), затем в предложениях с обратным порядком слов (*Приятное, радостное впечатление оставляет премьера Рижского цирка. — Приятное, радостное впечатление оставляют премьеры Рижского цирка*), наконец, в слож-

ных предложениях (*Он спросил, нравятся ли ему книги. Юноша говорил, что мне надо сдать кое-какие экзамены, и передо мною распахнутся двери храма науки*).

Наблюдения над ошибками студентов доказывают также, что специальное внимание должно быть обращено на составление предложений, в которых союзное слово в составе придаточного согласуется в числе с глаголом в настоящем времени (*В нашем городе много талантливых людей, которые прекрасно чувствуют поэзию своего города*).

В связи с тем, что употребление глагола в роли сказуемого сопряжено еще и с такой трудностью, как выражение сказуемого неопределенно-личного предложения формой глагола во множественном числе настоящего времени, соответствующая работа проводится и в этом направлении. Здесь полезно сопоставить личную и неопределенно-личную конструкцию, чтобы показать аналогию в употреблении сказуемого:

На юге колхозники сеют рано. — На юге сеют рано.

По образцу сопоставляемых предложений строится и упражнение, заключающееся в преобразовании личного предложения в неопределенно-личное. Целый ряд других упражнений позволяет в активном процессе преобразования форм создавать конструкцию неопределенно-личного предложения: 1) Если заменять в неопределенно-личном предложении форму прошедшего времени настоящим, то студенты будут вынуждены преодолевать стремление использовать форму единственного числа:

Его назначили. — Его назначают.

Его вызывали. — Его вызывают и т. п.

• 2) Закрепление навыка употребления в качестве сказуемого неопределенно-личного предложения глагола во множественном числе будет происходить и в процессе выполнения упражнения, заключающегося в замене личных конструкций со сказуемым-возвратным глаголом в страдательном значении:

Журналы и газеты приносятся в нашу библиотеку по утрам. — Журналы и газеты приносят в нашу библиотеку по утрам.

Чтобы учесть трудности в образовании форм существительных и глаголов во множественном числе, в тексты упражнений следует специально вводить такие трудные формы, как *друг-другья, брат-братья, хозяин-хозяева, гражданин-граждане, сын-сыновья, стул-стулья*, которые используются при со-

ставлении предложений как подлежащие; в качестве же сказуемых, которые используются для построения предложений, необходимо предлагать и такие глаголы, как, например, разноспрягаемые, образование формы множественного числа которых вызывает ошибки у студентов (*даст-дадут, бежит-бегут*), или глаголы с чередующимися согласными (*стережет-стерегут, стрижет-стригут, лжет-лгут, жжёт-жгут*), которые и у русских учащихся вызывают затруднения.

Если составление предложений со сказуемым-глаголом в настоящем времени дает возможность работать над преодолением ошибки, заключающейся в замене множественного числа глагола единственным, то составление предложений со сказуемым-глаголом в прошедшем времени служит преодолению ошибок на согласование с подлежащим, которое может быть выражено существительными разного рода или существительными, употребляющимися только в единственном числе или только во множественном числе. О работе такого порядка уже говорилось.

Одним из очень действенных приемов, обучающих гибкому употреблению форм, является прием преобразования форм в процессе выполнения упражнений. Наблюдения над речевыми недочетами студентов убеждают в необходимости тренировать их в замене настоящего времени прошедшим и наоборот. Это особенно нужно в тех случаях, когда глагол имеет две разные основы, например: *советовать-советую, тереть-тру* и т. п. Чтобы студенты усвоили глагольные формы во всех их изменениях, с ними проводятся упражнения, сопоставляющие формы настоящего и прошедшего времени:

Мне советовали переменить климат. — Мне советуют переменить климат. Мы ночевали на сеновале. — Где вы ночуете? Рыба клевала превосходно. — А у вас клюет?

Методика проведения упражнений, сопоставляющих формы, может быть следующей: перед выполнением упражнений на преобразование форм глагола (настоящее время в прошедшее и наоборот) студентам предлагается ознакомиться с классификацией глаголов по группам (классам) в зависимости от характера основ: 1) *скакать-скачет, сыпать-сыплет, искать-ищет* (с чередованием в корне или основе), 2) *ночевать-ночую, клевать-клюю* (с суффиксами *-ова-, -ева-, -ва-*), 3) *бить-бью, выть-вою* (с чередованием гласного в корне), 4) *сознавать-сознаю, давать-даю, вставать-встаю* (с суффиксом *-ва-*) и т. д. Выполняя упражнения, в случае затруднений студенты пользуются справочными таблицами.

До сих пор тренировка студентов в употреблении глаголов происходила в пределах одного вида глаголов. Специальная работа предстоит с целью, во-первых, усвоения видовых пар, во-вторых, с целью обучения употреблению их в контексте предложения и связной речи. Эта работа с успехом проходит в связи с составлением предложений и использованием в них глагола-сказуемого. Все упражнения, осуществляющие указанные цели, должны способствовать выработке чутья в употреблении видовых форм. Этому служат следующие приемы: показ контекста, в котором употребляется как несовершенный, так и совершенный вид, например:

ученик доказывал теорему и доказал ее блестяще;
введение в контекст обстоятельственных слов, служащих дополнительным средством указания на вид глагола:

ежедневно встречаться с друзьями — неожиданно встретиться со старым другом; сразу прыгнуть с трамплина — несколько раз прыгать с парашютом;

наряду с наблюдением готового контекста, искусно используемого для объяснения значения видовой формы, самостоятельное составление текста с употреблением того или другого вида (например, обучающие изложения и сочинения с грамматическим заданием: если идет речь о действиях повторяющихся, то употребляется несовершенный вид).

Употребление видовых форм рассматривается в конструкциях различного типа: в простом предложении, в предложении с однородными сказуемыми, в предложении с составным сказуемым, в сложных предложениях. Правила употребления вида в перечисленных конструкциях довольно подробно разработаны в методических пособиях, главным образом для иностранцев, например, в сборниках «Вопросы методики преподавания русского языка нерусским».⁵ Рекомендации, содержащиеся в этих статьях, могут быть использованы в работе с латышами. В школах Латвии так подробно не рассматривается употребление видовых форм, изучение ограничивается конструкциями простого предложения. В школьных программах и учебниках не рассматривается и употребление видовых форм в предложениях с однородными сказуемыми. Поэтому все эти правила будут новыми в вузе, а значит и интересными. Хороший материал для подготовки к занятиям дает такое по-

⁵ См. статьи: А. Б. Аникиной «Изучение употребления глаголов совершенного и несовершенного вида в немецких группах», Захавы-Некрасовой «Работа над употреблением видов глагола при изучении сложноподчиненных предложений с придаточными времени» и др.

собрание, как сборник Н. Н. Барановой «Упражнения по практической стилистике русского языка»⁶: здесь можно найти упражнения, которые дают возможность тренироваться в употреблении видов глагола в различного типа предложениях, но, к сожалению, сборник рассчитан на среднюю школу, поэтому несколько облегчен для вуза в смысле текстового материала.

И все же система работы не может быть исчерпана только лишь той системой, которую предлагает общая методика преподавания русского языка нерусским. Необходимо учитывать и некоторые особенности родного языка. Так, в связи с различием настоящего и будущего простого времени студентами-латышами необходимо наряду с запоминанием видовых пар предлагать для усвоения пары настоящего и будущего простого. Усвоение таких пар должно происходить в процессе выполнения различных заданий, сопоставляющих эти формы. Например, составление предложений с глаголами *составляет-составит, возвращается-возвратится* (*Коллектив кафедры сейчас составляет сборник упражнений для студентов и составит его к концу первого семестра*); преобразование форм времени в предложениях, например: заменить настоящее время глаголов несовершенного вида глаголами совершенного вида в будущем времени (*спрашивают-спросят, поднимают-поднимут, дают-дадут*) и составить предложения. После работы над отдельными предложениями переходим к работе над связным текстом. Предлагаем творческий диктант на преобразование форм:

Коллективы многих хозяйств держат свое слово. Они с первых дней косовицы дружно берутся за дело, организовано проводят жатву и с честью выполняют свои обязательства по продаже хлеба государству. Вдвое больше, чем по плану, сдают хлеба государству полеводы колхоза «Дзиркстеле». Намного перевыполняют свои планы по продаже зерна и другие сельхозартели.

Сопоставление форм путем выполнения различных упражнений требуется еще и для обучения различению форм будущего простого и будущего сложного времени. В данном случае опять-таки свою роль должны сыграть обстоятельственные слова, которые уточняют видовое значение глаголов:

Я буду часто навещать тебя. Завтра я снова навещу тебя. На каждом занятии студенты будут делать устные сообщения. На следующей неделе с докладом выступит

⁶ М. 1961.

мой товарищ. Материалы в стенгазету будут готовить студенты нескольких групп. Мы подготовим выступление к вечеру в субботу.

В такого рода предложениях студенты находят обстоятельные слова и объясняют, от чего зависит употребление глаголов в будущем простом или сложном. Для осознания принципов употребления видо-временных форм используем и текст перевода с латышского языка:

Viņu varoņdarbs mūžam dzīvos tautas piemiņā, viņu tēlus izcirtīs granītā, viņiem skanēs dziesmas.

В этом тексте употребима как форма будущего сложного (*вечно будут жить*), так и будущего простого, последнее обусловлено тем, что действие в будущем времени мыслится, как законченное (*высекут из камня*). Окончательный текст перевода:

Их подвиги будут вечно жить в памяти народной, их образы высекут из камня, для них будут звучать песни.

Объяснение правил употребления форм будущего времени может происходить как средствами самого же изучаемого языка, так и путем сопоставлений с родным языком; это необходимо в случае, если русским сказуемым, выраженным глаголами в форме будущего простого, соответствует в латышском языке соотношение форм будущего сложного и будущего простого. В латышском языке сложное будущее время употребляется для выражения действия, которое будет предшествовать какому-либо другому действию в будущем времени:

Kad studenti būs nokārtojuši visus eksāmenus un ieskaites, viņi atrūpīsies. — Когда студенты сдадут все экзамены и зачеты, они отдохнут.

Сравнение данных примеров свидетельствует о том, что и сложное будущее и простое будущее переводятся на русский язык одинаково — формой будущего простого. Чтобы предупредить ошибку студентов в неверном выборе формы времени, следует упражнять их в составлении таких предложений, как указанное выше. Здесь очень пригодится перевод с латышского таких предложений, как:

Tiklīdz sniegs būs nokusis, simtiem traktoru izbrauks mūsu kolhozu tīrumos —

Как только снег растает, сотни тракторов выедут на наши колхозные поля.

Чтобы преодолеть стремление студентов строить русские предложения по образцу предложений родной речи, их можно тренировать в самостоятельном построении предложений, в

которых последовательность действия выражена глаголами в будущем времени:

Когда колосья (созреть), (начаться) жатва. Когда дождь (пройти), мы (продолжить) уборку сена.

В качестве глагола-сказуемого могут выступать так называемые глаголы движения, которые классифицируются то как линейные и повторительные (см. программу для национальных вузов), то как линейные и моторно-кратные глаголы движения (см. Современный русский язык. Изд. Моск. гос. ун-та).⁷ В статье Г. И. Рожковой «Изучение глаголов движения в русском языке» (сб. «Вопросы методики преподавания русского языка нерусским»)⁸ глаголы движения различаются: указывающие на движение в определенном направлении или же ненаправленные:

Он решил плыть по Волге до Астрахани. Он очень любит плавать,

Глаголы движения могут также означать действие однократное и многократное:

Самолет летит в Ленинград. Он часто летает в Ленинград.

В пособии Барановой эти же глаголы названы глаголами определенного и неопределенного действия.

В латышском языке имеется соответствие парным глаголам движения, но не во всех случаях:

плыть-плавать (peldēt) — соответствия нет,
бегать-бежать (skraidīt-skriet) — соответствие есть.

Это означает, что частично можно опираться на родной язык, обучая употреблению глаголов движения, в противном же случае приходится объяснить их употребление, исходя из значения. Противопоставление примеров с указанными глаголами должно особенно подчеркнуть разные оттенки значений у глаголов:

Он несет чемодан. — Грузчик носит тяжести на спине.
Проводник ведет туристов в горы. — Проводник водит туристов в горы.

Я каждый день хожу на лекции. — Сейчас я иду на лекцию по истории.

Обстоятельственные слова уточняют смысл движения, обозначаемого глаголом. Приведем примеры со словами, гово-

⁷ М. 1952, стр. 325.

⁸ М. 1958.

⁹ Сб. упражнений по практической стилистике русского языка. Учпедгиз, 1961 г.

рящими о движении в разных направлениях и не в один отрезок времени:

*почаще ходите к врачу,
ежедневно носите больному фрукты,
детей каждый день возили в школу,
почтальон ежедневно носит газеты.*

Такого рода примеры следует использовать для наблюдения над контекстом, в котором находятся глаголы движения двух разновидностей. Студенты ищут слова, подчеркивающие оттенки значения глаголов движения, объясняют смысл различного употребления их в зависимости от того, означают ли они действие, которое совершается в один прием и в одном направлении, или действие, совершающееся в разное время и в разных направлениях.

Творческие упражнения должны способствовать развитию навыка правильного употребления глаголов движения в речи. Это может быть вставка глаголов в контекст (Мне нужно... на почту. Я стал... в школу, когда мне было 7 лет), подбор обстоятельственных слов в зависимости от того, линейное или разнонаправленное движение означает глагол (Дети бегут... Они бегают... Солдаты идут... Они ходят...), перевод с латышского на русский, причем в тексте перевода должны быть слова-сигналы, указывающие на необходимость выбора того или иного глагола.

Построение предложений с составным глагольным сказуемым для студентов имеет следующую трудность: русской структуре предложений со сказуемым типа я *должен писать*, я *должен написать* соответствует латышское предложение со сказуемым, выраженным глаголом в долженствовательном наклонении (man *jāraksta*), которое образуется из формы 3 лица настоящего времени изъявительного наклонения и приставки *jā-*. В оборотах с глаголом в долженствовательном наклонении существительное, обозначающее действующее лицо, ставится в дательном падеже (*man jādzied* — я должен петь). У глаголов в долженствовательном наклонении имеются три времени: настоящее (*man jādzied*), прошедшее (*man bija jādzied*), будущее (*man būs jādzied*). В этой глагольной форме нет указания на род, только контекст может установить, идет ли речь о мужском или женском роде. Поэтому *man jādzied* можно перевести двояко: я должен петь, я должна петь.

В русском языке употребление составного глагольного сказуемого с использованием модальных слов *должен, должна,*

должно, должны связано с закреплением навыка согласования вспомогательной части составного сказуемого с подлежащим:

он должен был приехать, она должна была приехать, они должны были приехать.

Следовательно, опять-таки имеется возможность тренировать студентов в составлении словосочетаний по способу согласования в роде и числе. Для этого могут быть предложены задания такого характера: 1) преобразование составного сказуемого в связи с заменой подлежащего существительным другого рода, например:

Наше общество должно бороться с проявлениями буржуазной идеологии. — Наш коллектив должен бороться;

2) перевести с латышского языка глагол в долженствовательном наклонении и составить с составным сказуемым предложения, употребив его в трех родах:

Jāsākas — должен начаться, должна начаться, должно начаться, должны начаться; спектакль должен начаться в 7 ч. вечера, цирковое представление должно начаться, лыжные соревнования должны начаться утром, лекция должна начаться в назначенное время.

С целью ознакомления студентов с грамматической синонимикой следует предложить задание на замену синонимическим составным сказуемым по образцу:

Библиотеки должны чаще устраивать выставки новинок. — Библиотекам надо (нужно) чаще устраивать выставки новинок.

Наконец предлагаем и еще одно задание: составленное предложение прочитать в прошедшем и будущем времени.

Врачу надо немедленно делать операцию. — Врачу надо было немедленно делать операцию. Врачу надо будет немедленно делать операцию.

Перевод с латышского языка предлагается как заключительное упражнение:

Vidējai izglītībai jānod stabilas zināšanas zinātņu pamatos. Zinātniskajām iestādēm jāveido savs darbs atbilstoši tautas saimniecības un kultūras attīstības plāniem. Katram padomes deputātam aktīvi jāpiedalās valsts darbībā un jāveic noteikts darbs. (Среднее образование должно обеспечивать прочное знание основ наук. Научные учреждения должны строить свою работу в соответствии с планами развития хозяйства и культуры. Каждый депутат Совета должен активно участвовать в государ-

ственной деятельности и выполнять определенную работу).

В качестве вспомогательной части составного глагольного сказуемого выступают еще видовые пары глаголов: *начать-начинать, стать-становиться, кончать-кончить, бросить-бросать* и др., после которых употребляются всегда глаголы несовершенного вида в неопределенной форме. Правило это часто нарушается студентами, несмотря на то что в школьном курсе в какой-то степени обращается внимание на этот случай употребления видовых форм. В университете следует еще раз вернуться к нему в связи с составлением предложений с составным глагольным сказуемым.

По схеме, в которой обобщены случаи выражения составного сказуемого, проводится работа конструктивного порядка; студенты используют слова, после которых употребляется инфинитив глаголов несовершенного вида, для составления собственных предложений, например:

Употребляйте форму несовершенного вида после слов	Примеры
начать — начинать	Я начну готовиться к экзаменам.
стать	Стану заниматься спортом.
продолжать	Мы продолжаем обсуждать план работы.
бросить-бросать	Он бросил курить.
кончить-кончать	Все кончили работать.
не надо	Не надо возражать больному.
не следует	Не следует возвращаться поздно.
не нужно	Не нужно собираться так поспешно.
научиться	Брат научился сдерживать себя.
надоест	Мне надоело ждать.
привыкнуть	Я привык делать зарядку.

Закрепление навыка употребления видовых форм должно происходить на материале как отдельных словосочетаний, так и предложений. Образцом такого рода заданий могут быть следующие:

1. Напишите словосочетания, выбрав нужный глагол.

Перестал (опаздывать, опоздать), стал (прислушаться, прислушаться), начали (перестраивать, пере-

строить), продолжали (оглядываться, оглянуться), кончил (расчищать, расчистить) и т. д.

2. Спишите текст, раскрывая скобки и выбирая нужную форму глагола.

Для улучшения лугов и пастбищ колхозы нашего района начали (прочистить, прочищать) старые каналы и (прорыть, прорывать) новые; (уничтожить, уничтожать) кустарники, (срыть, срывать) кочки и (сложить, складывать) их в компостные кучи, (убрать, убирать) камни.

Новая программа справедливо выдвигает требование строгого учета особенностей родного языка студентов. Это требование важно не только с точки зрения усвоения студентами правильных речевых навыков, но и расширения филологического кругозора студентов-языковедов. В программе учтены трудности, общие для многих национальностей Советского Союза. Мы считаем нужным еще в качестве приложения к программе по русскому языку для студентов вузов с нерусским языком обучения дать перечень всех необходимых фактов учета особенностей родного языка студентов. Это приложение может принять форму пункта 2 к каждому разделу программы, конкретизирующего содержание грамматического материала.

М. Ф. СЕМЕНОВА

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАФЕДРАХ РУССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

На филологическом факультете Латвийского университета в период буржуазной Латвии не существовало ни русского, ни славянского отделений, не было и соответствующих кафедр. Но все же для студентов-языковедов балтийского отделения читались лекции по сравнительной грамматике славянских языков и по старославянскому языку, а в 1926/1927 г. и по истории русского языка, которые читала проф. (в то время еще приват-доцент) А. Абеле. В соответствии с профилем отделения указанные курсы носили сравнительный славяно-балтийский характер и представляли значительный научный интерес. Кроме того, велись практические занятия по русскому языку в плане овладения элементарной грамматикой и чтения текстов и периодически по польскому языку, а в 1924—1927 гг. по чешскому языку.

В 1940 г. по требованию прогрессивных студентов I курса, принятых на различные отделения филологического факультета, организовалось славяно-русское отделение (группа студентов в составе 10 человек первого курса и несколько студентов старших курсов, перешедших с других отделений). Но так как программу первого курса составлял так называемый философикум, то есть различные вводные теоретические курсы и практические занятия по языкам, то, кроме практикума по русскому языку, ничего из специальных предметов не читалось. Правда, была создана межфакультетская кафедра русского языка, члены которой обучали студентов-латышей русскому языку. Этой кафедрой руководила сначала проф. А. Абеле, затем проф. Я. В. Лоя.

В период немецкой оккупации славяно-русское отделение

было ликвидировано, так как занятия велись вначале по планам 1938 г., а студенты указанного отделения перешли на другие отделения филологического факультета. Только в последний год оккупации были введены планы немецких университетов с так называемой основной и дополнительной специальностью. Славистика и стала такой дополнительной специальностью для желающих. Но это был только проект и никаких лекций, кроме указанных выше, не читалось. Только в 1944 г. читал лекции по белорусской диалектологии и русской стилистике проф. д-р Ленинградского университета В. Г. Чернобаевым.

После освобождения Риги от оккупантов осенью 1944 г. было восстановлено славяно-русское отделение с кафедрами славянской филологии и русского языка. Кафедрой славянской филологии руководил проф. д-р В. Г. Чернобаев, кафедрой русского языка проф. Я. В. Лоя.

Кафедра славянской филологии в течение двух лет фактически осуществляла руководство всем отделением и обеспечивала все основные теоретические курсы. Но так как специалистов было мало, мало было и студентов, то лекции читались для всех студентов (1, 2 и 3 курсов) вместе и были ориентированы в основном на студентов старших курсов, и занятия, таким образом, велись не по плану. Кроме того, некоторые лекции читались на латышском языке для студентов всех отделений факультета вместе, но с правом сдачи экзаменов на русском языке. Такими курсами были: логика и психология (проф. П. Дале), поэтика и всеобщая литература (проф. Р. Эгле), советская литература (доц. А. Григулис) и введение в языкознание (проф. Я. Лоя). Студенты имели право посещать по желанию лекции лучших специалистов на других отделениях (Я. Эндзелина, Я. Янсона, К. Кундзиня).

Кафедра русского языка состояла из учителей-практиков, большинство которых владело латышским языком. Они занимались обучением студентов-латышей русскому языку. Но так как никакой соответствующей методики не было, не было и учебников, то в работе наблюдался большой разнородности. Только сам заведующий кафедрой проф. Я. В. Лоя читал теоретические курсы: введение в языкознание и очень краткий эпизодический курс современного русского литературного языка.

Кафедра славянской филологии постепенно пополнялась новыми преподавателями. Сначала на этой кафедре был только В. Г. Чернобаев, читавший научные курсы чешской и польской литературы, научную грамматику чешского и польского языков

и старославянский язык. Затем преп. П. К. Бруновский стал читать курсы болгарского, белорусского, украинского и сербского языков и русскую диалектологию, преп. С. И. Игнатович, окончивший Вильнюсский университет, — курс польского языка, а позднее и польской литературы. Проф. д-р Б. Р. Брежго читал курсы славяно-русской палеографии, старобелорусской письменности, вел спецсеминары по польской литературе и истории русского языка. Позднее асп. Б. Ф. Инфантьев читал курсы белорусского и русского фольклора. Кроме указанных преподавателей, на кафедре славянской филологии работали еще О. А. Бесцелицына (окончившая Пражский университет), которая вела практические занятия по чешскому языку, и М. Ф. Семенова, читавшая курсы старославянского языка, сравнительной грамматики славянских языков и древнерусского языка для студентов латышского потока.

В результате интереса, вызванного лекциями, студенты писали дипломные работы по истории белорусского и русского языков, по белорусскому фольклору и польской литературе.

Наиболее ценными и интересными были лекции проф. В. Г. Чернобаева по польской литературе и проф. Б. Р. Брежго по палеографии. Проф. Б. Р. Брежго — большой знаток местных материалов (архивов и литературы) во многом способствовал развитию и направлению научных интересов студентов и молодых преподавателей.

Все указанные лекции значительно расширяли кругозор студентов, но так как никакого систематического плана занятий не было, то студенты не получали последовательного накопления и углубления знаний. Слабее всего было поставлено чтение основных курсов: современного русского языка и его истории.

Только с осени 1946 г. был приглашен специалист по указанным дисциплинам, доц. И. М. Люперольский, который стал читать почти все курсы этого цикла: современный русский язык, историческую грамматику русского языка, диалектологию и старославянский язык. Из всех указанных курсов наиболее слабо было организовано изучение диалектологии, так как не велось никаких практических занятий. Курс истории литературного языка читала асп. О. Г. Большакова. Кафедра славянской филологии существовала до 1949 г. После смерти проф. В. Г. Чернобаева кафедрой руководил проф. Б. Р. Брежго, затем канд. фил. наук Ф. И. Стеклова. В состав кафедры входили аспиранты: О. Г. Большакова, Б. Ф. Инфантьев и

Б. И. Цинкина. В 1948 г. проф. Б. Р. Брежго, проф. Я. В. Лоя и ст. преп. М. Ф. Семенова были командированы на всесоюзное совещание славистов в Киеве. Кафедрой было организовано три комплексных экспедиции по фольклору и диалектологии под руководством Б. Ф. Инфантьева и М. Ф. Семеновой в Вышки, Илуксте и Берзгале и одна диалектологическая экспедиция в Вилякский район, в результате чего были написаны дипломные работы по диалектологии. В 1949 г. М. Ф. Семенова участвовала на диалектологическом совещании в Ленинграде и выступала с докладом.

Б. Ф. Инфантьев в 1947 г. опубликовал статью «Некрасов в латышской литературе (Научный бюллетень Ленинградского университета), в 1948 г. «Латышские материалы в ленинградских архивах» (Известия АН Латв. ССР, № 2), в 1950 г. «Сказки Пушкина о рыбаке и рыбке в латышском фольклоре» (Труды института фольклора АН Латв. ССР) и в 1951 г. «Русский традиционный фольклор» (Падомью Латвияс скола, № 1). Ф. И. Стеклова и С. И. Игнатович в 1949 г. написали и опубликовали в периодической печати статьи по творчеству А. Мицкевича и переводу его произведений на латышский язык.

Кафедра славянской филологии была ликвидирована в связи с реорганизацией славяно-русского отделения в русское.

Кафедрой русского языка заведовали проф. Я. В. Лоя, затем доц. И. М. Люперольский, потом короткое время А. А. Спаге, причем общее научное руководство кафедрой осуществлял проф. д-р Ленинградского университета Б. А. Ларин, который консультировал преподавателей и читал лекции по истории русского литературного языка и вел семинар. На кафедре были аспиранты: А. А. Спаге, И. М. Цветков и Е. О. Суржко, из которых А. А. Спаге защитила диссертацию в 1947 г. Проф. Я. В. Лоя составил латышско-русский словарь, который редактировала М. Ф. Семенова.

Позднее кафедра русского языка разделилась на две. Преподаватели практического курса русского языка для студентов-латышей и латышского языка для русских составили кафедру языков народов СССР, которой руководила ст. преп. Н. В. Соболева, а преподаватели теоретических дисциплин вошли в состав кафедры русского языка и литературы (В. Н. Новицкая, М. Ф. Семенова и Н. В. Соболева), которой руководил проф. М. А. Яковлев.

После языковедческой дискуссии, в 1951 г., была создана кафедра русского языка, в состав которой вошли все препода-

даватели русского языка, как теоретики, так и практики. За-ведующей кафедрой была назначена доц. канд. фил. наук В. А. Белошапкина. В том же году состав кафедры пополнился еще одним кандидатом наук — О. В. Горшковой, а после ее отъезда — в 1952 г. канд. фил. наук С. Я. Макаровой (проработавшей до 1956 г.) и Н. С. Петрикиной (проработавшей до 1954 г.). Отдельные циклы лекций на факультете были прочитаны проф. МГУ Е. М. Галкиной-Федорук, доц. Н. А. Кондрашовым, Г. И. Гагкаевым, М. И. Приваловой. С 1954 г. кафедрой руководит доц. канд. филол. наук Т. И. Пабауская.

С. 1951 г. ряд преподавателей приступил к сдаче кандидатских экзаменов по специальности, в связи с чем для консультаций и проведения экзаменов был приглашен проф. д-р Тартуского университета П. А. Аристе. Большинство преподавателей сдавали кандидатские экзамены без отрыва от работы. Для повышения квалификации были командированы в Ленинград и Москву на курсы по подготовке и сдаче кандидатского минимума последовательно следующие преподаватели: Н. В. Соболева, Д. Я. Димпен, Н. А. Афанасевич, Т. И. Пабауская, Н. П. Раздорова и В. Н. Брусочкина. На отделение диссертантов для написания кандидатской диссертации были командированы в Москву Т. И. Пабауская, М. Ф. Семенова и Т. К. Зийберг. В одногодичную аспирантуру для написания диссертации была зачислена Г. И. Румянцева. В. А. Юрик проходил аспирантуру на кафедре латышского языка. На кафедре были следующие аспиранты: Л. С. Груздева, М. Е. Боскова, Н. М. Карпенюк, Р. Я. Калиберзинь, С. Г. Бажанова и Д. Я. Димпен. Из числа преподавателей и аспирантов кафедры кандидатские диссертации защитили: В. Н. Новицкая, М. Ф. Семенова, Т. К. Зийберг, В. А. Юрик, Л. С. Груздева, М. Е. Боскова, Р. И. Калиберзинь, Т. И. Пабауская, Г. И. Румянцева, Н. П. Раздорова, а после присоединения Рижского педагогического института в 1958 г. число кандидатов филологических наук еще пополнилось (Т. А. Якубайте, Н. А. Донец, Л. И. Таубенберг, З. А. Толмачева). В настоящее время работу над диссертацией заканчивает ст. преп. Д. К. Рудзит. Вот некоторые из этих диссертаций в хронологическом порядке: М. Ф. Семенова. — К вопросу о формах прошедших времен глагола в латышском языке сравнительно с русским (Рига, 1954); Н. Д. Боголюбова. — Родительный отложительный при предлогах из, из-за, из-под, от, с в русском языке в сравнении с родительным отложительным при предлоге *puo* в латышском языке (Рига, 1955); В. А. Юрик —

Формы и значения предположительного наклонения глаголов латышского и русского языков в сопоставительном освещении (Рига, 1955); М. Е. Боскова. — Союзные функции вводных слов и вводных сочетаний слов в современном русском языке (Рига, 1956); Л. С. Груздева. — Односоставные предложения с именительным падежом имени существительного в роли главного члена в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. (Рига, 1956); Н. А. Донец. — Именительный и творительный предикативный имени существительного в современном русском языке (Рига, 1958); Л. И. Таубенберг — Система глагольного и именного управления в русском языке конца XVII — начала XVIII в. (Рига, 1958); Т. И. Пабауская. — О работе А. П. Чехова над языком произведений в 90-х — 900-х годах (Рига, 1960); З. А. Толмачева. — Опрошение префиксальных глагольных основ в именах действия в современном русском языке (Москва, 1961), Г. И. Румянцев. — Организация лексической работы на практических занятиях по русскому языку в латышских группах вузов Латв. ССР (Москва, 1961); Н. П. Раздорова. — Наблюдения над словоупотреблением К. Г. Паустовского (Ленинград, 1962).

Некоторое время при кафедре существовал консультационный пункт по сдаче кандидатского минимума и по работе над диссертацией, где проводилась работа с преподавателями Рижского, Лиепайского и Даугавпилсского педагогических институтов и работниками Министерства просвещения Латв. ССР.

Периодически (а с 1961 г. ежегодно) проводятся диалектологические экспедиции на юго-восточной территории Латвийской ССР (Зилупе, Малта, Нирза, Вараклины, Рунданы, Извалта, Балтинава, Капуе — рук М. Ф. Семенова; Каунаты — Н. С. Петрикина; Кристцели — Ю. М. Паршута; Аглона, Липушки — Л. И. Таубенберг; Аудрини — Н. П. Раздорова) и в Тихвинский район РСФСР (совместно с Институтом русского языка АН СССР). Кроме того, в индивидуальном порядке студенты собирали материалы по русским, белорусским и польским говорам республики. Собранный материал обрабатывался в курсовых и дипломных работах студентов, а также в научно-исследовательских работах преподавателей. В 1957 г. была проведена в Риге диалектологическая конференция вузов Латвии, Литвы и Эстонии с участием представителя Института языкознания АН СССР С. А. Бромлей, которая имела большое значение для развития диалектологической работы в Прибалтике. А 1962 г. в Вильнюсе на конфе-

ренции по изучению русских говоров Прибалтики было решено координировать диалектологическую работу Латвии, Литвы и Эстонии, периодически выпускать совместные сборники по вопросам, связанным с изучением русских старожильческих говоров республик Прибалтики, обмениваться студентами на время практики. Кафедра регулярно участвует в диалектологических и других совещаниях, проводимых Институтом русского языка АН СССР, Ленинградским университетом и др.

Архивная практика студентов длительное время проводилась в связи с курсом истории русского языка в Рижском городском государственном архиве, а с 1964 г. проводится обязательная архивная практика как в архивах республики, так и в других республиках.

В диалектологической работе, а также на занятиях по фонетике и при изучении русского языка в латышской аудитории все шире используется техника (магнитофон и др.).

Научная работа кафедры русского языка связана в первую очередь с разработкой местных научных проблем. Это — вопросы сравнительного изучения русского и латышского языков, иногда в связи со славянобалтийской проблемой¹, топонимика² русские говоры на территории Латвийской ССР³.

¹ Н. Д. Боголюбова, Т. А. Якубайте, История разработки вопроса о балто-славянских языковых отношениях (Сборник статей, посвященный академику проф. д-ру Яну Эндзелину в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности. Р. 1959); М. Ф. Семенова. По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале (Там же), К вопросу о сочетаниях дл, тл (Ученые записки Латвийского гос. университета, т. 30); Сопоставительная грамматика русского и латышского языков (Введение, лексика, фонетика) (Ученые записки Латвийского гос. ун-ва, т. 43). Морфология (Имя существительное), см. выше, стр. 31; Несклоняемые существительные в русском и латышском языках (Известия АН Латв. ССР, 1962, № 1); О слове «пагастс» (Ученые записки Латв. гос. ун-ва, т. 35); Н. Д. Боголюбова. Виды глагола в русском и латышском языках, см. выше стр. 21; В. А. Юрик. Общая система залогов предикативных форм глаголов русского и латышского языков в сопоставительном плане (Ученые записки Латв. гос. ун-ва, т. XVI), Категория числа имен существительных в русском и латышском языках (Ученые записки Латв. гос. ун-ва, т. 43), Категория рода имен существительных в русском и латышском языках (Вопросы методики преподавания практического курса русского языка в высших учебных заведениях Прибалтийских ССР. Даугавпилс, 1961); С. Г. Бажанова. Некоторые значения полузнаменательных полуслужебных слов в русском и латышском языках (Ученые записки Латв. гос. ун-ва, т. 25).

² М. Ф. Семенова. Из топонимики Латгале. (Ученые записки Латв. гос. ун-ва, т. XI).

³ М. Ф. Семенова. Об одной особенности русских говоров Латгале (Труды института языка и литературы АН Латв. ССР, VI); Образцы текстов

Вторым кругом исследуемых вопросов является история русского языка,⁴ третьим — современный русский язык⁵ и язык писателей.⁶

Научные статьи, представляющие части кандидатских диссертаций и отдельные исследования преподавателей кафедры русского языка, печатаются в Ученых записках Латвийского государственного университета (тома 11 — 1956, 16 — 1957, 25 — 1958, 30 — 1959, 36 — 1960, 43 — 1961). В свое время Рижский государственный педагогический институт также выпускал Ученые записки (выпуски: 2—1956, 5—1957, 8—1958, 9 — 1958) и опубликовал сборник статей «К вопросу управления (приглагольного и приименного)» в 1957 г. Кроме того, статьи работников кафедры русского языка Латвийского гос. университета опубликованы в изданиях АН Латв. ССР (Известия, Труды института языка и литературы, Сборник памяти Я. М. Эндзеллина), в Ученых записках других кафедр и вузов, а также в журнале «Падомью Латвиас скола» и в центральных

некоторых русских говоров Латвийской ССР (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 36), Предисловие к «Материалам для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (Р. 1963).

⁴ Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 36), Наблюдения над языком новгородских грамот XIII—XIV вв. Рижского гор. гос. архива (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 43).

⁵ З. А. Толмачева. Об образовании и распаде групп слов со связанными основами (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 30); В. А. Юрик. К вопросу о составе и функционировании форм сослагательного наклонения глагола в современном русском языке (Там же); Н. А. Донец. К вопросу о границах и типах сказуемого (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 36), Фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 43); Е. М. Целма. К вопросу о соотношении предложений с деепричастными оборотами и синонимичных конструкций (Там же);

⁶ Т. И. Пабауэте. О работе Чехова над языком произведений в 90-х — начале 900-х гг. (Ученые записки Латв. гос. унив., т. XI), Работа Чехова над языком рассказа «Кривое зеркало» (Ученые записки Латв. гос. унив., т. XVI), Работа Чехова над языком (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 30), К вопросу о работе Чехова над языком (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 36), Иноязычная лексика и фразеология в языке Чехова (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 43), Место просторечной лексики в произведениях Чехова (Там же); Н. П. Раздорова. Специальная лексика в произведениях Паустовского «Повесть о лесах» и «Рождение моря» (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 25), Взгляды Паустовского на язык художественных произведений (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 30), Метафорическое употребление существительных (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 36); Т. А. Якубайте: О языке оды Ломоносова «На день шествия на престол Елизаветы Петровны», 1747 г. (Ученые записки Латв. гос. унив., т. 30).

изданиях (Русский язык в школе, Русский язык в национальной школе и др.).

Помимо статей, преподавателями кафедры опубликован ряд отзывов о различных научных сборниках и учебниках в местной и центральной печати.

В 1956 г. членами кафедры (Г. И. Румянцева, М. Ф. Семенова и др.) составлен учебник-хрестоматия по русскому языку для студентов-латышей, в 1962 г. вышел учебник по древнерусскому языку для студентов-историков на латышском языке, составленный М. Ф. Семеновой. В. А. Юрик является соавтором самоучителя латышского языка для русских, Н. Д. Боголюбова — русского языкового языка для латышей. В настоящее время в печати находится новый самоучитель русского языка для начинающих, одним из соавторов которого является М. Ф. Семенова.

При кафедре работает лингвистический кружок студентов, в работе которого принимают участие все члены кафедры. Он образовался на основе двух прежних кружков: по современному русскому языку и по изучению языковых взаимоотношений русского и латышского языков. Научные статьи студентов публикуются как в особых сборниках, так и в Ученых записках кафедры. Из них следует отметить статьи В. Кноспе (К вопросу о конверсии в латышском языке), И. Земитиса (К вопросу о переводе с латышского языка на русский), И. Подбериной (Особенности работы М. Ю. Лермонтова над языком и стилем художественной прозы), Е. Смирновой (Морфологические заметки о новгородских грамотах XIII—XIV вв., хранящихся в Рижском гос. гор. архиве).

Члены кафедры ведут работу с различными учреждениями, где читают доклады, циклы лекций, дают консультации, пишут рецензии, делают переводы и т. п. Такими учреждениями является Институт языка и литературы АН Латв. ССР, словарная и педагогическая редакция Латгосиздата, педагогические институты республики, Научно-исследовательский институт школ и Институт усовершенствования учителей при Министерстве просвещения Латв. ССР, ЛТА, секция переводчиков при Союзе писателей, народные университеты, школы и др.

В порядке обмена опытом установлены связи с другими лингвистическими кафедрами историко-филологического факультета Латв. гос. унив., Институтом языка и литературы АН Латв. ССР, с кафедрами русского языка Тартуского, Вильнюсского, Ленинградского и Московского университетов, Даугавпилсского и Лиепайского пединститутов, с Институтом русского языка АН СССР и др.

Л. В. КАПОРУЛИНА

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ, Т. 36, РИГА, 1960 г.**

Последний выпуск «Ученых записок» кафедры русского языка Латвийского государственного университета им. Петра Стучки представляет несомненный научный интерес. Он содержит несколько статей очень разнообразной и актуальной тематики, отражает работу ученых над еще почти совершенно не исследованным материалом.

В этом отношении, прежде всего, следует приветствовать статью Н. Д. Боголюбовой и Л. И. Таубенберг, посвященную описанию древнерусских памятников Рижского городского архива. Разумеется, это еще только начало работы: статья содержит лишь описание архивных материалов, дает подробные сведения об их публикации и изучении, приводит тексты и фотокопии до сих пор не опубликованных грамот. Языковой анализ грамот РГА еще только обещан. Но и это начало положительно, ибо все местные архивы изучены у нас еще недостаточно. Работа над ними до сих пор не развернута, а между тем грамоты РГА, например, грамоты XIII (даже первой половины XIII) — XIV вв. Среди них имеются грамоты Смоленские, Полоцкие, Витебские, т. е. грамоты не центральных княжеств, два из которых (Полоцкое и Витебское) со второй половины XIII в. государственно отделились от остальных русских княжеств, войдя в состав Великого княжества Литовского. О необходимости и полезности описания языка этих древних документов свидетельствует язык наиболее известной грамоты РГА, «Грамоты князя Мстислава Давидовича с Ригюю и Готским берегом» (1229 г.), приведенной в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова. Как известно, язык этой грамоты чрезвычайно любопытен как в отношении отражения следствий

падения редуцированных, так и в отношении особенностей древнего смоленского диалекта.

Очень интересный и новый материал обобщается Т. Ф. Мурниковой в статье «Русские говоры в Эстонии». Кривичи и словене и предки современных эстонцев были в контакте друг с другом с очень давних пор. И это не могло не привести к образованию участков со смешанным и в этническом, и в языковом отношении населением (Сету и Алутагузе). Однако в районах Причудья и Принаровья до сих пор в непосредственной близости существуют эстонские и русские деревни, и, положим, на западном побережье Чудского озера ни о каком языковом смешении не может быть и речи. Объясняется это, как убедительно показывает Т. Ф. Мурникова, используя материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952 г., работы проф. Х. Моора, материалы диалектологических экспедиций студентов-русистов ТГУ, целым рядом неязыковых причин. Но язык населения Сету и Алутагузе — прекрасный материал для разрешения общезыковедческих проблем (проблемы языкового смешения, проблемы двуязычия и т. д.), и следует согласиться с Т. Ф. Мурниковой, которая полагает, «что всестороннее и планомерное лингвистическое обследование участков славяно-финского смешения является в настоящее время задачей первостепенного научного значения» (стр. 46—47). Язык же русских деревень Причудья и Принаровья — не менее интересный объект изучения (как правильно замечает автор, благодарная тема не только кандидатской, но и докторской научной работы), ибо в силу целого ряда причин русские говоры в Эстонии мало изменились. Например, окающий характер вокализма первых переселенцев острова Пийрисаар до последнего времени сопротивляется аканью более поздних поселенцев острова. «...если западный и северный берег Причудья характеризуется сплошным аканьем и еканьем, то на расположенном от некоторых акающих деревень на расстоянии 2—3 км острове Пийрисаар мы до сих пор еще среди старшего поколения встречаем носителей полного оканья, а также устанавливаем целый ряд других фонетических и морфологических особенностей произношения и речи, присущих только местному говору», — пишет Т. Ф. Мурникова (стр. 50—51). Иноязычное окружение псковских переселенцев способствовало тому, что в их диалекте сохранились архаические языковые элементы.

Очень хорошо, что автор дает ряд практических советов по сборанию говоров на западном побережье Чудского озера.

Но, к сожалению, автор не счел нужным привести образцы описываемых говоров, что, по нашему мнению, в данном случае было бы очень уместно.¹

Вопросам лексики XVI в. (на материале «Домостроя») посвящена напечатанная в сборнике обстоятельная статья проф. Ленинградского гос. университета М. А. Соколовой.

М. А. Соколова, широко используя «Материалы» И. И. Срезневского, картотеку ДРС, показание современных словарей, приводит очень ценные материалы по истории определенной группы слов (в статье описана синонимика имен существительных в «Домострое»). Статья свидетельствует о богатых словотворческих возможностях русского языка XVI в. и об умелом использовании книжниками этих возможностей (ср., например, употребление существительных-синонимов: брашно, снет, яд, яденье, пища, ества).

М. А. Соколова приводит очень интересные факты длительности жизни слова в языке (только 5% корневых существительных, наличествующих в «Домострое», не отражено Толковым словарем под ред. Д. Н. Ушакова; тот же словарь на 87% сохраняет производные существительные «Домостроя») и в то же время каждый раз оговаривает, почему, с одной стороны, то или другое слово входит в язык, как оно входит (например, справедливо замечание, что слово «скот» неслучайно в качестве синонима к существительному «животина» первоначально выступает вместе с определением «животный»), почему, с другой стороны, происходит распад ряда синонимических гнезд. На стр. 34 автор пишет: «... существительные житие, живот и век были многозначны. Это и явилось причиной, в силу которой в значении времени от рождения до смерти существа закрепилось и установилось слово «жизнь», которое из книжного языка перешло во всеобщее употребление. Существительное «живот», получив основное значение — часть организма (человека и животных), в которой расположены органы пищеварения, отмечается современными словарями и в прежних значениях (жизнь и имущество) с пометами «устар.»»

Любопытно, что особенности древнего употребления слов М. А. Соколова каждый раз старается подтвердить и данными современного русского языка, используя для этого материал пословиц и фразеологизмов, ориентируясь на наречные

¹ Неточна ссылка автора: указывается, что материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции опубликованы в XXII т. «Труды Института этнографии» (1954 г.), однако этот том «Трудов» посвящен изобразительному искусству Сибири.

образования. Например, более широкое употребление слова «пятница» в живой стихии языка по сравнению со словом «пяток» подтверждается пословицами, отмеченными В. И. Далем: «После пятницы в четверг», «приходи в пятницу похлевать кашицы», «Вторник да пятница — легкие дни», «На неделе семь пятниц» и т. д., из которых только в одном примере фигурирует существительное «пяток» («В пяток курицу на яйца не сажают»). Или: более широкое употребление слова «пора» в разговорной речи по сравнению со словом «время» подтверждается частым использованием первого слова в образованиях наречного характера и в устойчивых сочетаниях слов: порой, на первых порах, в ту пору, до сих пор, до тех пор и т. д.

Материалы пословиц свидетельствуют также о широте употребления слова «животина» для обозначения домашнего скота, и это позволяет М. А. Соколовой сделать поправку к соответствующей статье в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «Если в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова данное слово стоит с пометой — «просторечное» и это определение может быть безоговорочно принято для современного языка, то другая помета — «областное» как будто не находит себе подтверждения ни в фактах прошлого..., ни в данных современного языка» (стр. 40). Эта частная поправка свидетельствует о том, сколь полезны исследования подобного рода. Всю работу М. А. Соколовой можно рассматривать как необходимый материал для будущего исторического словаря русского языка, создание которого давно стало задачей первостепенной научной важности.

Очень актуальна в последнем выпуске «Ученых записок» Латвийского гос. университета и статья Н. А. Донец «К вопросу о границах и типах сказуемого».

Дело в том, что за последние 6 лет вышли в свет 4 книги по синтаксису современного русского языка: 1. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I и II, изд. АН СССР, 1954; 2. «Современный русский язык». Синтаксис, изд. МГУ, 1958; 3. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова и Н. М. Шанский, «Современный русский язык. Синтаксис», Учпедгиз, 1958; 4. А. Н. Гвоздев, «Современный русский язык», ч. II, Синтаксис, Учпедгиз, 1958 г. Все они в той или иной мере используются как учебные пособия в педвузах и университетах. Однако в ряде случаев в этих пособиях выявляется различное понимание, различное толкование отдельными авторами одних и тех же языковых фактов. Этот вопрос уже не раз поднимался

в печати. Так, проф. И. А. Василенко в рецензии на книгу Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой и Н. М. Шанского еще в 1959 г. писал: «Я здесь не могу заниматься сравнительной характеристикой четырех упомянутых книг по синтаксису, но кафедры русского языка должны эту работу проделать с тем, чтобы рекомендовать студентам для изучения то учебное пособие в целом или в какой-то его части, которое наиболее правильно, по мнению научной общественности, разрешает данный вопрос».² Именно этому в отношении типов сказуемого и определения сказуемого и посвящена работа Н. А. Донец. Автор очень удачно анализирует подход к сказуемому в различных учебных пособиях, приводит хорошую схему, помогающую читателю разобраться в этом сложном вопросе, высказывает ряд своих собственных соображений по характеристике того или другого типа сказуемого. При этом Н. А. Донец подходит к вопросу о типах сказуемого очень широко. Она не только ориентируется на «Русскую грамматику» А. Х. Востокова, «Историческую грамматику» Ф. И. Буслаева, на высказывания А. А. Потебни, А. А. Шахматова, но и использует целый ряд специальных работ: канд. диссертацию Г. Грудневой «Составное или сложное сказуемое», канд. диссертацию А. Лабарткава «Способы выражения сложного сказуемого», статьи А. Б. Шапиро, Р. В. Протогеновой и др.

В работе Н. А. Донец очень хорошо подчеркнуто, что вопрос о границах простого и непростого сказуемого — вопрос принципиальный, а не терминологический, ибо в конечном счете весь спор сводится к тому, может ли имя без глагола выполнять предикативную функцию. Правда, автор по этому вопросу просто придерживается традиционной точки зрения, но в этом, по нашему мнению, нет ничего удивительного, так как этот вопрос можно решить лишь в специальном историческом исследовании.

Интересны замечания автора об особенностях сложного сказуемого. Характерной чертой сложного типа сказуемого Н. А. Донец считает «употребление именной присвязочной части обычно в форме творительного падежа» (стр. 72). Приходится пожалеть, однако, что после прочтения статьи остается неясным, какой же точки зрения на сложное сказуемое придерживается Н. А. Донец. Сначала автор подробно излагает точку зрения А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздева, А. Абакумова, Н. Ю. Шведовой и др., учитывая полноточность и неполно-

² «Русский язык в школе», 1959, № 4, стр. 116.

значность глагола-связки, а потом также подробно говорит о взглядах на сложное сказуемое Е. М. Галкиной-Федорук, для которой критерий выделения сложного сказуемого совсем иной: она исходит из количества компонентов предикативной единицы. Никаких обобщений автор в данном случае почему-то не делает.³

С Чеховским юбилеем связаны в выпуске две публикации Т. И. Пабауской. Т. И. Пабауская помещает варианты рассказа «Кривое зеркало» (одного из ранних рассказов А. П. Чехова) и письма к А. П. Чехову латышских корреспондентов.

Работа А. П. Чехова над языком рассказа «Кривое зеркало», несомненно, представляет большой интерес, о чем свидетельствует статья Т. И. Пабауской в XVI т. «Ученых записок» Латвийского гос. университета (1957 г.). Там Т. И. Пабауская отмечает и объясняет малейшие изменения, вносимые А. П. Чеховым в текст рассказа. И данная публикация ценна, конечно, не сама по себе, а как необходимое дополнение и приложение к названной выше работе.

Письма к А. П. Чехову латышских корреспондентов Э. Краса, К. А. Скарре, Г. К. Егера, Н. Залита публикуются в этом сборнике впервые. Они очень ярко свидетельствуют о том, что имя А. П. Чехова и его произведения еще при жизни писателя были широко известны латышским читателям. Однако работу над комментированием текста писем Т. И. Пабауской, несомненно, следует продолжить. При любой научной публикации принято давать справку об авторах писем, о знакомстве с ними А. П. Чехова, принято сообщать, являются ли данные письма частью дошедшей до нас переписки или нет, известны ли реакции адресата на эти письма. Точно так же должны быть справки такого рода: был ли, например, поставлен тот спектакль в рижском латышском театре, текст для которого просит у А. П. Чехова, принято сообщать, являются ли данные письма Т. И. Пабауской пока что мы не находим.

Наконец, в рецензируемом томике «Ученых записок» помещена статья начинающего научного работника. Мы имеем в виду статью Н. П. Раздоровой «Метафорическое употребление существительных» (на материале произведений К. Г. Паустовского). Эта работа имеет ряд недостатков, в известной мере связанных с тем, что она представляет собой часть большой

³ Кроме того, в статье остается неоконченным разговор о составном именном сказуемом. Складывается такое впечатление, что в связи с технической погрешностью (смешаны стр.: продолжение 67 стр. находим на стр. 69, и только потом следует текст стр. 69) какая-то часть авторского текста в печатный вариант внесена не была.

работы (Н. П. Раздорова публикует извлечения из подготавливаемой ею кандидатской диссертации «Наблюдение над языком и стилем К. Г. Паустовского»). Так, автор в статье останавливается на двух типах метафорического употребления существительных, но какие еще есть типы такого употребления, почему автор выбирает именно эти два типа — в статье не сообщается. В конце статьи (стр. 87) приводится подборка цитат с метафорическим употреблением слов, однако рассматриваемых Н. П. Раздоровой конструкций там не находим. Кстати, все примеры этой страницы свидетельствуют о том, что метафора не создается одним словом. Однако, к сожалению, в статье эта мысль не акцентирована. Непонятен смысл некоторых абзацев. Например, на стр. 86 автор соединения типа «жар желаний», «пламя надежды», «отблеск будущего» называет речевыми штампами. Но чем «язык свечи» поэтичнее «отблеска будущего»?

Но, с другой стороны, в статье Н. П. Раздоровой есть и несомненные удачи. Это, прежде всего, относится к выдвинутому автором критерию разграничения творительного сравнения и творительного метафоры. Кроме того, чувствуется, что автор познакомился с большим количеством трудов литературоведческого порядка, что совершенно необходимо для успешного завершения такого рода работы.

В заключение следует отметить, что читатель, несомненно, извлечет из рецензируемого сборника полезный и ценный материал.

Г. И. РУМЯНЦЕВА

О НОВОМ УЧЕБНИКЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ 9—11 КЛАССОВ ШКОЛ С ЛАТЫШСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

Латвийское государственное издательство выпустило для старших классов школ новый учебник по грамматике русского языка.¹

За последние годы в преподавании русского языка учащимся-латышам наметился определенный сдвиг. В школах все больше внимания обращается на практическое овладение учащимися русским языком, все меньше времени тратится на уроках на изучение формулировок и правил, не помогающих ученикам овладеть живой русской речью.

Перестроить учебный процесс помогают новые учебники по русскому языку для средних классов и изменения в школьных программах.

Большую роль в перестройке преподавания русского языка в старших классах сыграет, несомненно, и этот новый учебник по грамматике русского языка.

Авторы, создавая учебник, проявили много изобретательности, выдумки, творческой самостоятельности и смелости. Изобретательность и выдумка проявляются в разнообразии упражнений, в интересном подборе грамматического материала; самостоятельность и смелость в отступлении от традиционного построения учебников, от традиционного освещения языковых явлений. Очень радует ярко выраженная практическая направленность учебника. Эта установка на развитие самостоятельной речи учащихся видна во всем: в выборе грам-

¹ Е. К. Францман, Б. Ф. Инфантьев, М. Ф. Семенова, О. Я. Вилан. Русский язык. Учебник для IX—XI классов с латышским языком обучения. Латв. гос. издательство. Рига, 1962.

матических явлений, в отсутствии длинных формулировок, в характере упражнений.

Выбирая грамматические тексты для изучения в старших классах, авторы, как видно из текста учебника, руководствовались тем, насколько те или другие закономерности русского языка важны для практического овладения речью, тем, какие трудности представляют те или другие грамматические явления для учащихся-латышей в связи с расхождениями в грамматических системах русского и латышского языков, и, наконец, тем, что уже известно учащимся старших классов из программы по родному языку и по русскому языку для средних классов. Такой подход к подбору грамматического материала представляется правильным.

Составители учебника исходят, например, из того, что учащиеся старших классов знают, что называется подлежащим, сказуемым, определением или дополнением, какое значение имеет существительное как часть речи, что такое предложение и т. п., и в соответствии с этим не помещают в учебник многих определений, обычно включаемых в учебники по русскому языку.

С другой стороны, в учебнике можно найти много таких правил и наблюдений над употреблением определенных грамматических категорий, которых нет в других учебниках. Так, например, обращается внимание на соотношение русских предлогов из — в, с — на и др., на существительные, отличающиеся категорией грамматического рода от существительных латышского языка, на употребление однокоренных прилагательных, на глаголы с иным, чем в латышском языке, управлением и т. п.

В учебнике много подобного рода фактов, много интересно составленных сводных таблиц и схем. Приводятся списки глаголов, возвратных в русском языке и невозвратных в латышском, список существительных, отличающихся формами числа, список предлогов, соответствующих одному латышскому и т. п.

Упражнения учебника очень разнообразны, и, в большинстве своем, предполагают самостоятельное использование в речи изучаемых грамматических категорий. Почти нет упражнений, в которых предлагалось бы подчеркнуть или распознать грамматическое явление. Задания предлагают образовать формы слов, ответить на вопросы, составить текст, написать заявление, передать своими словами содержание предложений и т. п. Очень удачно также включение в задания большого коли-

чества фразеологических выражений, распределенных по частям речи, упражнений, в которых изучаемая часть речи употребляется в составе устойчивых сочетаний, а также разнообразных загадок, пословиц, поговорок.

Однако, к сожалению, в учебнике имеются и довольно значительные недостатки. Огорчает большое количество фактических неточностей. В одно правило или в одно упражнение часто попадают совершенно различные, порой несовместимые языковые явления. Так, например, в § 89 (глагольное управление) в разделе IV (глаголы, управляющие творительным падежом) в одном ряду даются случаи сильного управления и употребление существительного в творительном падеже в качестве сказуемого: заниматься спортом, наслаждаться жизнью, дорожить доверием, увлекаться спортом и т. п. и стать специалистом и т. п. (стр. 243—245). Как одинаковое явление даются случаи сильного и слабого управления. В разделе III (Глаголы, управляющие винительным падежом) в одном ряду стоят такие глаголы, как *превратиться* (в пар), *влиять* (на товарища) и также как *отправиться* (в колхоз, на целину). *Отправиться* можно ведь и за газетой (тв. пад.) и к товарищу (дат. пад.) и т. д. Или, например, на стр. 247—249 приводится список глаголов, управляющих несколькими падежами (раздел VI, § 89). Без всяких пояснений как одинаковые явления даются здесь глаголы типа *бороться* — за что?, с кем?, против чего? (за мир; с врагом; против несправедливости), и такие, как *учить* — кого? что? (детей; стихотворение),

учить
учиться } чему? (русскому языку);

и такие, как *изменить* — что? чему? (порядок; присяге). Если глаголы типа *бороться* могут, не меняя своего значения, употребляться с различными формами падежей и с различными предлогами, то глаголы типа *учить* меняют свое значение в зависимости от конструкции. Это глаголы с конструктивно обусловленными значениями. Глагол *учить*, например, с винительным падежом (*учить что?* — стихотворение, песню, слова и т. д.) имеет другое значение, чем в конструкции с дательным падежом (*учить чему? кого?* — русскому языку детей, взрослых и т. д.) В учебнике же смешиваются эти значения. Следовало бы дать отдельно список глаголов с конструктивно обусловленным значением, правильно показывая различные значения глагола в зависимости от конструкции.

Не *учить* — кого? что? (детей; стихотворение),

учить } — чему? (русскому языку),
учиться }

а *учить* — что? (стихотворение, петь, роль, слова),

учить — кого? чему? (детей, взрослых, учеников, студентов; русскому языку, грамоте).

Что касается глаголов *изменить* — что? (порядок) и *изменить* — чему? (присяге), то это уже явление омонимии (см. «Словарь русского языка» изд. АН СССР. М. 1957). Такие глаголы следовало бы давать отдельно (не *изменить* — что? чему? (порядок, присяге), а *изменить* — что? (порядок, текст), *изменить* — чему? (присяге, родине).

В упражнениях на употребление глагольных видов постоянно смешивается префиксальное глагольное словообразование и префиксальное образование форм вида. Так, в задании 596 в качестве видовой пары дается *косить* — *скосить* (стр. 184), а в задании 601 — *скосить* — *скашивать* (стр. 186). В задании 569 к § 61 (совершенный вид) в качестве видовых пар наряду с *случилось* — *случалось*, *выплывали* — *выплыли*, *надвигались* — *надвинулись* даются *манили* — *заманили* (в то время как видовая пара — *заманили* — *заманивали*) или *валился* — *свалился* (видовая пара *свалился* — *сваливался*) и т. п. (стр. 173—174). В задании 597 (стр. 184) даются следующие пары; *мазать* — *смазать* (в то время как видовая пара *смазать* — *смазывать*), *пилить* — *выпилить* (видовая пара *выпилить* — *выпиливать*) и т. п. Примеров таких множество. Часть их следовало бы отнести не к § 66, где перечисляются значения совершенного вида, а к § 69, где даются значения глагольных приставок.

* *

*

Фактические неточности и небрежности встречаются в большом количестве и в правилах учебника и в упражнениях.

Приведу несколько примеров. Задание 384 (стр. 109) к § 31 (степени сравнения имен прилагательных) не содержит ни одного прилагательного: чем *раньше*, тем *лучше*; *лучше меньше*, да *лучше*, ум *хорошо*, а два *лучше*.

На стр. 67 (§ 19. Правописание частицы *не* с существительными) читаем:

Имена существительные с частицей *не* обыкновенно пишутся слитно. Отдельно частица *не* пишется, если в

предложении имеется противопоставление или если она отделена от существительного предлогом.

*Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи, —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.*

Авторы, следовательно, предлагают учащимся в тех случаях, когда в предложении нет противопоставления, писать эти слова с *не* слитно (!)

В задании 367 на стр. 103 к § 30 (Предложный падеж) в ряду словосочетаний с предложным падежом (*на прошлой неделе, в будущем году*) дано словосочетание *не с предложным, а с винительным падежом — в ближайшее воскресенье* (ср. *в среду, в субботу*).

На стр. 74 в § 22 (суффиксы имен прилагательных) читаем, что «имена прилагательные, образованные от глагольных основ, обычно имеют суффиксы — *енн* — и в некоторых случаях — *ен* —

Утомленный (вид), крашенный (пол).

Утомленный (вид) и крашенный (пол) — это не прилагательные, образованные от глагольных основ, а причастия, перешедшие в прилагательные. Правописание подобных прилагательных (-*нн*-, или -*н*- в суффиксе) зависит от наличия или отсутствия приставки.

Ср. испуганный (вид) — и моченые (яблоки).

утомленный (вид) — сушеные (сливы),
ограниченный (человек) — крашенный (пол),
взволнованный (рассказ) и т. п.

На стр. же 261 в задании 796 (к § 93. Страдательные причастия настоящего времени) находим вместо страдательного причастия, перешедшего в прилагательное, прилагательное, образованное от глагольной основы — *непоправимый* (*непоправимая* ошибка).

На стр. 29 (§ 8, Родительный падеж, единственное число) читаем, что «в родительном падеже употребляются существительные в сочетании с числительными *два, две, три, четыре* и со словами *много, мало, несколько* (много работы)». Но с *много, мало, несколько* (в отличие от сочетаний с числительными 2, 3, 4) употребляются, как правило, форма множественного, а не единственного числа родительного падежа. В единственном числе употребляются после этих слов только существительные, не имеющие формы множественного числа.

Ср. 2, 3, 4, карандаша, учебника, *но много, мало, несколько* карандашей, учебников,

а также *много, мало* забот, волнений и пр.

Задание 559 (стр. 171) предлагает из глаголов, данных в скобках, выбрать глагол нужного вида и *мотивировать* выбор.

Если такие слова, как *ежедневно, обычно* и т. п. действительно предполагают обязательное употребление формы несовершенного вида, то сочетание *несколько раз*, данное в одном из примеров, не является показателем несовершенного вида, т. к. может сочетаться с глаголами обоих видов.

Ср. *Как часто?*

Сколько раз?

всегда спрашивал (несов. в.) *два раза* спросил (сов. вид);
спрашивал (несов. вид);

никогда не останавливался (несов. в.) — *несколько раз* остановился (сов. в.) останавливался (несов. вид).

На стр. 198 (формы глагола) читаем, что основа неопределенной формы и настоящего времени для глагола *читать* совпадают (чита-ть и чита-ют). Но при выделении основы следует исходить не из буквенного, а из звукового состава слова.

Основа наст. времени — чита|—.

Основа инфинитива — чита—.

Иначе получается, что для всех глаголов 1-ого и 2-ого продуктивного класса основы не различаются.

На стр. 110 говорится об употреблении формы превосходной степени. Читаем: «Прилагательные в превосходной степени употребляются при существительных в родительном падеже множественного числа с предлогом *из* или *среди* (умнейший из (среди) умных). Если же имеется указание на место сравниваемых предметов, то соответствующее существительное ставится в родительном падеже с предлогом *в* (умнейший человек мира — умнейший в мире человек).» В следующем же за этим правилом упражнении (задание 387 I) нет ни предлогов *из, среди*, ни родительного падежа множ. числа, ни предлога *в*. И не может быть, т. к. прилагательные этого задания употреблены не в значении превосходной степени, а в безотносительном значении (широчайшие возможности; прекраснейшие произведения искусства). В безотносительном же значении (нет сравнения, обозначается выс-

шая степень качества безотносительно) употреблены прилагательные упр. 388 (новейшая литература, малейшая неосторожность, честнейший человек, глубочайшее убеждение, сильнейшая боль, злейший враг, полнейшая тишина и пр.).

На стр. 169 в § 60 (несовершенный вид) читаем:

«Глаголы несовершенного вида, кроме того, обычно употребляются:

1) с сочетанием местоимений *весь, целый*, а также числительных с существительными, обозначающими отрезок времени (напр., целую неделю, весь месяц, целыми днями, две недели, три года):

И всю ночь напролет
храбро бьется отряд.

2) С сочетанием предлога *по* и существительных в дательном падеже, а также предлога *в* и существительных в винительном падеже (напр., по вечерам, по целым неделям, в часы отдыха): По выходным дням молодые рабочие занимаются спортом, читают, устраивают туристские походы. Примечание. В последних двух случаях могут употребляться и глаголы совершенного вида с приставками *про* — и *по*—:

Обоз весь день простоял у реки.

С сочетаниями типа *всю ночь*, действительно, очень часто употребляется глагол совершенного вида со значением определенной длительности действия (проработал всю ночь, прожил на юге 3 года, проспал 2 часа). Во втором же случае (с сочетаниями типа *по выходным дням, по целым неделям*) употребление форм совершенного вида с приставками *-про* и *-по-* представляется невозможным.

* *
*

Иногда вызывает возражение расположение материала в учебнике. Совершенно непонятно, например, почему тема «Формы глагола» (стр. 198) входит в § 72 (Приставочные глаголы движения). Или на стр. 379 к § 127 (Придаточные предложения времени) дается схема употребления глагольных видов. Но ведь закономерность употребления видов в прошедшем времени проявляется не только в придаточных предложениях времени. Например:

Я сидел дома и читал книгу.

Я читал текст и выписывал слова.

} Действия
одновременные.
Глаголы
несовершенного
вида.

Я прочел книгу и отнес ее в библиотеку.	}	Действия
Я выписал слова и выучил их.		последовательные.
		Глаголы
		совершенного
		вида.

Поэтому представляется более правильным поместить таблицу об употреблении глаголов разных видов в параграфе, где говорится об употреблении глагольных видов.

* *
*

Есть в учебнике и неудачно составленные упражнения и задания.

Так, например, § 69 (Значение глагольных приставок) дает примеры на конкретные значения приставок. Упражнение же к этому параграфу (задание 607, стр. 190) предлагает учащимся объяснить значение приставок не только в таких глаголах, как *зайти* (ср. *заехать*, *залететь*) или *прилечь* (ср. *прилечь*), но и в таких, как *находиться* (холм, на котором я *находился*) или *обозначать* (отблески воды... *обозначали* ее течение). Определить и объяснить значение приставок в последних глаголах учащиеся никак не смогут.

Задание 363 (стр. 102) предлагает составить рассказ на тему «В городе» с данными словосочетаниями в форме предложного падежа единственного числа. Некоторые из словосочетаний довольно неожиданные: *рыжая белка*, *сосновый лес*, *дальняя дорога* и др.

А вот задание 379 (стр. 108). Требуется «прочитать предложения, ставя выделенные прилагательные в сравнительной степени». 1. Он теперь *хороший* работник. А в соответствии с заданием 364 (стр. 102) следует написать предложение «Колхозник косил траву на большом лугу» во множественном числе. Но ведь предложения «Колхозники косят травы на больших лугах» или «он теперь работник лучше» — перестают быть русскими предложениями. А вот предложение из задания 794 (стр. 261): «Кандидат, выдвигаемый в депутаты, рассказал избирателям свою биографию». Что значит «кандидат выдвигаемый в депутаты»?

* *
*

Есть в учебнике и небрежные формулировки. Так, например, в задании 986 (стр. 327) слова *обращаться, похож* и др. называются *оборотами* (запомните следующие обороты), на стр. 149 слово *себестоимость* называется *выражением*. На стр. 168 читаем: «Глаголы несовершенного вида в неопределенной форме всегда употребляются после глаголов *начать, привыкнуть* и пр.» Следовало бы сказать: после глаголов *начать, привыкнуть* и пр. употребляются только формы несовершенного вида и т. п.

*
* *

Все эти и ряд других недостатков следовало бы устранить при повторном издании этого в общем очень нужного и хорошего учебника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии	5
Юрик В. А. Основные средства выражения грамматических значений в латышском и русском языках	7
Боголюбова Н. Д. Виды глагола в русском и латышском языках	21
Семенова М. Ф. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Морфология. (Имя существительное).	31
Донец Н. А. Фразеологические сочетания в роли составной части именного сказуемого	51
Донец Н. А. Лексико-семантические архаизмы и историзмы в составе фразеологических единиц	65
Румянцева Г. И. О значении и употреблении формы сравнительной степени имен прилагательных с приставкой по	99
Толмачева З. А. К вопросу об эволюции структуры наречий	109
Пабауская Т. И. Сравнения в рассказах А. П. Чехова	123
Раздорова Н. П. Об образном употреблении слов в языке произведений К. Г. Паустовского	139
Раздорова Н. П. Употребление диалектной лексики К. Г. Паустовским	151
Рудзит Д. К. О преподавании русского языка студентам-латышам	165
Семенова М. Ф. О лингвистических кафедрах русского отделения историко-филологического факультета Латвийского государственного университета	193
Капорулина Л. В. «Ученые записки» Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. 36. Рига, 1960	203
Румянцева Г. И. О новом учебнике по русскому языку для 9—11 классов школ с латышским языком обучения	211

brant

90 коп.

44/5760

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509052558